

Социолингвистика

Sociolinguvistika

[http:// sociolinguistics.ru](http://sociolinguistics.ru) № 1 (17) 2024

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 1 (17)

2024

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

№ 1 (17) 2024

ISSN 2713-2951

DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы

В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)

А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственные редакторы номера

Т.Б. Агранат (д.ф.н., Институт языкознания РАН),

Л.Р. Додыхудоева (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Заместитель главных редакторов

Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный секретарь

С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., проф., Махачкала, Россия
Л. Болд	акад. Монгольской академии наук, д. ф. н., проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., проф., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корреспондент РАН, д. филол. н., проф., Санкт-Петербург, Россия
М. Вингендер	д. филол. н., проф. Гиссен, Германия
Е.В. Головкин	член-корреспондент РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	д. филол. н., проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., проф., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н., Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	д. филол. н., проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., проф., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., проф., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., проф., Чеченская Республика, Россия
Т. Поншон	д. филол. н., проф., Шампань-Арденн, Франция
М. Тамин	проф., Шампань-Арденн, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., проф., Республика Башкортостан, Россия
Юкиясу Араи	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., доцент, Москва, Россия
Ван Хьеп Нгуен	доктор философии, Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	д. филол. н., проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	д. филол. н., проф., Ухань, КНР

© Институт языкознания Российской академии наук, 2024

© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2024

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGVISTIKA

No. 1 (17)

2024

Established in 2020
Published four times a year

SOCIOLINGVISTIKA
Scientific Journal
No. 1 (17) 2024
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief

Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive editors of the issue

Tatiana B. Agranat (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences),
Leyli R. Dodykhudoeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences),

Deputy Editor-in-Chief

Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive Secretary

Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
L. Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
M. Wingender	DSc in Philology, Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
L. Grenoble	DSc in Philology, Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu. Mikhalchenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Chechen Republic, Russia
T. Ponchon	DSc in Philology, Professor, Champagne-Ardenne, France
M. Tamin	Professor, Champagne-Ardenne, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Republic of Bashkortostan, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Associate Professor, Moscow, Russia
Van Hiep Nguyen	PhD in Philosophy, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	DSc in Philology, Professor, Shanghai, China
Zhao Shijiu	DSc in Philology, Professor, Wuhan, China

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции7

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Leyli R. Dodykhudoeva Ethnocultural and linguistic features of Pamir-speaking communities at different stages of migration processes 9

Куцаева М.В. «Еще не русские и уже не марийцы»: Об этнической идентичности, языке и культуре Кировских марийцев (По результатам обследования в марийской диаспоре московского региона) 25

Москвичева С.А., Гасанов М.М. Азербайджанский язык в московской общине азербайджанцев: символические параметры языковой ситуации 44

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Агранат Т.Б., Орлов В.А. Структура идиомов сето в свете социолингвистических данных . . 61

Пилипенко Г.П. Особенности кодового переключения у представителей венгерской диаспоры в Сербии, Хорватии и Словении 73

ЯЗЫК И ОБРАЗОВАНИЕ

Люблинская М.Д., Валенкова В.В. Преподавание языка как способ укрепления национального самосознания 91

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Muhammad Nooh M. Osman International vs. African languages: The influence of Arabic and English on the development of the Hausa language in the Hausa diaspora in Sudan 104

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

Языки диаспоры (*М.В. Куцаева*) 115

Требования и рекомендации к оформлению статей122

CONTENTS

Editorial preface 7

LANGUAGE SITUATION

Leyli R. Dodykhudoeva Ethnocultural and linguistic features of Pamir-speaking communities at different stages of migration processes 9

Marina V. Kutsaeva “Not yet Russians and no longer Maris”: Ethnic identity, language and culture of the Kirov Maris (Based on the results of a survey in the Moscow region Mari diaspora) 25

Svetlana A. Moskvitcheva, Mammadala M. Gasanov The Azerbaijani language in the moscow community of Azerbaijanis: symbolic parameters of the linguistic situation in conjunction with socio-demographic factors 44

DYNAMICS OF LANGUAGE PROCESSES

Tatiana B. Agranat, Vladislav A. Orlov. The structure of Seto idioms in the light of sociolinguistic data 61

Gleb P. Pilipenko Features of code switching among representatives of Hungarian diaspora living in Serbia, Croatia, Slovenia 73

LANGUAGE AND EDUCATION

Marina D. Lublinskaya, Viktoria V. Valenkova Language teaching as a way to strengthen national identity 91

YOUNG SCHOLAR’S ENDEAVOURS

Muhammad Nooh M. Osman International vs. African languages: The influence of Arabic and English on the development of the Hausa language in the Hausa diaspora in Sudan. 104

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

Diaspora languages (*Marina V. Kutsaeva*) 115

Style sheet 122

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL PREFACE

Уважаемые читатели!

Настоящий спецвыпуск журнала посвящен различным проблемам функционирования языков в диаспорах. Изучение феномена диаспоры с различных точек зрения, в том числе и с лингвистической, началось не сегодня, однако оно не только не теряет своей актуальности, но, как представляется, «набирает обороты». Связано это как с тем, что до сих пор остаются белые пятна в данной области исследования, так и с тем, что в современном мире к старым диаспорам добавляются новые. Можно выделить разные типы диаспор, в том числе и на основании языковых процессов, происходящих в них.

Феномен диаспоры с лингвистической и культурной точек зрения стал предметом специальной секции на XV Конгрессе антропологов и этнологов, который состоялся в 2023 г. в Санкт-Петербурге. На секции рассматривались проблемы сохранности/утраты языков и культур как в старых, так и в новых диаспорах. Обсуждалось различие процессов утраты культур и языков в старых и новых диаспорах. При этом отдельное внимание уделялось специфическому феномену внутренней диаспоры. Рассматривалась как социолингвистическая (и экстралингвистическая) составляющая: передача/прекращение передачи культуры и/или языка детям, сохранение/утрата языковой лояльности и т.д., так и собственно лингвистическая: устойчивость/скорость исчезновения языковых параметров в условиях отрыва от исконной языковой среды.

Эта же проблематика и в фокусе исследований данного выпуска. В него вошли статьи, посвященные социолингвистическим проблемам взаимодействия родного языка и его жизни в диаспоре, отражены особенности отношения людей, живущих в условиях диаспоры к эритажному языку; приводится обзор положения родного языка в диаспоральных сообществах; рассматриваются перспективы функционирования, развития и сохранения в них языков в отрыве от метрополии; выявляются лингвокультурные приоритеты диаспоральных общин, основанные на языковой идеологии и этнорелигиозных и культурных особенностях; отмечены примеры лингвокультурных исследовательских инициатив, выстроенные на основе изучения и/или преподавания родного языка; выявлены различные типы переключения когда у носителей и впервые рассмотрено одновременное переключение на три языка; обнаружен феномен сохранности архаичного языка в старой диаспоре и т. д.

География статей очень обширная: Европа, Памир, Африка, различные регионы РФ. Очевидно, что в самых разных уголках мира языковые проблемы в диаспоральных сообществах

сходны. Рассматриваются также случаи, когда из-за демаркации границ часть этноса, оставаясь на своей исконной территории, оказывается в диаспоре. Отдельное внимание уделяется специфическому феномену внутренней диаспоры, в связи с этим в рубрике «Словарь социолингвиста» рассматривается необходимость различения языков внешней и внутренней диаспоры и, как следствие, введения в научный оборот социолингвистики соответствующих терминов применительно к описанию функционирования языков народов Российской Федерации, проживающих вне исконного ареала расселения.

*Т.Б. Агранат,
Л.Р. Додыхудоева*

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

УДК 81'272

DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-9-24

ETHNOCULTURAL AND LINGUISTIC FEATURES
OF PAMIR-SPEAKING COMMUNITIES AT DIFFERENT STAGES
OF MIGRATION PROCESSESLeyli R. Dodykhudoeva Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article determines the place of mother tongues in the life of Pamir-speaking communities, their transformation and functioning at different stages of the migration process. It outlines features that enhance our understanding of the phenomenon of Pamir diaspora. The linguistic and cultural priorities of diasporic Pamir communities are identified in light of their linguistic ideology, and ethno-religious and cultural perspectives. To study the dynamics of language life in different contexts, data on language biographies are presented, together with an analysis of the work of grassroots activists, who, by their lingua-cultural creativity, are involved in promoting their cultural and linguistic heritage, thus demonstrating their sociolinguistic rights. Analysis of the mother tongue – an important marker of the community's socio-cultural life – reveals that Pamir languages lie at the core of the community's cultural heritage, its spiritual and material traditions. These languages fulfil reproductive, creative and existential-ethical functions, acting as a reference point for socio-cultural practices that stimulate the revival of local culture and support the preservation of traditional cultural values. The prospects for the functioning, development and preservation of Pamir languages in the diaspora are considered.

Keywords: ethnic community, transnational community, mother tongue, diasporic language, linguistic characteristics of the community

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Leyli R. Dodykhudoeva, 2024

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПАМИРОЯЗЫЧНЫХ СООБЩЕСТВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВЛейли Р. Додыхудоева Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье определяется место родных языков в жизни памироязычных сообществ, их трансформация и функционирование на разных этапах миграционного процесса, а также приводятся характерные черты, расширяющие наше понимание феномена диаспоры в практике этих сообществ. Выявляются лингвокультурные приоритеты диаспоральных памироязычных общин, основанные на языковой идеологии и этнорелигиозных и культурных особенностях. Для представления динамики языковой жизни в различных контекстах

применяются данные языковых биографий, проводится анализ деятельности низовых организаций и языковых активистов, которые в своем лингвокультурном творчестве занимают активную социолингвистическую позицию по отношению к культурному и языковому наследию, актуализируя свои социолингвистические права. Анализ родного языка – важного маркера социокультурной жизни сообщества – показывает, что памирские языки лежат в основе культурного наследия сообщества, его духовных и материальных традиций. Родные языки выполняют репродуктивную, творческую и экзистенциально-этическую функции, выступая ориентиром для социокультурных практик, стимулирующих возрождение местной культуры и поддерживающих сохранение традиционных культурных и нравственных ценностей. Рассматриваются перспективы функционирования, развития и сохранения памирских языков в диаспоре.

Ключевые слова: этническая общность, транснациональное сообщество, родной язык, язык диаспоры, языковые характеристики общности/диаспоры

**Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Л.Р. Додыхудоева, 2024**

1. Introduction

The research methodology is based on the analysis of scholarly works on Pamir languages in the country of origin and in the diaspora, and also draws on the author's field observations on the use of such languages. In light of the multidimensional nature of the phenomena under study, we use field research methods and analyse data, applying comparative historical approaches to a broad range of disciplines. The main methods of acquiring knowledge about language biography include the analysis of extended autobiographical narratives, personal documents (letters) and interviews in the form of dialogues, the central theme of which is proficiency in, and use of, native languages. This analysis is supplemented by the results of observations in the linguistic environment of live spoken languages, as well as by digital data (online chats and visual materials).

The empirical basis of the study consists of materials of scholarly works on Pamir languages and the author's field studies conducted in 2000–2020 in different regions where Pamir-speaking peoples live: in the Mountainous Badakhshan Autonomous Region (MBAR) in the Republic of Tajikistan, and in Afghanistan, Pakistan, China and Russia. We apply a comprehensive approach based on qualitative methods. We conducted four interviews with representatives of NGOs and heads of local administration, and two interviews with community representatives on issues of language use in the family according to gender/age, and socio-normative ideology. We also analysed several personal letters, as well as two narratives and two interviews on the topic of language biography (personal language, and language in general).

2. Factors of group identity: language – ethnicity – religion

2.1. Types of Pamir-speaking communities in MBAR, Tajikistan: their configuration and dynamics

An original feature of Pamir diasporic communities in Tajikistan, Russia and elsewhere is their multilingualism. In light of the contemporary relevance of linguistic, ethnocultural and religious components as factors in group identity, in MBAR the following types of communities with their distinctive linguistic features stand out.

1. The Pamir-speaking Ismaili communities of MBAR in Tajikistan historically lived within a dominant confessional Sunni Muslim environment. In the 19th century, the communities of the Vanj valley lost their East Iranian language (Old Vanji) and their Ismaili affiliation; the population of the Yazghulam valley retained their language, but at about the same time converted to Sunnism, although Ismailis were still living in the upper reaches of the valley in the early 20th century [Monogarova, 2003: 127]. In the Ishkashim region of MBAR, the population of the Ghoron area, along the Panj River, and some of the villages in the Wakhan Valley are today Tajik-speaking. In Ishkashim and Zebak, in Afghanistan, although Pamir languages have been lost and the population now speaks Dari, the Ismaili faith has been preserved.

2. The Pamir communities of the interior regions of Tajikistan (Kuybyshev district (today Abdurahmoni Jomi), in Khatlon region), and the cities of Dushanbe, Khujand, etc.) emerged historically as a result of “internal” migration due to extralinguistic conditions. Nowadays, these communities are generally designated as linguistic and confessional communities. Their members, especially young people, are bilingual and speak both the state Tajik language and their mother tongue (one of the Pamir languages).

3. Pamir urban communities of Russia (Moscow, St. Petersburg, Kazan, etc.), now ethno-confessional communities with their own languages, emerged after the 1990s as a result of external mass migration, and preserved their ethnocultural and religious identity and languages in the context of the multi-confessional Christian-Muslim environment. Members of these communities are bilingual and speak the state Russian language and their mother tongue (one of the Pamir languages); among younger speakers, the process of moving away from speaking their native languages and switching to Russian is now underway.

4. New, young transnational communities have begun to emerge in the 21st century in Europe, America, the Gulf countries, etc. due to labour migration of people from MBAR, often after a period of residence in Russia where they were separated from their homeland. These communities, although forged in an era of globalization, multiculturalism and dispersed settlement, also retain their ethno-

cultural and religious identity and native language. Their members – mostly young people – are mobile, multilingual and speak a range of languages, including their mother tongue, Russian/Tajik, Arabic, English and other European languages.

When considering the situations from a sociolinguistic and sociocultural perspective, there is a direct correlation between the degree of preservation/loss of ethnic or heritage languages and cultures on the one hand, and the type of migration, country of residence and time of diaspora formation on the other. It should also be borne in mind that Pamir communities include people who speak mutually incomprehensible languages, i.e., already within the diasporic communities a certain *lingua franca* is needed. Usually the majority language – Shughnani – is used in this case; however, within the community from the Ishkashim district of MBAR (which includes Wakhi, Ishkashimi and Tajik-speaking inhabitants), Wakhi or Tajik/Russian is used.

It is widely acknowledged that a diasporic language, as the language of an ethnic minority, functions primarily in oral form, but that gradually its communicative function fades and gives way to symbolic socio-cultural functions, such as diasporic cohesion and the formation of ethnic identity (see, for example: [Belykh, 2019: 172]).

At the same time, the very definition of minority Pamir languages as “less used”, emphasizes that they are used by a smaller number of speakers and their use has declined even within the family. This situation highlights the importance of monitoring such parameters as the number of speakers and their degree of linguistic proficiency in the mother tongue, as well as the current linguistic features of Pamir languages, and issues of speaker loyalty and language sustainability.

2.1.1. Tajikistan – Russia

According to ethnographers, in the 20th century “Tajik language is becoming the second native language of the Pamir Tajiks. It is one of the important factors in the process of overcoming the former isolation of the Pamir Tajiks, strengthening their gradual closer rapprochement with the Tajik majority, and furthering their introduction into modern national Tajik and all-Soviet socialist culture” [Monogarova, 1965: 33].

In communities residing outside the original territories where they lived close together, researchers observe declining proficiency in mother tongues in the second and even in the first generation, especially in the case of dispersed settlement in an urban environment. This phenomenon is acknowledged by the members of diasporic communities themselves.

Consequently, communities and their organisations are taking steps aimed at younger generations to support and strengthen the position of mother tongues and cultures. To this end, general community gatherings with activities in native languages and significant communal celebrations, folk

festivals and cultural and sports festivals, as well as educational groups, birthday parties and events for children, are held regularly. The NGO “Nur” organises concerts and performances in Moscow, at various venues. As part of cultural and educational activities, festivals are held where people can learn about the region, its language and culture, such as “Roof of the World” (Khorog, 2019) and “Pamir – Moscow”. Other activities include sports and arts festivals (such as “Providing Care”, 2023), educational lectures and panel discussions, folk concerts and performances, creative poetry evenings, events especially for the older generation, etc., all with ethno-cultural components. Such environments create a homeland atmosphere; people meet and have an opportunity to communicate in their native language in line with traditionally established customs, recreating a situation of verbal and non-verbal communication similar to their usual communication back home.

The transmission of ethno-religious, ethno-cultural traditions and language to children and the conditions of this transmission assume paramount importance in multilingual settings. This activity is largely related to issues of ideology, language loyalty and language attitudes within the community, as well as to preservation of the languages themselves and their linguistic components. As part of Nur’s programmes for children, Sunday schools, educational courses and summer camps are organised for young people. This creates conditions for free interaction in native languages and immersion in the children’s own culture. On the initiative of members of diasporic communities, especially parents, support for native languages and culture is being provided for the children of the second, third and even first generation of speakers. Through the efforts of family and kinship relations, family pre-school groups (each of 3 to 7 children) are created for young children, similar to “language nests”, where staff speak mother tongues; here various forms of support for native language and culture are organized. These groups provide programmes as part of pre-school education. Such family pre-school groups are created to meet the needs of speakers of Pamir languages at an early age, to enable interaction in their native language as well as to teach other languages (Russian, English, etc.) in a safe and comfortable environment in the context of their native culture. During the holidays, in addition to summer camps (in Russia and Tajikistan) and club activities, kinship exchange programmes for young people are organised; these involve sending children on holiday to their grandparents’ homes to maintain contacts with close relatives locally and, more broadly, to maintain cultural and linguistic contacts with their home districts.

In this regard, it can be noted that in the context of activities to preserve ethno-confessional and ethno-cultural identity, language acts as a valuable, socially significant symbolic resource, an element of information-rich space and a cultural phenomenon. In the light of globalisation and migration, we can point to the increased interest in ethnic languages as part of linguistic and cultural heritage, as well as the advancement of the preservation of native languages as an emblem of the homeland.

It is significant that compulsory universal education in titular languages (the introduction of education for boys and girls in Tajikistan in the 20th century, and later in China and Pakistan), access to knowledge and new technologies via the internet, and expanded career opportunities have sharply reduced the demand for speaking mother tongues, leading to the spread of other, more widely spoken and prestigious languages. This, in turn, leads to more intensive convergence processes and, on the other hand, to a process of “freezing” and “attenuation” of local dialects in communities of predominantly older speakers, and thus to the even more rapid disappearance of these dialects. These trends serve to redistribute areal contacts and traditional influences within a geographical region and to intensify the multilingualism that accompanies computer-mediated communication.

3.1. Language as factor of group identity

In a number of cases, a language in the diaspora – the language of oral communication – can act as a regional form of the source language (for details, see: [Belykh, 2019]).

Pamir languages¹ have long acted exclusively as oral communication languages of ethnic minorities². For centuries they developed locally in closed mountain valleys, with linguistic characteristics that were unique in form and content. By the 20th century, in traditionally established Pamir-speaking communities in Tajik-speaking regions, we find that the native language is preserved with changes in certain linguistic features and in function of the level of proficiency of the mother tongue in relation to the language of the environment and education (Tajik). Repatriation to MBAR in the 1990s from the southern and central regions of the country contributed to the introduction of new features from the Southern Tajik dialects of Khatlon, and of Dushanbe, Faizabad and Nurek, into the local Pamir languages.

With the emergence of diaspora communities in modern times on the basis of permanent/seasonal migration, we can posit the development of areal forms of original languages among their speakers. At the same time, the question should be raised about the qualitative content of such language forms and their differences from one region to another. Such studies have not yet been undertaken, but it can be noted that, for example, representatives of the Dushanbe or Moscow diaspora and speakers of the original language in the homeland have differences in vocabulary and pronunciation; such distinguishing characteristics can also be found in the speech of members of diasporas from different regions. It is highly likely that younger generations of speakers in the diaspora initially become

¹ In Tajikistan, these languages are currently referred to as Badakhshani (Pamir) languages and their speakers are considered part of the Tajik nation.

² Except for mention of the existence of writing in Shughnani and Wakhi in the early Middle Ages, and a short period in the early 20th century when Shughnani writing was developed and schooling began.

bilingual, and later acquire a “Tajikicized/Russified” pronunciation in their native language. This is observed even between speakers of different Pamir languages. Thus, a distinctive pronunciation of a number of sounds in some words was noted by Z.O. Nazarova among people from Wakhan living in Ishkashimi-speaking area and children raised in such families. She identifies similar tendencies for young speakers of the Ishkashim language in Moscow [2023]. The speech of a Muscovite in any native Pamir language is characterized by intensive code switching in dialogue (Russian-Shughnani, Russian-Ishkashimi, Russian-Wakhi) even with an older interlocutor; Russian speech is heard more often when peers are talking. In Dushanbe, however, switching to the native language, especially recently, is “not recommended” and parents try not to speak their mother tongue with their children in public areas. When two young Shughnanis who have grown up in Russia meet, only the first greeting formulas are spoken in their mother tongue, and further communication takes place with a switch to Russian. All this indicates a tendency towards diglossic functioning of languages, a narrowing of the sphere of native languages, as well as a reduction in the volume of vocabulary and proficiency in these languages.

As an example, we refer to B.B. Lashkarbekov’s observations on the Wakhi language of central Tajikistan in the 1970s. He noted that with the movement of community members from mountain gorges to relatively wide valleys, in the absence of landmarks on mountain peaks and waterways, the system of orientation and deixis was restructured. Later, in 2010, we observed similar changes in the means of transmission of spatial and deictic signs among the Wakhi people of China (in Xinjiang, in a number of villages and in the cities of Khotan, Guma, Yarkand, Kashgar), where the movement of Wakhi communities from traditional habitats to urban settlements was accompanied by a complete loss of native language with the preservation of only ethno-religious identity.

In general, the issue of vitality of diasporic languages is closely related to ties with the homeland (in this case, the Tashkurgan-Tajik Autonomous District, where the Wakhi population is concentrated) and to the conditions of language implementation in the host state. However, in the latter case the situation was influenced not so much by language priorities and attitudes within the community as by the general sociolinguistic situation in the Xinjiang region of China, where until 2009 Wakhi was the language of oral communication and Uyghur was used in schools and in the administration; Chinese was hardly spoken by the non-urban Wakhi population.

3.2. Pamir languages – language biography

We accept the definition of language biography in a broad sense as a cognitive reconstruction of the events experienced by an ethnic group related to their language/languages and linguistic-cultural complex. In this light, considering the timeline of known historical events related to Pamir communities

and their languages, economic or educational³ reasons are mostly posited as causes of migration. However, it is the specificity of ethno-cultural and confessional identity, and the tensions in the MBAR population between Pamir-language speakers and Tajik-speakers, that underlie many problems.

We give as an example the following extract from the report on the implementation by Tajikistan of the UN Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination by “ADC Memorial” [Pamiri, 2017: 6]:

“Of course, now it’s not as bad as it was during the civil war, when you could be killed for speaking your native language. After the war, the Pamiri were generally afraid to speak their language on the street, in buses, at the bazaar. For example, now in Dushanbe, we have no trouble speaking Shughni, and in Pamirs even more so. But sometimes you can hear people call us names: “You’re a krauts!” (lit. “You are Gansy!”, from German name Hans). That’s because our language sounds like German, it’s even easy for us to learn German, since the sounds are similar. But they identify us by our accent – we speak Tajik with a very recognisable accent”. A female Pamiri teacher.

The main means of studying language biography is the use of interviews based on data about the functioning of language and about its speakers [Vakhtin, Golovko, 2004] or autobiographies and interviews, the central theme of which is language, supplemented by observations of speakers’ discourse [Bitkeeva, 2022: 18]. In general, the language biography of an individual or people is understood as the sociolinguistic reconstruction of the people’s history, developed on the basis of autobiographical narratives, observations of language use, code switching, speakers’ loyalty to the language and recording of the respondent’s individual vocabulary, as well as analysis of the functioning of language in different situations. The study of language biography also involves a preliminary study of the sociolinguistic situation in the region, identification of the main extra-linguistic parameters, establishment of the spheres of usage of state and regional languages and interpretations of the situation and its causes by native speakers [Dorofeev, 2021: 29-30].

With this in mind, it is important that through the prism of the language biography of an individual, we can reconstruct a set of features for the biographical narrative of an entire language community, allowing to determine the recurring characteristics of speakers of a language. In this way, based on our conversations with speakers of different Pamir languages, we can identify specific aspects of speakers’ perceptions of their language and identity, of their belonging to a community. The feeling

³ See, for example, a work, which provides quantitative data: [Aleksieva, 2015].

of being outsiders does not leave Pamiris even in their country of origin, Tajikistan. This is how our female respondents talk about this feeling, describing their reasons for moving out of the country:

“...when our people – Pamiris⁴ – were killed, then those women, their Russian wives, or those who looked like Russians, who were not afraid of being caught and could speak Tajik without an accent, went to the morgues looking for their relatives. There was nobody [elders from our family], so I went. After that I couldn’t forget, that’s why I decided to go to Russia. I had to leave.”

During the civil war, especially early in the conflict, being of a Pamir-origin and speaking one of the Pamir languages was enough to get a speaker killed:

“They took us out to the courtyard and told us to count to ten in Tajik. ‘We will find out who is a Pamiri. If you can’t count correctly, then we will shoot you’. We were very afraid. We did not speak Pamir-languages at that time, but they (=neighbours) knew that we were from there. They told them... we had to run for our lives.”

Currently, the situation in Tajikistan is tense again. After recent events, most of the youth and intelligentsia are either under arrest or in other countries. Many older residents, airing their grievances, recount that they feel bored in Moscow “without a homeland, without fresh air, without a home” and remember their life in their motherland and their mother tongue:

“I love our language, my mother’s language, when I can speak it, with children, grandchildren, with whoever can speak, whoever understands; at home in Sokhcharv, everyone around me spoke it. Here now not everyone knows their native language, although everyone loves to listen to my songs and fairy tales.”

3.3. Shughnani language – phonetics, vocabulary, syntax

According to researchers, already by the mid-20th century, speakers of Pamir languages were beginning to access Tajik culture and national life through their growing familiarity with the Tajik language, as noted in a previous quotation by L.F. Monogarova [1965: 33]. Nowadays the vocabulary of Pamir languages regularly continues to be enriched with borrowings from the Tajik language, which is used for school and university teaching and office work, as well as by the media, in films, theatrical performances, etc. Tajik, in turn, has been actively replenished in recent years with borrowings from

⁴ Rushani woman.

Persian, English and Russian, and this vocabulary has subsequently penetrated the Pamir languages. Shughnani students master Tajik pronunciation in school, gradually introducing it into their native language.

To determine the role of language in the diaspora, a sociolinguistic profile has yet to be developed and described, delineating the scope of its use in specific contexts. We will just give an overview of some particular features.

We have already mentioned above the interference of the pronunciation of speakers of Shughnani-Rushani group languages with that of the Tajik language. However, nowadays the speech of Pamiris in Tajikistan is increasingly converging with Tajik, while retaining its own distinguishing features in phonetics, vocabulary and syntax. We note the particularly diligent adherence to the pronunciation norms of the Tajik language by young speakers, for example, the introduction of a voiceless fricative *h* into Shughnani speech, or the pronunciation in Tajik speech of the labial-velar approximant *w* instead of the labial-dental fricative *v* characteristic of some Southern Tajik dialects.

On the influence of Shughnani language phonetics on the Russian speech of Shughnani speakers, see [Nazriddinova, 2017], where she analyses the pronunciation of the Russian vowels “a” (different in quality from the Shughnani “a” and “ā”) and “o” (Shughnani “ō”), as well as “s” and “i” pronounced in different phonetic positions by Shughnanis. Distinguishing aspects of the Russian speech of Shughnanis, especially at younger school ages, include the pronunciation of the vowels *ya, yu, yo* after soft consonants, when these vowels are replaced by [a], [y], [o], [ə], or decomposed into the sounds “y + vowel”. In this case, between the soft consonant and the vowel there appears a reduced vowel, which makes it possible to determine the similarity / difference in the vocalism of Russian speech of Shughnanis compared with the vocalism of normative Russian speech, and also to identify the potential field of interference in the vocalism of the Russian speech of Shughnanis [Nazriddinova, 2017: 24-27].

Differences in the socio-cultural and material conditions of life in the diaspora and the homeland are also characterized by differences in the composition of borrowed words. These are explained by the spheres of life in which the borrowed vocabulary is most often found and the frequency of its use: finance, social institutions, technology, household items, electronic devices, etc. Examples of newly created vocabulary for a language include words such as *sidewalk*; among loanwords, examples include words for *airplane*, or *minaret*. Here it is particularly interesting to observe not only the introduction of borrowed words or expressions not assimilated by the language, but also the degree and frequency of their use when referring to realities that did not exist in the everyday life of the country of origin, and variations in their usage between speakers in MBAR and those in diasporic communities. However, borrowings are in general less common in such thematic groups, as plant and animal names, natural

phenomena and elements of landscape, which may be due to cultural and environmental factors. In general, diasporic languages are characterized by a reduction in vocabulary.

There follows another typical example taken from the speech of Shughnani schoolchildren living in Russia. They would say: *Ту пойдеš' v čoxonu* 'Are you going to the teahouse?'. Here, the Shughnani children pronounce the verb correctly, in accordance with the phonemic composition of the Russian word. But, the word for "teahouse", borrowed by the Russian language from Shughnani/Tajik, is pronounced in accordance with its original Shughnani pronunciation: *čoxona*, i.e., differently from the Russian *chaikana* [Nazriddinova, 2017: 24–25]. Here the Shughnani-Tajik loanword, which entered the Russian language in modern times and has undergone adaptation⁵, is introduced into Russian speech, but the rules of pronunciation in the native language are habitually applied to it.

In another example, Shughnani women discussing among themselves in Russian a nanny looking after a child and expressing approval, say: *ona ego xorošo smotrit* 'She watches him (= the child) well', which is explained by the fact that in the native language the verb "to watch" (*čixtow*) with a direct object is used when caring for a child.

3.4. Vitality of diasporic Pamir languages

If we consider the vitality of Pamir diasporic languages in light of their preservation or loss, then given the intensive (especially seasonal) migration, as well as the turbulent situation in their homeland, the influx of new migrants – Pamir language speakers – has not decreased, ensuring that the diasporic languages of MBAR natives do not become disconnected and linguistically isolated.

In Soviet times, it was believed that the assimilation of Pamiris was probably due to the process of linguistic homogenization, the introduction of education in the Tajik language in Tajikistan and the elimination of religion as a differentiating factor [Monogarova, 1965: 25]. Later L.F. Monogarova noted that the expected assimilation of the Pamir "*sub-ethnic group*" and its accession as part of the Tajik nation was hampered by linguistic and religious differences [1989]. She revised her opinion and eventually came to the conclusion that attempts to assimilate the Pamiris during the Soviet era and later only strengthened the internal consolidation of the community and reinforced the position of Pamir languages [2003]. Today, these communities, who speak different Pamir languages, are in the process of forming a common Pamir identity [Davlatshoev, 2006], indicating the presence of other significant factors that unite groups of speakers of different languages⁶, such as religion and culture. The internet and social networks provide speakers of Pamir languages with ample opportunities to create content in

⁵ The lexeme *chaikana* 'teahouse' is included in a dictionary of foreign loanwords [Krysin, 2008], which includes borrowed words and the latest terms of foreign origin.

⁶ In this regard, it should be stressed that most Tajiks believe that all Pamiris speak the same language [Davlatshoev, 2006]. It is possible that this factor strengthens the internal cohesion of these groups.

their mother tongues, contributing to the preservation of native languages as important markers of identity [Qurboniev, 2019: 237, 238].

Nowadays, the transmission of ethno-religious and ethno-cultural traditions and language to children, understood as part of the cultural heritage, is considered an absolute value, the presence of which must be ensured, i.e., as evidence of the preservation of cultural and linguistic loyalty.

In this regard, the reason for the creation of the “Pamir Languages” group on Facebook is described by its administrator, Mahbub Rajabbekov, as follows: *the purpose of creating the group is for us together to save our language from extinction... Our Pamir languages are our main asset... if we let them disappear, we will be forgiven by nobody, neither by our history, nor by our future generations...* (25.05.2013).

In many cases, we observe initiatives to preserve ethnically or culturally marked linguistic components. Thus, when toponyms were renamed in MBAR in 2023, several (micro)toponyms were introduced referring to the Pamirs or similar designations: for example, in the Murghab region of MBAR, the following names emerged: Pomir glacier; Ganji Pomir plateau, Bomi Jahon ridge, lit. “Roof of the World”. Personal names with toponymic components denoting local mountainous areas are represented among local anthroponyms: for males: Pomi/er, Badakhshon, Wakhon, Rushon; for females: Mo(y)i Shughnon, lit. Moon of Shughnan.

The retention of mother-tongue language skills among young people in Pamir communities remains relatively high, and native languages can be used within the community in almost all situations. We observe that native languages are verbally assigned to the expression of culturally meaningful information that also carries social significance: formulas expressing politeness/sociability, expressions of gratitude, congratulation formulas, as well as wishes for various occasions in life, phraseology, and socially meaningful information enshrined in memory.

Alongside these positive aspects, language problems have also emerged: lack of language rights, declining levels of proficiency in native languages among younger generations (limited language skills in learning and communicating in another language). There is a tendency towards a general decline in the quality of native languages (archaization of part of the vocabulary, reduction of the system of pronouns, nominalization, code-switching).

Today the phenomenon of mixed families is widespread in diasporic communities and is a sign of growing bilingualism, multilingualism and translanguaging. In a number of cases, diasporic respondents use different expressions when referring to “our language” (*maš ziv*) and “the speech of another, mixed (*alalaš*) language”. When speaking of others, some note that “they speak their mother’s language” (*nān ziv/gāp* ‘mother tongue’ (in general) and ‘mother’s language’ (about the language of children of women who married from other Pamir-language communities). Others, speaking of their

mother tongue, stress that they speak their “father’s language” (*tāt ziv/gāpen/naqli*). This is due to the fact that in diasporic communities, many still treat the paternal side of the family as the indicator of their ethnic origin.

4. Conclusion

In this study, we have delineated and analysed mother tongue usage in various Pamir communities at different stages of the migration process, and traced the transformations in such usage in modern times. Our research has highlighted the priority areas of activity of diasporic Pamir-speaking communities and the initiatives undertaken by grassroots organizations and activists in the field of linguacultural heritage, focusing on their efforts to replenish the language environment and to maintain language vitality. We have shown how mother tongue usage is related to language ideology, indicating close ties between language and ethno-religious identity – how mother tongue is considered an important marker in the ethnocultural life of a community, contributing significantly to its cultural heritage.

The study has also emphasised how, within these communities, language usage is closely interwoven with the socioeconomic life of community members. Based on the data of language biographies, we have examined language dynamics in different communities, focusing on the spheres of everyday life in which mother tongues are spoken. Through the prism of interviews with speakers of different Pamir languages, our research has analysed, within the linguacultural complex, the events these speakers have experienced as members of an ethnic group related to their mother tongue. Through cognitive restructuring of language situations by respondents, their perceptions of their language and identity have been identified, in terms not only of their loyalty to their mother tongue, but also of their identification with their ethno-religious and ethno-cultural community.

The study concludes with an overview of the prospects for the future vitality and functioning of Pamir languages in diasporic communities, focusing on the example of changes in the Shughnani language via its speakers’ interaction with the language of their host environment (Tajik/Russian).

Литература

- Абдулхамидова П.Ш., Юсуфбеков Ш.П.* (2017) Становление публичного шугнанского дискурса в СМИ и социальных сетях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 4. С. 858–869.
- Алексеева А.В.* (2015) Жизненные планы таджиков-памирцев в России. Дис. ... магистра. СПб.
- Белых И.Н.* (2019) Диаспорный язык как объект социолингвистического исследования // Вестник Красноярского ГПУ им. В.П. Астафьева. Филологические науки. Языкознание. № 4 (50). С. 172–179. DOI: 10.25146/1995-0861-2019-50-4-173
- Биткеева А.Н.* (2022) Языковая биография народов РФ в автобиографических нарративах: (Материалы полевого исследования 2021–2022 гг.) // Междунар. конф. «Лингвистический форум. 2022: Традиционные речевые формы и практики. 17–19 ноября 2022 г. Институт

- языкознания РАН. Москва: Тезисы докладов. https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2022/2022_lingforum_abstracts.pdf
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* (2004) Социоллингвистика и социология языка: Уч. пособие. СПб.: Гум. академия; Европейский у-т в Санкт-Петербурге. 336 стр.
- Дорофеев Ю.В.* (2021) Языковая биография как метод социоллингвистического исследования // Социоллингвистика. № 4 (8). С. 25–38. DOI: 10.37892/2713-2951-4-8-25-38
- Крысин Л.П.* (2008) Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо. 944 стр.
- Моногарова Л.Ф.* (1965) Современные этнические процессы на Западном Памире // Советская этнография. № 1. 6. С. 24–33.
- Моногарова Л.Ф.* (1989) Припамирцы – народность или субэтноты таджиков: (Ответ А.С. Давыдову) // Советская этнография. № 1. 5. С. 28–34.
- Моногарова Л.Ф.* (2003) Из полувекового опыта этнографического изучения народов Средней Азии // Этнографическое обозрение. № 4. С. 119–136.
- Назарова З.О.* (2023) Проблемы создания алфавита для ишкашимского языка // Мат. конф. «Языки и диалекты Горного Бадахшана». 15 ноября 2023, Институт языка и литературы НАНТ, Институт языкознания РАН. Душанбе-Москва. (рукопись).
- Назриддинова З.А.* (2017) Функционирование бесписьменного языка малой народности в условиях полиэтнического социума: (На материале шугнанского языка в таджикско-русском окружении). Вып. квалиф. работа обучающейся по напр. подготовки 45.04.01 Филология очной формы обучения, группы 04011531. Белгород.
- Памирцы (2017) // Этнические группы Таджикистана, не обладающие своей государственностью (памирцы, джуги, ягнобцы): От непризнания к дискриминации. Альтернативный отчет о выполнении Таджикистаном Конвенции ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации в связи с рассмотрением 9–11 периодических докладов РТ за 2012–2015 гг. Для 93-й сессии КЛРД ООН, 31 июля – 11 августа 2017 г. Anti-Discrimination Centre «ADC Memorial». С. 8–13.
- Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* (1996) Диаспора как объект социологического исследования // Социс. № 12. С. 33–42.
- Davlatshoev, S.* (2006) The Formation and Consolidation of Pamiri Ethnic Identity in Tajikistan. Master's thesis. The Department of Eurasian Studies, Middle East Technical University. Ankara (Turkey): Master's thesis METU. 121 pp.
- Qurboniev, A.* (2019) Project identity: The discursive formation of Pamiri identity in the age of the internet // Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia: The mountain communities of Pamir / Ed. D. Dagiev, C. Faucher. Routledge Taylor & Francis Group London – New York. Pp. 227–248.

References

- Abdulkhamidova, P.Sh., Yusufbekov, Sh.P.* (2017) Stanovlenie publichnogo shughnanskogo diskursa v SMI i sotsial'nykh setjakh [The formation of public Shughnani discourse in the media and social networks] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Jazykoznanie. Vol. 21. No. 4. Pp. 858–869. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-858-869
- Alekseeva, A.V.* (2015) Zhiznennye plany tadjikov-pamirtsev v Rossii [Life plans of Pamir-Tajiks in Russia]. Dissertatsija na soiskanie stepeni magistra. Sankt-Peterburg. 70 pp. (In Russ.).
- Belykh, I.N.* (2019) Diaspornyj jazyk kak ob"ekt sotsiolingvisticheskogo issledovanija [Diasporic language as an object of sociolinguistic research] // Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo universita. Filologicheskie nauki, Jazykoznanie. Pp. 172–179. (In Russ.) DOI: 10.25146/1995-0861-2019-50-4-173
- Bitkeeva, A.N.* (2022) Jazykovaja biografija narodov RF v avtobiograficheskikh narrativakh: (Materialy polevogo issledovanija 2021–2022 gg.) [Linguistic biography of the peoples of the Russian Federation in autobiographical narratives: (Materials of field research 2021–2022)] // Mezhdunarodnaja konferentsija «Lingvisticheskij forum 2022: Traditsionnye rechevye formy

- i praktiki». 17–19 nojabrja 2022 g. Institut jazykoznanija RAN. Moskva: Tezisy dokladov, [online]. Available at: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2022/2022_lingforum_abstracts.pdf. Access date: 01.10.2023. (In Russ.)
- Davlatshoev, S.* (2006) The Formation and Consolidation of Pamiri Ethnic Identity in Tajikistan. Master's thesis, The Department of Eurasian Studies, Middle East Technical University, Ankara (Turkey). Master's thesis METU. 121 pp.
- Dorofeev, Yu.V.* (2021) Jazykovaja biografija kak metod sotsiolingvisticheskogo issledovanija [Language biography as a method of sociolinguistic research] // *Sotsiolingvistika*. No. 4 (8). Pp. 25–38. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-8-25-38
- Krysin, L.P.* (2008) Tolkovyj slovar' inozazychnykh slov [Explanatory dictionary of foreign words]. M.: Eksmo. 944 pp. (In Russ.)
- Monogarova, L.F.* (1965) Sovremennye etnicheskie protsessy na Zapadnom Pamire [Modern ethnic processes in the Western Pamirs] // *Sovetskaja etnografija*. No. 6. Pp. 24–33. (In Russ.)
- Monogarova, L.F.* (1989) Pripamirtsy – narodnost' ili subetnosy tadjikov: (Otvét A.S. Davydovu) [“Pripamiris” – an ethnically or sub-ethnic group of Tajiks: (Response to A.S. Davydov)] // *Sovetskaja etnografija*. No. 5. Pp. 28–34. (In Russ.)
- Monogarova, L.F.* (2003) Iz poluvekovogo opyta etnograficheskogo izuchenija narodov Srednej Azii [From half a century of experience in the ethnographic study of the peoples of Central Asia] // *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4. Pp. 119–136. (In Russ.)
- Nazarova, Z.O.* (2023) Problemy sozdanija alfavita dlja ishkashimskogo jazyka [Problems of preparing alphabet for the Ishkashimi] // Proceedings of the Conference “Jazyki i dialekty Gornogo Badakhshana”. November 15, 2023, Institute of Language and Literature NAST, Institute of Linguistics RAS. Dushanbe-Moscow. (manuscript). (In Russ.)
- Nazriddinova, Z.A.* (2017) Funktsionirovanie bespis'mennogo jazyka maloj narodnosti v uslovijakh polietnicheskogo sotsiuma: (Na materiale shugnanskogo jazyka v tadjiksko-russkom okruzenii) [The functioning of the unwritten language of a minority in a multi-ethnic society: (Based on the material of the Shughnani language in the Tajik-Russian environment)]. Vypusknaja kvalifikatsionnaja rabota. Belgorod. 99 pp. (In Russ.)
- Pamiri (2017) // Alternative Report on Tajikistan's Implementation of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. Nationless Ethnic Groups of Tajikistan (Pamiri, Jughli, Yaghnobi): From Non-Recognition to Discrimination. In Connection with the UN CERD Consideration of the Republic of Tajikistan's Ninth to Eleventh Periodic Reports for 2012–2015. For the 93rd session of the CERD, 31 July – 11 August 2017. Pp. 8–10. (In Eng./Russ.)
- Qurboniev, A.* (2019) Project identity: The discursive formation of Pamiri identity in the age of the internet // Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia: The mountain communities of Pamir / Ed. D. Dagiev, C. Faucher. Routledge Taylor & Francis Group London–New York. Pp. 227–248.
- Toshchenko, Zh.T., Chaptikova, T.I.* (1996) Diaspora kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovanija [Diaspora as an object of sociological research] // *Sotsis*. No. 12. Pp. 33–42. (In Russ.)
- Vakhtin, N.B., Golovko, E.V.* (2004) Sotsiolingvistika i sotsiologija jazyka [Sociolinguistics and sociology of language]: Uch. posobie. SPb.: Gumanitarnaja akademija; Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. 336 pp. (In Russ.)

Додыхудоева Лейли Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН.

<https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>

Адрес: 125009 Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: leiladod@yahoo.com

Dodykhudoeva Leyli Rakhimovna – candidate of philological sciences, senior researcher in the sector of Iranian languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

<https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>

Address: 125009, Russian Federation, Moscow, Bolshoy Kislovsky per., 1/1.

E-mail address: leiladod@yahoo.com

Для цитирования: *Додыхудоева Л.Р. Этнокультурные и языковые особенности памироязычных сообществ на разных этапах миграционных процессов // Социолингвистика 2024. № 1 (17). С. 9–24. (На англ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-9-24*

For citation: *Dodykhudoeva, L.R. Ethnocultural and linguistic features of Pamir-speaking communities at different stages of migration processes // Sociolinguvistika. 2024. No. 1 (17). Pp. 9–24. (In Engl.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-9-24*

The article was submitted 11.11.2023;
approved after reviewing 15.12.2023;
accepted for publication 18.01.2024.

**«ЕЩЕ НЕ РУССКИЕ И УЖЕ НЕ МАРИЙЦЫ»:
ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ
КИРОВСКИХ МАРИЙЦЕВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ
В МАРИЙСКОЙ ДИАСПОРЕ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА)**

Марина Васильевна Куцаева

Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

Статья посвящена актуальным вопросам этнической идентичности, языка и культуры кировских мариЙцев, проживающих в настоящее время в Москве и Московской области. Материалы основаны на результатах социолингвистического обследования, проведенного автором в мариЙской диаспоре московского региона в 2019–2021 гг. в целях выявления и описания функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Одной из представленных в обследовании этнолокальных групп являются кировские мариЙцы. В работе изучаются языковые биографии респондентов: языки дошкольного воспитания, языки школьного обучения и преподавания, языки внутрисемейного общения, язык общения с соседями, каналы освоения участниками опроса мариЙского и русского языков, преподавание мариЙского языка в системе школьного образования в Кировской области. Кроме того, затрагивается проблема актуального употребления респондентами этнического языка в московском регионе: установлены сферы использования языка, определены функции мариЙского языка, рассмотрен вопрос новых носителей мариЙского языка. В статье приводится сопоставительный анализ результатов с данными, полученными автором относительно представителей других этнолокальных групп мариЙцев в выборке – луговых и горных, а также уральских и башкИрских мариЙцев.

Ключевые слова: мариЙский язык, этнический язык, этническая идентичность, сохранность этнического языка, социолингвистическое обследование, внутренняя диаспора, московский регион, кировские мариЙцы

**Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© М.В. Куцаева, 2024**

**«NOT YET RUSSIANS AND NO LONGER MARIS»:
ETHNIC IDENTITY, LANGUAGE AND CULTURE
OF THE KIROV MARIS (BASED ON THE RESULTS OF A SURVEY
IN THE MOSCOW REGION MARI DIASPORA)**

Marina V. Kutsaeva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article deals with the problem of ethnic identity, language and ethnoculture of the Kirov Maris currently residing in Moscow and the Moscow region. The materials are based on the results of a 2019–2021 sociolinguistic survey conducted by the author in the Mari diaspora of the Moscow region, aimed at identifying and describing the functioning of the ethnic language in internal diaspora. One of ethnolocal groups represented in the survey sampling comprises natives of Kirov region. The present paper examines their linguistic biographies: languages of pre-school and school education, languages of intra-family communication, language of communication with neighbors, ways for Mari and Russian

language acquisition, Mari languages classes at schools in Kirov region. The paper dwells upon their current use of Mari: domains of use and functions of the Mari language and covers the problem of new Mari speakers. The author provides a comparative analysis of the results with the data obtained from other respondents in the sample (Hill, Meadow, Ural, Bashkir Maris).

Keywords: *Mari language, ethnic language, ethnic identity, ethnic language maintenance, sociolinguistic survey, internal diaspora, Moscow region, Kirov Maris*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Marina V. Kutsaeva, 2024

1. Введение

Марийцы являются одним из автохтонных финно-угорских народов Среднего Поволжья [Марийцы, 2013: 5–7]. На территории Российской Федерации проживают 423 803 марийца, из них в Республике Марий Эл – 246 560 чел. [ВПН, 2020], остальные марийцы (42 % от всего марийского населения РФ) в силу исторических причин (об этом см.: [Сепеев, 2006; Козлова, 1978; Сануков, 2000]) расселены как компактными (Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Кировская, Свердловская, Нижегородская области, Пермский край), так и дисперсными группами во многих других регионах страны, в том числе и в московском.

В 2019–2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона в целях выявления и описания функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Материалом исследования стали анкетные данные, полученные в результате опроса ста представителей марийской диаспоры, принадлежащих к первому поколению и проживающих на постоянной основе в Москве или Московской области (величина этнической группы на момент обследования составляла 1325 чел. (г. Москва), 1840 чел. (Московская область) [ВПН, 2020]). Второе поколение в выборке представлено шестью респондентами. Была разработана социолингвистическая анкета, состоящая из нескольких блоков: 1) паспортный; 2) языковые биографии; 3) актуальное использование этнического языка; 4) бытование языка в этнокультуре. В ходе обследования использовался комплекс социолингвистических методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, полуструктурированное глубинное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных (подробнее об этом см.: [Куцаева, 2020а]).

Среди ста представителей первого поколения внутренней диаспоры в выборке пять человек являются уроженцами Уржумского, Кикнурского, Яранского районов Кировской

области⁷. «Там... в основном такой куст марийских деревень, они примыкают к Республике Марий Эл, это буквально на границе» (№ 38, М., 31)⁸. «Кикнурский район – недалеко от границы с Нижегородской областью. *Кик* означает «рука», *нур* – это «поле». Все названия финно-угорские, они имеют для нас какой-то смысл» (№ 39, М., 29). «Яранский район, марийская деревня. Смешанная деревня, марийцы и русские. Примерно одинаково. Может, марийцев больше чуть-чуть» (№ 76, Ж., 38). «Получается, что Кировская область – у нас как бы... неофициально половина или чуть больше населения марийцев» (№ 39, М., 29). Возможно, выводы респондента относительно распределения национального состава населения сформировались ввиду его собственного опыта проживания: действительно, в ряде районов области в сельской местности в деревнях насчитывается от нескольких десятков до двух-трех сотен марийцев [Кондрашкина, 2008: 149].

Динамика численности марийцев в Кировской области представлена в таблице 1 [Сепеев, 2006: 178–180; Демоскоп; ВПН, 2020].

Таблица 1

Динамика численности марийцев в Кировской области (по данным переписей населения)

Год проведения переписи	Численность марийцев
1926	59 732
1939	57 008
1959	52 570
1970	51 682
1979	47 910
1989	44 496
2002	38 930
2010	29 598
2020	18 766

Согласно последним данным, в Кировской области марийцев насчитывается 18 766 чел. (что составляет 1,6 % от общей численности населения региона)⁹, из них в городской среде проживает 5 685 чел., в сельской местности – 13 081 чел. Из общего числа указавших владение

⁷ В Кировской области марийцы проживают в Лебяжском, Малмыжском, Нолинском, Пижанском, Санчурском, Уржумском, Шурминском, Яранском, Кикнурском, Тужинском районах [Коведяева, 1976: 4].

⁸ Здесь и далее в скобках последовательно приводится номер анкеты, пол и возраст респондента, иногда, если это представляется релевантным, указывается район Кировской области, в котором родился и вырос респондент.

⁹ Ср. более ранние данные: марийцы составляют 2,59 % всего населения, в то время как русские – 90,8 % [Кондрашкина, 2008: 149].

марийским языкам (10 703 чел.) в повседневной жизни этим языком пользуются 8923 чел. В городской среде число владеющих марийским достигло 2135 чел. (из них пользуются марийским в повседневной жизни 1349 чел.), в сельской местности – 8568 чел. (число лиц, использующих язык в повседневном общении, составило 7574 чел.) [ВПН, 2020].

Необходимо отметить, что в выборке среди представителей других этнолокальных групп марийцев – луговых и горных (так называемых *республиканских* марийцев), а также восточных (*внереспубликанских*, выходцев из Башкортостана, Татарстана и Свердловской области) – уроженцы Кировской области стоят несколько особняком. Слова респондента, вынесенные в заглавие нашей работы, в полной мере отражают специфику данной этнолокальной группы. «И я могу сказать, что мы говорим на таком диалекте, который вообще... нигде нету, ну... его официально не изучали, и когда наши люди едут в Йошкар-Олу, где литературный марийский, ну... вот им говорят, что вы уже не марийцы. “Вы еще не русские и уже не марийцы – кто вы такие, вы уже сами не знаете!”. То есть ни на марийском, но и не русском говорите» (№ 39, М., 29). Марийцев Кировской области, в отличие от уроженцев Башкортостана или Свердловской области, едва ли можно назвать старой диаспорой в прямом смысле этого слова – они являются автохтонным населением региона [Марийцы, 2013: 143]. Санчуро-яранный район издавна отличается смешанным марийско-русским составом населения. Проникновение русских в эту местность, богатую плодородными почвами и наличием пригодного для освоения резервного земельного фонда, началось во второй половине XVI в. Первоначально приток русских переселенцев был медленным, однако на протяжении XIX в. он стал более интенсивным. В результате коренные марийцы оказались в численном меньшинстве, разделенными на несколько территориально обособленных групп, которые в дальнейшем подверглись значительному обрусению. В этнографическом укладе санчуро-яранных марийцев произошло слияние традиционных марийских и приобретенных русских элементов культуры [Козлова, 1978: 287–293]. В регионе распространено северо-западное наречие марийского языка. Оно объединяет диалекты, часть которых по прежнему делению принадлежала к говорам горного наречия (яранный говор), а другие считались переходными, включающими в себя черты как лугового, так и горного наречий [Коведяева, 1976: 9]. Как показывают материалы переписей населения, численность марийского населения Кировской области неуклонно снижается. Кроме того, как отмечается, тесных культурных связей с этническим ядром они не имеют, слабо ощущают влияние национальной культуры [Марийцы, 2013: 143].

В нашем обследовании респондентам был задан вопрос о том, что, по их мнению, делает их марийцами (все участники опроса идентифицировали себя в качестве этнических марийцев). Ключевыми маркерами этнической идентичности в общей выборке последовательно являются

«малая родина» (корни, предки, рождение), «марийский язык» и «культура» (знание истории народа, традиций, обычаев, песен и танцев) [Куцаева 2020б: 126]. Интересно сравнить данные, полученные в интервью с Кировскими марийцами: в основном это родословная, родители и корни («малая родина»), в меньшей степени «культура» (приобщенность к марийской культуре, наличие марийского костюма), лишь в одном случае был назван с известной долей натяжки и весьма условно «язык»: «Может, потому что разговариваю. Нравится мне это. Слушаю ... то что» (№ 34, Ж., 30). Поскольку целью социолингвистического обследования являлось описание функционирования этнического языка в марийском языковом сообществе московского региона, мы исходим из предположения, что актуальное употребление марийского языка обусловлено в том числе и предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине (см., например: [Куцаева, 2022а; Куцаева, 2023а; Куцаева, 2023 г]). В этой связи в настоящей работе путем составления языковых биографий будет изучен лингвистический «багаж», с которым респонденты переехали в Москву, далее будет рассмотрено актуальное употребление опрошенными марийского языка: сферы использования, функции языка, бытование языка в этнической культуре.

2. Языковые биографии респондентов

Кировская часть выборки представлена пятью респондентами: трое мужчин и две женщины в возрасте от 29 до 52 лет, принадлежащие когортам 20–30 (два чел.), 31–40 (один чел.), 41–50 (один чел.), 51–60 (один чел.). Четыре респондента родились и выросли в небольших населенных пунктах, один респондент является уроженцем поселка городского типа. Языковые биографии респондентов представлены в исследовании в виде кейсов, описывающих языковую жизнь в дошкольный, школьный периоды, каналы освоения марийского языка и его актуальное использование.

2.1. Дошкольный период

Родители респондентов являются марийцами, уроженцами *марийских* деревень, расположенных в Кировской области. Родители владели марийским и русским языками, между собой взрослые разговаривали преимущественно на марийском языке. В таблице 2 приводится информация относительно речевых практик респондентов в дошкольный период.

Таблица 2

Речевые практики респондентов в дошкольный период*

Респондент	Общение с родителями	Общение с сиблингами	Общение со сверстниками	Общение с бабушкой	Общение со старшими родственниками, соседями
№ 34 (30, Д)	Р, М	Р	Р	М	М
№ 38 (31, Д)	Р	–	Р, М	Р, М	Р, М
№ 39 (29, ПГТ)	Р, М	–	Р, М	Р, М	Р, М
№ 49 (52, Д)	М	М	М, Р	М	М
№ 76 (38, Д)	М, Р	Р	Р	Р	Р

*В крайнем левом столбце указан номер анкеты респондента в общей выборке, в скобках приводится возраст респондента и место его проживания на малой родине в тот период в качестве релевантной для этой части исследования информации. Принятые сокращения: М – марийский, Р – русский, Д – деревня, ПГТ – поселок городского типа.

Участник опроса в старшей когорте использовал в детстве преимущественно марийский язык с родителями, сиблингами, представителями старшего поколения (об этом же говорили и опрошенные в младших когортах в отношении своих родителей, которые, кажется, в младшем дошкольном возрасте не прибегали к использованию русского языка). Широкое использование марийского языка объясняется компактным проживанием в условиях марийской деревни, которая в дальнейшем, что подтверждается данными из языковых биографий молодых участников опроса, подвергается ускоренным процессам русификации (об этом см. также: [Шанчара, 2020: 382]. «У нас полностью марийская деревня, только несколько русских притесались – и всё! С русскими – кто-то из них по-марийски понимал, но в основном по-русски. Но сейчас более идет русификация» (№ 49, М., 52). «У нас в деревне все мари. Ну они там взрослые, конечно, все на марийском разговаривали. Были дети, которые разговаривали на марийском. Но так – русский. Как-то так – но все там у нас мари!» (№ 34, Ж., 30).

Указанный в графах таблицы вариант *Р, М* (русский, марийский) подразумевает дуально-лингвальную коммуникативную модель, при которой каждый собеседник использует свой речевой код, в данном случае родители использовали марийский, ребенок отвечал на русском. Это же типично в целом для уроженцев более крупных населенных пунктов в Республике Марий Эл и в Башкортостане в выборке (об этом см.: [Куцаева, 2022а: 123; [Куцаева, 2023а: 56; Куцаева, 2023г: 59]). Переход в общении с детьми на «смешанный язык» (в терминологии опрошенных)

– вкрапления марийского в коммуникацию на русском – осуществлялся при употреблении этнического языка в эмоциональной функции (шутка на марийском, например).

С представителями более старшего поколения модель *M, P* имплементировалась следующим образом: бабушка и пожилые родственники (соседи) в основном использовали марийский язык. «Бабушка не очень-то по-русски любит разговаривать. Моя бабушка именно – ей 80 лет – она особо не любит на русском разговаривать, ей проще на марийском говорить. Она с нами разговаривает на марийском, если где-то чего-то не понимаешь, конечно, она начинает ругаться!» (№ 34, Ж., 30). Примечательно, что два других молодых респондента, использовавшие изначально русский (или дуально-лингвальную модель) в общении с бабушкой, со временем перешли на марийский по собственной инициативе и активной поддержке самих бабушек (о роли бабушки в передаче этнического языка мы рассказывали в другой нашей работе: [Куцаева, в печати], об этом см. также: [Куцаева, 2022а: 124]).

Использование родителями опрошенных (когорты 20–30, 31–40) главным образом русского языка в общении с детьми было обусловлено влиянием господствующих языковых идеологий, связанных в первую очередь с представлением о негативном влиянии марийского (в качестве материнского языка) на успешное освоение русского языка в системе школьного образования и в дальнейшем – благополучную социально-экономическую адаптацию. Кроме того, опрошенные в младших когортах посещали детский сад, языком воспитания в которых выступал русский, несмотря на то что в составе педагогического коллектива были марийки (о влиянии языка воспитания в детском саду на речевые практики в семье см.: [Куцаева, 2022а: 125]¹⁰. «Я в детский сад ходила. Он у нас в деревне был. Скорее всего это (общение преимущественно на русском в семье. – *Прим. М. К.*) с учебой было связано. Просто с этим очень сложно. У меня одноклассница, с ней чисто всегда дома на марийском разговаривали, и очень ей было тяжело в школе. Она путала слова, ей было проще на марийском его сказать, потому что с ней дома разговаривали на марийском. Она вроде бы и на русском разговаривает, а писать – ей было очень иногда. И по поводу литературы даже – читать. Ей русский язык немножко трудно было» (№ 34, Ж., 30).

Часть респондентов воспринимает подобные речевые практики как *норму*, другие ставят свое незнание марийского языка родителям в упрек, поскольку те не приложили усилий по трансмиссии языка. «Я даже не интересовался у мамы, почему она сразу со мной не говорила на марийском. Как бы у нас у всех так» (№ 39, М., 29). «Они говорили, что сначала разговаривали на марийском, а потом, когда пошли мы в садик, они начали на русском. Когда я спрашивала

¹⁰ Ср.: «Коренное население, наши бабушки – все разговаривают (на марийском языке. – *Прим. М. К.*). И ребяташки, которые живут с бабушками, тоже разговаривают» [Шанчара, 2020: 111].

родителей, почему они нас не обучили марийскому, почему они с нами на русском разговаривали, они сказали, что вот боялись, что мы потом будем плохо знать русский, что у нас будут проблемы. У них у самих такой проблемы не было, я не знаю, с чего это они взяли, что у нас будут проблемы! Они хорошо знают и марийский, и русский» (№ 76, Ж., 38).

2.2. Школьный период

Ни один из опрошенных в выборке не «обучался специально предмету “Марийский язык”» (№ 49, М., 52)¹¹, поскольку «это Кировская область, просто там четко это было видно, что в Марий Эл – на марийском, а Кировская область – это с советских времен еще политика русификации по отношению к марийцам. Она дала... заметный след на образовательную деятельность тоже» (№ 38, М., 31). Республика Марий Эл, безусловно, располагает более широкими возможностями организации обучения и преподавания марийского языка, хотя, как было отмечено в наших работах [Куцаева, 2022а: 129; Куцаева, 2023а: 64], преподавание марийского лугового и марийского горного в системе школьного образования в Республике Марий Эл имеет свои трудности на современном этапе. В других регионах, где компактно проживают марийцы, преподавание марийского языка сохранено частично, например в Республике Башкортостан [Куцаева, 2023г: 61, 62], или фрагментарно – в Свердловской области [Куцаева, 2023б: 56–68].

По словам респондентов, поколение старших родственников в семье обучалось когда-то на марийском языке, поскольку родственники «родились еще в такое время, что они пошли в школу – и они не знали русского языка. И они в школе изучали русский язык» (№ 39, М., 29). Так, в одной из деревень Уржумского района обучение на марийском велось вплоть до 1950-х годов, далее учащиеся обучались по программе русской школы [Шанчара, 2020: 53]. Переход на русский язык обучения связан с вступлением в силу закона «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958), который и положил начало русификации образования в РСФСР [Беликов, Крысин, 2016: 301, 302]. Пробуждение интереса к возрождению преподавания марийского языка в регионе в 1990-х годах было вызвано подъемом национального самосознания в период «парада суверенитетов». В частности, в резолюцию Третьего съезда народа мари (Йошкар-Ола, октябрь 1992 г.), на котором присутствовали 25 делегатов от Кировской области [Съезды, 2004: 293], среди прочего были включены пункты, где отмечалась необходимость восстановления общеобразовательных национальных школ и национальных педагогических учебных заведений как в республике, так и в регионах компактного проживания марийской диаспоры; делегаты

¹¹ Этот же респондент отметил, что на переменах, будучи школьником, активно пользовался марийским языком в общении с одноклассниками, несмотря на некоторые запреты со стороны администрации школы и РОНО.

Съезда обращались к представительным органам Республики Марий Эл с просьбой оказать содействие и поддержку в организации обучения и воспитания марийской диаспоры на родном языке [Съезды, 2008: 330, 331].

С этого времени в преподавании марийского языка в школах Кировской области наметились некоторые перемены, однако коренного перелома ситуации не произошло, поскольку подобные инициативы носили «очаговый» характер, зависели в целом от активности педагогов и представителей администрации школ и, ввиду разных обстоятельств, через некоторое время затухали. Так, в дер. Пушкино в Яранском районе с середины 1990-х годов в течение нескольких учебных лет учащиеся 5–7 классов имели возможность приобщиться к марийскому языку в рамках элективного курса «История и культура марийского народа» (один час в неделю). Курс вел школьный библиотекарь, прошедший за свой счет двухнедельные курсы повышения квалификации в Йошкар-Оле. В 1999 г. факультатив убрали из программы [Шанчара, 2020: 112]. Один из респондентов, уроженец дер. Пушкино, вспоминает: «Я в Пушкино училась. Обычная школа. У нас не преподавали. У нас потом уже, когда я девятый класс заканчивала, у нас уже начали в каких-то классах, допустим, преподавать марийский язык. Насколько я знаю, сейчас у нас там в школе восемь человек, если не меньше, осталось. Еще школу не закрыли пока» (№ 34, Ж., 30) (об оптимизации образования, коснувшейся прежде всего сельских малокомплектных школ и оказавшей губительное влияние на ситуацию с преподаванием языков народов РФ, см.: [Долгова, 2020: 27]).

В конце 1990-х годов марийский язык преподавался в четырех школах Кировской области: в трех из них изучался марийский язык и литература, история культуры марийского народа (общий охват учащихся – 262 чел.), в одной – марийский язык (один час в неделю с 3 по 9 классы – 100 учеников) [Марийский мир, 2004; цит. по: Кондрашкина, 2008: 149]. Уроженец Кикнура в выборке сообщил следующее: «У нас сколько раз в районный отдел образования и просьбы (о внедрении марийского языка в школьное расписание. – *Прим. М.К.*), и коллективные письма писали, ни в какую – они отказывали! Это в наше время было, на моем веку» (№ 39, М., 29). С 2003 г. в Кикнуре наконец открылся факультатив «История и культура марийского народа», который вел педагог начальных классов, однако спустя три года проект закрылся ввиду прекращения финансирования. В 2009 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между департаментом образования Кировской области и министерством образования Марий Эл в целях приобщения подрастающего поколения к языку, истории, культуре, обычаям, традициям марийского народа, сохранения и развития марийского языка для удовлетворения этнокультурных запросов марийского населения Кировской области. Соглашение коснулось лишь трех школ, в которых уже обучались марийские школьники (Пижанский, Малмыжский и

Яранский районы), за рамками соглашений остались, однако, другие школы, например, в Кикнуре [Шанчара, 2020: 7–8].

Краткий обзор современной ситуации с преподаванием марийского языка в регионе свидетельствует о том, что в большей степени возрождение преподавания марийского является заслугой педагогов (см., например: [Шанчара, 2020: 53]), выступающих в роли подлинных хранителей языка и культуры марийцев в местах их компактного проживания (схожие замечания были сделаны нами в отношении уральских марийцев [Куцаева, 2023б: 80]).

Кроме того, в тех немногих школах, в которых в переходный период сохранилось преподавание марийского языка, имеются свои трудности, обусловленные: 1) острой нехваткой педагогических кадров; 2) постоянным сокращением часов, выделяемых на изучение марийского языка; 3) отсутствием у учащихся мотивации к изучению вследствие влияния языковых идеологий, транслируемых родителями (законными представителями) учащихся; 4) слабым контролем методической работы; 5) различиями между северо-западным идиомом, носителями которого являются учащиеся, и литературной нормой лугово-восточного языка, изучение которого предполагается в рамках школьной программы. Относительно каждого перечисленного выше пункта приведем (на условиях анонимности) выдержки из интервью с педагогом марийского языка, имеющего опыт работы в одной из школ Кировской области в интересующий нас период (с начала 2000-х годов до 2017 г.):

Острая нехватка педагогических кадров: «На всю школу среднюю я была единственным педагогом марийского. Потому что до меня была еще женщина, она уехала. И несколько лет, по-моему, не было до меня. Вообще».

Сокращение часов: «Если часы в общем сокращают и на школу даются на один класс столько-то часов – конечно же, математику там или русский язык никто не будет сокращать! Убирают часы, которые не очень... как бы, по их мнению, важные. Потому что ни экзамена не было по этому предмету, ничего». «Ну вначале минимум 18 часов у меня было. Не больше. Марийский язык и литература. Лет через пять-шесть, наверное, сделали факультатив. Но это было обязательно. В конце часов было пять или шесть, по-моему. Очень мало. Но я уже последние лет восемь, может десять, работала уже учителем русского языка. У меня же как бы и диплом учителя русского языка, я уже русским языком занималась. Потому что ну на пять-шесть часов, ну как прожить-то! Надо все равно чем-то заниматься. Да и учителя русского языка не хватало вообще. И сейчас там, наверное, это проблема. Я уже полностью перешла на русский язык, а марийский, ну как-то в дополнение, чтобы не забыли, чтобы что-то там делали».

Отсутствие мотивации, влияние языковых идеологий: «Родители многие были недовольны – как бы: “Зачем это? Вообще кому это надо? И так ничего не успевают, программа

обширная, там ЕГЭ, вот это все – голову зачем детям забивать этой лишней информацией?”. Родители говорили об этом сами. Бывают же родительские собрания, бывают классные часы или классные родительские собрания, общешкольные. Ну споры велись, потому что – “Надо это? Не надо это?”. «Мне вот кажется, что им это было скучно все. Неинтересно. Если что-то вот развлекательное – им нравилось, а вот это – не очень. Культура марийская, история – как это все развивалось, как было, как возникло все это – это им ОЧЕНЬ было неинтересно. Вот эти все правила марийского языка, ну как бы программа же предусматривает это все, там части речи – это вообще неинтересно было, никакой заинтересованности не было. Ну урок – и урок. Вышли – и забыли. Русский – очень мотивирован был. Потому что экзамен! Единственный мотиватор – это экзамен. Всё – больше ничего не надо было! Если бы был экзамен (по марийскому. – *Прим. М. К.*), это как-то бы подгоняло их, что-то все равно было бы» (об этом также см.: [Шанчара, 2020: 388]).

Контроль методической работы: «Честно сказать, программы как таковой обязательной – как марийский в школах Республики Марий Эл – вообще никакой программы не было. Вообще ничего! Это было на усмотрение учителя. Я сама все разрабатывала, ну, правда, на основе существующих программ».

Особенности северо-западного наречия: «Знаете, там марийский диалект очень большой! Он очень отличается от литературного языка. Первые несколько месяцев было очень тяжело, это знаете, как ... с марийского перевести надо на марийский язык. С одного марийского на другой. Ну, они разговаривают на марийском языке в основном. Это раньше еще разговаривали. Но в последнее время там почти все на русском разговаривали уже. Это уже в 2015–2016. А вот в самом начале, в 2001 году, очень многие разговаривали на марийском языке. Но диалект – очень такой... Я говорю: “Это что за слово?”. Они мне переводили на русский язык, я потом уже на свой, на литературный. Я на марийском спрашивала. Я с ними все время на марийском разговаривала. Если я говорю на марийском, они спрашивают: “Вы сейчас вот что сказали? Это что значит?”. И, знаете, мы учились, как, например, разговорники есть, и у нас был свой разговорник! Это вынужденно было. У меня свой словарь личный был. Я записывала вначале. Два-три месяца я записывала те слова. Вот, например, какое-нибудь слово они мне скажут, я тетрадку делила пополам, рядышком литературно пишу. В итоге к концу, ну, все больше и больше... я уже отлично разговаривала на том марийском, на котором они разговаривали. Это уже входит в привычку, потому что я же общалась не только с детьми. Ну с детьми – на литературном общаюсь, а вот у меня подруги были, у меня друзей много было, я с ними уже общалась на их языке, потому что они переспрашивали по тысячу раз... и меня это как-то начинало напрягать иногда – и я с ними уже на их языке, и как-то это в привычку входило!

Даже домой к матери приезжала, у меня эти слова выскакивали. А мама говорила, что уже по-другому говорю и даже интонация другая!» (Об особенностях северо-западного идиома см.: [Коведяева, 1987: 21–28], о номенклатуре марийских идиомов с точки зрения носителей языка см.: [Куцаева, 2022б: 60–64].)

2.3. Каналы освоения марийского языка

Как и в других наших работах, посвященных описанию языковых биографий представителей московских марийцев (уроженцев Республики Марий Эл – см.: [Куцаева 2022а: 141–147; Куцаева, 2023а: 56, 57], внереспубликанских марийцев – см.: [Куцаева, 2023б: 53; Куцаева, 2023г: 66, 67]), укажем на каналы освоения респондентами марийского языка. Для самого старшего участника опроса в Кировской выборке марийский язык является функционально первым языком, усвоенным в семье (см. Табл. 2). Респонденты младших когорт, с детства практикующие русский язык, освоили марийский по различным каналам (сходные пути изучения этнического языка были зафиксированы нами в отношении городских марийцев – как республиканских (пункты 1–5), так и внереспубликанских (пункты (1–7)).

1. Внутрисемейное общение. Родители разговаривали с ребенком на марийском языке в младенчестве или разговаривали на марийском между собой, отводя ребенку роль пассивного слушателя. Впрочем, некоторые опрошенные давали высокую оценку этому способу освоения языка: «Ну с тобой на марийском говорят, а ты слышишь. Да просто слышишь, когда родители с тобой разговаривают. Я помню, еще когда лет пять было, я еще тогда не все слова марийские понимал, я спрашивал: “А вот это что? А это?”. А потом запоминаешь» (№ 39, М., 29).

2. Общение с представителем самого старшего поколения в семье, как правило, с бабушкой. «В деревне первоначально отвечал на русском бабушке, а потом отвечал на марийском. Семь, наверное, где-то восемь лет мне было. Совесть просто замучила все время на русском отвечать! Какой-то прогресс, наверное, сделал внутри себя и начал на марийском говорить» (№ 39, М., 29).

3. Общение с ровесниками, в семье которых марийский использовался в качестве функционально первого языка. «И плюс ровесники некоторые в школе и в саду частенько употребляли марийские слова. Я частично тоже использовал. Потому что некоторые слова все равно популярны. Элементы марийской речи в русском. *Очень хорошо – пеш сай, больно надо – пеш кулеш, очень хороший – пеш мотор, Мо бара? – Ну что теперь?, Кузе иледа – Как поживаете?, йора – хорошо, договорились*» (№ 38, М., 31).

4. Практика языка в марийской деревне (в случае уроженцев городской среды). «По-марийски я в деревне с родственниками. Более старшие родственники. Ну со сверстниками –

немножко разговаривал. Ну немножко чего-то там сказать, что вот... я там сегодня травы накопил, так и так. Печку затопил. Сходил за водой. Ну вот какие-то проблемы обсуждаются – так и так. Надо дров принести, сходи туда за водой, там...тут вот это надо. Вот такие просьбы простые!» (№ 39, М., 29) (О специфике этнического языка, освоенного городскими детьми в деревне см. также: [Куцаева, 2023в: 71].)

5. Участие в культурно-досуговых мероприятиях на марийском языке. «Но опять же это довольно гибко – там были элементы немножко марийские. Они (старшее поколение – *Прим. М. К.*) меня сразу научили плясать по-марийски, и немножко марийскую речь я слышал. В деревне на культурных мероприятиях, где-то в частушках у бабушек слышал марийскую речь часто. То есть частичный марийский лексикон присутствовал. Частично от всего это шло. И в клубе мероприятия, и общение со старшим поколением» (№ 38, М., 31). В регионе созданы 59 муниципальных специализированных учреждений, работающих в области марийской культуры, действуют 20 марийских фольклорных коллективов [Марийцы 2013: 143]. (О конкретных культурных инициативах см.: [Шанчара, 2020: 58, 111].)

6. Участие в общественной жизни, связанной с поддержанием марийской культуры и языка. В этом смысле некоторые инициативы, исходившие из Республики Марий Эл и вовлекавшие в свою орбиту марийцев, проживающих за ее пределами, кажется, являются плодотворными. Один из респондентов в юности побывал на слете марийской молодежи в Республике Марий Эл, участвовал в проектной деятельности. «Мы лекции слушали от марийскоговорящих даже не чиновников, но важных деятелей республики, они преподавали нам немножко основы... такого проектирования на сельский манер. Как сельскую активность, сельскую деятельность переставлять на современные рельсы, чтобы сельская жизнь в марийских деревнях не угасала, а шла по такому современному манеру. Какие-то проекты. Какие-то инициативы. Там было много марийского языка. Я даже марийский разговорник с собой привез, чтобы... частично хотя бы стараться общаться на марийском языке, потому что мне не хватало тогда запаса. Очень серьезно не хватало запаса слов. Я часто просил что-то по-русски объяснить мне. Большинство участников очень бегло разговаривали на марийском. Я как раз тогда очень много записывал, всю неделю. Марийских фраз, чтобы запомнить, чтобы общаться. Там еще в конце слета от каждого отряда самые активные готовили проекты для защиты. Я готовил проект на тему “Смотр марийской культуры в Уржумском районе”. Защитил этот проект, и как только я вернулся в том же году, в декабре, мы провели первый марийский смотр марийской культуры» (№ 38, М., 31).

7. Дальнейшая учеба и проживание в Йошкар-Оле. Один из респондентов получал среднее профессиональное образование в Йошкар-Оле, имел возможность общения с

носителями лугового марийского языка. Препятствием к полноценному общению на этническом языке были различия между идиомами марийского, а также иерархическая структура модели традиционного носителя, присущая марийскому языковому сообществу и сложившаяся вследствие сильной распыленности марийского этноса; юридического статуса, закрепленного за марийским в Республике Марий Эл (ср. с местами компактного проживания марийцев на территории Российской Федерации, например в Кировской области); особого положения, занимаемого де-факто отдельными говорами (моркинско-сернурским, который лег в основу литературной нормы марийского лугового языка) [Куцаева, 2021а: 21]. «Не могу сказать, что мой марийский сильно отличался, но вот у этой девочки с Морков, у нее прямо – чисто всегда на марийском разговаривала. Но она всегда надо мной смеялась. “То, что, – говорит, – неправильно предложения, либо окончания, либо ударения неправильно говоришь”. Ну я просто если что-то скажу, а она: “Немножко по-другому!”» (№ 34, Ж., 30).

Отметим, что для опрошенных в кировской части выборки, как и для республиканских, и башкирских, характерно следование некоторым принципам, порожденным языковыми идеологиями, распространенными среди носителей миноритарных языков. Во-первых, неиспользование марийского языка в общественных местах (например, четкая граница между употреблением марийского в деревне и использованием русского в городской среде, которая начиналась уже в автобусе, следующему по маршруту в город или поселок городского типа, – городская среда, в представлении уроженцев сельской местности). Во-вторых, употребление русского языка в разговоре, если один из коммуникантов не владел марийским (по принципу «третий – не лишний»).

3. Актуальное использование этнического языка

Сферы использования марийского языка в условиях внутренней диаспоры московского региона заметно сужаются. Этнический язык употребляется преимущественно во внутрисемейной и дружеской сферах общения, используется в ходе проведения культурно-массовых и общественных мероприятий марийского землячества Москвы, объединяющего как выходцев из Республики Марий Эл, так и мест компактного проживания марийцев.

Члены кировской части выборки используют марийский в качестве тайного языка, в эмоциональной функции (смеяться, шутить, ругаться), в большей степени – в символической функции в целях групповой самоидентификации, в меньшей – в собственно коммуникативной.

Межпоколенческая передача языка в общей выборке представляется крайне слабой (об этом см.: [Куцаева, 2021б]. Кировские марийцы в выборке в этом смысле не являются исключением, особенно представители младших когорт: слабо владея этническим языком, они

способны передать детям лишь *воспоминания* о марийском языке в виде отдельных лексических единиц с эмотивным значением. «У меня ребенок марийский вообще не знает. Я даже когда ему что-нибудь в шутку говорю, он вообще ничего не понимает! Так, по ситуации говорю, такие бытовые вещи. Корни, наверное, дают о себе знать» (№ 76, Ж., 38).

Кировские марийцы также принимают участие в жизни диаспоры, ежегодно посещают организованный в Москве «Пеледыш пайрем» («Праздник цветов»). Однако, по нашему наблюдению, доля их участия в менее масштабных мероприятиях заметно ниже в сравнении, например, с башкирскими марийцами. Одна из причин заключается, во-первых, в существующих различиях между идиомами марийского, во-вторых, в слабом владении этническим языком: «Я думаю, что мне там вообще-то будет неинтересно. Потому что я там буду полунемым – не понимать даже» (№ 76, Ж., 38).

Многие опрошенные являются фактически новыми носителями марийского языка; распространенные среди традиционных носителей идеологии аутентичности и легитимности препятствуют расширению языкового сообщества (об этом см.: [Куцаева, 2021a]). Так, одна из респонденток состоит в браке с выходцем из Республики Марий Эл, носителем лугового марийского, и ее попытки внедрить во внутрисемейное общение этнический язык, кажется, не увенчались успехом в силу изложенных выше причин. Другой респондент не смог в итоге использовать марийский язык в новых технологиях (к примеру, оставлять комментарии в социальных сетях на марийском), поскольку, по его словам, традиционные носители не поняли бы «его марийский», т.е. северо-западный идиом: «А то луговые и горные, услышав наш диалект, могут подумать, что написано с ошибками» (№ 39, М., 29).

4. Заключение

Кировские марийцы в выборке идентифицируют себя в качестве этнических марийцев, тем не менее они четко осознают свой особый статус внутри марийского языкового сообщества, находясь среди марийцев как в Йошкар-Оле, так и в московском регионе. Во-первых, северо-западный идиом отличается от литературной нормы марийского языка. Во-вторых, респонденты не имели возможности изучать марийский в системе школьного образования. В-третьих, как показал анализ языковых биографий представителей младших когорт, этнический язык не являлся и не является для них функционально первым языком. По словам одного из участников, «...в Кировской – там обрусевшие такие марийцы». В большей мере каналами освоения этнического языка у младшего поколения выступила культурно-досуговая деятельность, общение с представителями старшего поколения и сверстниками, для которых марийский являлся материнским языком, пребывание в марийской деревне.

Несмотря на то, что многие Кировские марийцы в выборке являются новыми носителями марийского языка, что само по себе нелегко, учитывая распространенные в обществе языковые идеологии, они высоко оценивают свои достижения. «Даже то, что я говорю на марийском, – это большой успех. Потому что вырасти в русском регионе, в русском языке, марийский язык нигде не преподают, нет ни одной марийской книги, нет марийских названий, – это уже для меня большой успех» (№ 39, М., 29).

Литература

- Беликов В.И., Крысин Л.П. (2016) Социоллингвистика: Уч. для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 337 с.
- Всероссийская перепись населения (2020) Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx. Дата обращения: 05.12.2023.
- Демоскоп weekly. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6. Дата обращения: 05.12.2023.
- Долгова А.П. (2020) Об изменениях в ситуации с родными языками в школах Чувашии: Взгляд из региона // Родной язык. Лингвистический журнал. № 1. С. 25–48.
- Коведяева Е.И. (1976) Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука. С. 3–96.
- Коведяева Е.И. (1987) Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: (Марийский язык). М.: Наука. 160 с.
- Козлова К.И. (1978) Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ. 344 с.
- Кондрашкина Е.А. (2008) Динамика функционального развития марийского языка. М.: ИЯЗ РАН. 180 с.
- Куцаева М.В. (2020а) Об опыте социоллингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона // Малые языки в большой лингвистике: Сб. трудов конференции 2020 / Ред. Кс.П. Семенова. М.: Буки Веди. С. 104–111.
- Куцаева М.В. (2020б) Марийцы Москвы: Этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. Лингвистический журнал. № 2. С. 124–150.
- Куцаева М.В. (2021а) Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. № 2. С. 5–34.
- Куцаева М.В. (2021б) Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (33). С. 49–58.
- Куцаева М.В. (2022а) Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. № 1 (44). С. 116–153.
- Куцаева М.В. (2022б) К вопросу о номенклатуре марийских идиомов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (37). С. 55–68.
- Куцаева М.В. (2023а) Лингвистические биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. № 1 (48). С. 53–69.
- Куцаева М.В. (2023б) Сохранность этнического языка у уральских марийцев // Родной язык. Лингвистический журнал. № 1. С. 44–89.
- Куцаева М.В. (2023в) На деревню надейся, а сам не плошай: К вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2 (40). С. 65–78.

- Куцаева М.В.* (2023г) Из старой диаспоры в новую: К вопросу о сохранности языка и культуры башкирских марийцев: (На материале социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона) // Урало-алтайские исследования. № 4 (51), С. 54–79.
- Марийцы (2013) Историко-этнографические очерки. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола. 482 с.
- Сануков К.Н.* (2000) Марийцы: Прошлое, настоящее, будущее // Марийский мир: Проблемы национального, социально-экономического и культурного развития марийского народа. Йошкар-Ола. С. 12–61.
- Сенеев Г.А.* (2006) История расселения марийцев. Йошкар-Ола. 200 с.
- Съезды народа мари (2008) Документы и материалы. 1917–2004 гг. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба. 832 с.
- Шанчара С.* (2020) Марийцы на просторах России: Книга очерков. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 391 с.

References

- Belikov, V.I., Krysin, L.P.* (2016) Sotsiolingvistika: Uchebnik dlya bakalavriata i magistratury [Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree]. M.: Uright. 337 p. (In Russ.)
- Vserossijskaja perepis' naselenija (2020) [The All-Russian Census of 2020.] Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx. Access date: 05.12.2023.
- Demoskop weekly [Demoscope weekly]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6. Access date: 05.12.2023.
- Dolgova, A.P.* (2020) Ob izmeneniyakh v situatsii s rodnymi yazykami v shkolakh Chuvashii: Vzglyad iz regiona [The changing situation with native languages in the schools of Chuvashia] // Rodnoi yazyk. Linguistic Journal. No. 1. Pp. 25–48. (In Russ.)
- Kovedyayeva, E.I.* (1976) Marijskij yazyk [Mari language] // Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija: Marijskij, permskie i ugorskie yazyki [Basics of Finno-Ugric linguistics: Mari, Perm and Ugric languages]. M.: Nauka. Pp. 3–96. (In Russ.)
- Kovedyayeva, E.I.* (1987) Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam: (Marijskij yazyk) [Areal studies on eastern Finno-Ugric languages: (Mari language)]. M.: Nauka. 160 p. (In Russ.)
- Kozlova, K.I.* (1978) Oчерki jetnicheskoj istorii marijskogo naroda [Outlines of Mari people's ethnic history]. M., Izd-vo MGU. 344 p. (In Russ.)
- Kondrashkina, E.A.* (2008) Dinamika funkcional'nogo razvitiya marijskogo jazyka [Dynamics of the functional development of the Mari language]. M., Institut yazykoznanija RAN. 180 p. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2020a) Ob opyte sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona [On the experience of a sociolinguistic survey in Moscow region Mari diaspora group] // Malye yazyki v bol'shoi lingvistike: Sb. trudov konferentsii. M., Buki Vedi. Pp. 104–111. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2020b) Mariitsy Moskvу: Ehtnicheskaya identichnost' i yazykovaya lojal'nost' v usloviyakh vnutrennei diaspory [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty] // Rodnoi yazyk. Linguistic Journal. No. 2. Pp. 124–150. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2021a) Novye nositeli mariiskogo kak faktor vital'nosti ehtnicheskogo yazyka v diaspore [New speakers of Mari as a factor in diaspora language vitality] // Rodnoi yazyk. Linguistic Journal. No. 2. Pp. 5–34. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2021b) Rannee osvoenie ehtnicheskogo yazyka v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona [Early language acquisition in Moscow region Mari diaspora] // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. No. 3 (33). Pp. 49–58. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2022a) Yazykovye biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev rajonov rasprostraneniya lugovogo marijskogo yazyka v Respublike Marij El) [Language biographies of the Maris of the Moscow region – the natives of the areas where the

- Meadow Mari language is spoken in the republic of Mari El] // Uralo-altaiskie issledovaniya. No. 1 (44). Pp. 116–153. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2022b) K voprosu o nomenklature marijskih idiomov [On the problem of nomenclature of Mari idioms] // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. No. 3 (37). Pp. 55–68. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2023a) Lingvisticheskie biografii predstavitelej marijskoj diaspory moskovskogo regiona (urozhencev Gornomarijskogo rajona Respubliki Marij El) [Linguistic biographies of Moscow region Maris – natives of Hill Mari district of the Republic of Mari El] // Uralo-altaiskie issledovaniya. No. 1 (48). Pp. 53–69. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2023b) Sohrannost' jetnicheskogo jazyka u ural'skih marijcev [Ethnic language maintenance: The case of the Ural Maris] // Rodnoi yazyk. Linguistic Journal. No. 1. Pp. 44–89. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2023v) Na derevnju nadejsja, a sam ne ploshaj: K voprosu o jazykovyh praktikah i ideologijah v chuvashskoj i marijskoj diasporah Moskovskogo regiona [The village helps those who help themselves: On the question of language practices and ideologies in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region] // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. No. 2 (40). С. 65–78. (In Russ.)
- Kutsaeva, M.V.* (2023g) Iz staroj diaspory v novuju: K voprosu o sohrannosti jazyka i kul'tury bashkirskih marijcev: (Na materiale sociolingvisticheskogo obsledovaniya v marijskoj diaspore moskovskogo regiona) [From the old diaspora to the new one: On Bashkir Maris' language and culture maintenance: (Results of a sociolinguistic survey in the Moscow region mari diaspora)] // Uralo-altaiskie issledovaniya. No. 4 (51). Pp. 54–79. (In Russ.)
- Mariitsy,* (2013) Mariitsy: Istoriko-ethnograficheskie ocherki [Maris: Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola. 482 p. (In Russ.)
- Sanukov, K. N.* (2000) Marijcy: Proshloe, nastojashhee, budushhee [Maris: Past, present, future] // Marijskij mir: Problemy nacional'nogo, social'no-jekonomicheskogo i kul'turnogo razvitija marijskogo naroda [Maris' world: Problems of national, socio-economic, and cultural development of Mari people]. Yoshkar-Ola. Pp. 12–61. (In Russ.)
- Sepeev, G.A.* (2006) Istorija rasseleniya mariitsev [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola. 200 p. (In Russ.)
- S'ezdy naroda mari (2008) Dokumenty i materialy. 1917–2004 [Congresses of Mari people: Documents and materials. 1917–2004]. Yoshkar-Ola. 832 p. (In Russ.)
- Shantchara, S.* (2020) Marijcy na prostorah Rossii: Kniga ocherkov [Maris across Russia: A collection of essays]. Yoshkar-Ola. 391 p. (In Russ.)

Куцаева Марина Васильевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук.

<https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Kutsaeva Marina Vasilievna – candidate of philology, researcher of the department of Uralic and Altaic languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

<https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Address: 125009, Russian Federation, Moscow, Bolshoj Kislovskij per. 1/1,

E-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Для цитирования: *Куцаева М.В.* «Еще не русские и уже не марийцы»: Об этнической идентичности, языке и культуре кировских марийцев (По результатам обследования в марийской диаспоре московского региона) // Социоллингвистика. 2024. № 1 (17). С. 25–43. DOI: 10.37892/2713-2951–1-17-25-43

For citation: *Kutsaeva, M.V.* “Not yet Russians and no longer Maris”: Ethnic identity, language and culture of the Kirov Maris (Based on the results of a survey in the Moscow region Mari diaspora) // Sociolinguistika. 2024. No. 1 (17). Pp.25–43. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951–1-17-25-43

The article was submitted 07.12.2023;
approved after reviewing 20.01.2024;
accepted for publication 18.02.2024.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК В МОСКОВСКОЙ ОБЩИНЕ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СОПРЯЖЕНИИ С СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ

Светлана А. Москвичева

Маммадали М. оглы Гасанов

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Российская Федерация

Статья посвящена анализу параметров символического измерения языковой ситуации в условиях миграции. В центре проблематики стоит оценка представителями азербайджанской общины четырех типов репрезентаций, связанных с азербайджанским языком: различия в азербайджанском языке, используемом представителями общины в Москве, и азербайджанским языком в Азербайджане (срез структуры языка), важность азербайджанского языка в семейном и профессиональном общении (коммуникативный срез), представления об азербайджанском языке как родном (срез идентичности) и представления об азербайджанском языке как престижном языке публичного общения (социальный срез). В основе исследования лежит метод анкетирования с последующей статистической обработкой данных в программе Jatovi (X-квадрат Пирсона) и их интерпретацией и анализом. Вышеперечисленные типы репрезентаций были рассмотрены в сопряжении с социодемографическими факторами возраста респондентов, планами остаться/уехать из Российской Федерации, местом проживания родителей (Россия или Азербайджан). Значимость сопряжения двух независимых категориальных переменных определялась X-квадратом Пирсона. Исследование показало, что ведущую роль в структуре языковых репрезентаций представителей азербайджанской общины Москвы играют жизненные планы респондентов и место проживания их родителей, т.е. факторы, связанные с теоретическими конструктами языка и территории.

Ключевые слова: азербайджанский язык, азербайджанская община Москвы, язык миграции, репрезентации языка, символическое поле языковой ситуации, языковая идентичность, престиж языка

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© С.А. Москвичева, М.М. оглы Гасанов, 2024

THE AZERBAIJANI LANGUAGE IN THE MOSCOW COMMUNITY OF AZERBAIJANIS: SYMBOLIC PARAMETERS OF THE LINGUISTIC SITUATION IN CONJUNCTION WITH SOCIO-DEMOGRAPHIC FACTORS

Svetlana A. Moskvitcheva

Mammadali Magsad ogly Gasanov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the parameters of the symbolic dimension of the linguistic situation in the context of migration. At the center of the issue is the assessment by representatives of the Azerbaijani community of four types of representations related to the Azerbaijani language: differences in the Azerbaijani language used by representatives of the community in Moscow and the

Azerbaijani language in Azerbaijan (a cross-section of the language structure), the importance of the Azerbaijani language in family and professional communication (a communicative cross-section), ideas about the Azerbaijani language as a native language (a cross-section of identity) and the idea of the Azerbaijani language as a prestigious language of public communication (social cross-section). The research is based on the questionnaire method followed by statistical processing in the Jamovi program and analysis of the data obtained. The above types of representations were considered in conjunction with socio-demographic factors of the respondents' age, plans to stay in /leave the Russian Federation, and the place of residence of the parents (Russia or Azerbaijan). The significance of the conjugation of two independent categorical variables was determined by Pearson chi-square. The study showed that the leading role in the structure of linguistic representations of representatives of the Azerbaijani community of Moscow is played by the respondents' life plans and the place of residence of their parents, that is, factors related to the theoretical constructs of language and territory.

Keywords: *Azerbaijani language, the Azerbaijani community of Moscow, the language of migration, language representations, the symbolic field of the linguistic situation, linguistic identity, the prestige of the language*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© *Svetlana A. Moskvitcheva, Mammadali Magsad ogly Gasanov, 2024*

1. Введение

В статье анализируются особенности структуры ряда параметров языковой ситуации азербайджанской общины в Москве в зависимости от социодемографических характеристик ее представителей. Рассматривается вопрос, какие экстралингвистические параметры являются ведущим фактором, обуславливающим векторы динамики языка в ситуации миграции, а также стабильности его сохранения и использования. В статье выдвинута гипотеза, что наибольшую роль играют параметры ситуации, связанные со структурой и качеством связей с Азербайджаном, поддерживаемых представителями общины. Значимым оказывается существование доступного и востребованного представителями общины коммуникативного пространства со страной исхода, которое поддерживает инструментальные функции языка, но не меньшую роль играет и сохранение символических аффективных связей с исторической родиной. В общей перспективе исследование вписывается в социолингвистическую проблематику связи языка и территории [Viaut, 2007] и более конкретно – в проблематику конфигурации и взаимоотношений языка на исторической территории и языка в условиях миграции.

Объектом исследования стала социолингвистическая ситуация азербайджанского языка в Москве. В качестве материала исследования были использованы результаты социолингвистического анкетирования, проведенного авторами данной статьи в 2020–2021 гг. Цель исследования – показать, как и каким образом социодемографические факторы влияют на представления и оценку респондентами следующих социолингвистических параметров языковой

ситуации: представления об азербайджанском языке как языке культурной самоидентификации (срез «Языковая идентичность»), представления о важности азербайджанского языка в семейном общении (срез «Семейная коммуникация») и в сфере бизнеса (срез «Профессиональная коммуникация»), представления о престижности азербайджанского языка как языка публичной коммуникации (срез «Престиж языка») и наконец, представления азербайджанцев московской общины о различиях в азербайджанском языке, который они используют в Москве, и азербайджанском языке в Азербайджане (срез «Различия в языке»). Для решения данной задачи мы посмотрели сопряжение вышеперечисленных параметров со следующими социодемографическими факторами: возраст респондентов (фактор «Возраст»), их планы остаться в Российской Федерации или вернуться в Азербайджан (фактор «Жизненные планы»), место проживания родителей (фактор «Место проживания родителей»), место, где респонденты провели большую часть жизни (фактор «Место наиболее длительного проживания»). Метод сопряжения социодемографических и социолингвистических переменных позволяет получить дифференцированное описание представлений о языковой ситуации, выделить стабильное ядро устойчивых репрезентаций, по отношению к которым наблюдается консенсус мнений, и неустойчивую зону с разбросом оценок, которая задает векторы динамики языковой ситуации.

2. Методология исследования

Эмпирическая часть исследования, включавшая социолингвистическую анкету (далее Анкета) и серию глубинных интервью, была проведена в 2020–2021 гг. Поскольку в основе статьи лежат преимущественно данные Анкеты, подробно остановимся на дизайне именно этой процедуры. Анкетирование проходило с использованием инструмента Google Forms. Респондентам была предложена социолингвистическая анкета, состоящая из 65 вопросов, сгруппированных в пять блоков. Первый блок включал вопросы, связанные с социодемографическими характеристиками респондентов; второй блок касался их языковой биографии; в третьем блоке респонденты оценивали свои языковые компетенции; в четвертом речь шла об использовании респондентами азербайджанского и русского языков; вопросы пятого блока были связаны с символическим измерением языковой ситуации. Всего было опрошено 140 человек и получено 138 корректно заполненных анкет. Все опрошенные хорошо или очень хорошо владели азербайджанским и русским языками.

Очевидно, что формат статьи не дает возможности представить более или менее полный анализ всех данных, поэтому мы сосредоточились на наиболее значимых, с нашей точки зрения, параметрах символического измерения языковой ситуации в сопряжении с социодемографическими характеристиками респондентов. Процедура исследования была

следующей. В соответствии с целью исследования из Анкеты было выбрано пять вопросов из социодемографического блока и пять вопросов из блока, связанного с символическим измерением языковой ситуации. Далее были сформированы два кластера переменных. В первый кластер вошли пять социодемографических характеристик респондентов: пол (F0) возраст (F1), жизненные планы (F2) (вернуться в Азербайджан или остаться в России), место проживания родителей (F3), страна, в которой респонденты прожили большую часть жизни (F4). По возрасту респонденты были разбиты на две когорты: младшее поколение (18–30 лет), примерно соответствующее молодым людям, получающим образование, и старшее поколение (более 30 лет), представители которого профессионально активны или были таковыми. Вопрос о жизненных планах предусматривал три варианта ответа: «Вернуться в Азербайджан», «Остаться в России», «Не знаю». Вопросы «Место проживания родителей» и «Страна, где я прожил большую часть жизни» предусматривали ответы: «Азербайджан», «Россия», «Другое». В таблице 1 приведена статистика распределения ответов по выбранным социодемографическим параметрам респондентов.

Таблица 1

Социодемографические характеристики респондентов

F0	F1	F2	F3	F4
Пол	Возраст	Жизненные планы	Место проживания родителей	Большая часть жизни прошла
Мужчины 45 %	Младшее поколение (18–30 лет): 55 %	Вернуться в Азербайджан: 19 %	Азербайджан 49 %	В Азербайджане 36 %
Женщины 55 %	Старшее поколение (30+ лет) 45 %	Остаться в России: 54 %	Россия 47 %	В России 63 %
–	–	Не определились 27 %	Другое 4 %	Другое 1 %

Категориальная переменная «Пол респондентов» была исключена из дальнейшего анализа, поскольку разведочный тест на возможное влияние данного параметра на представления респондентов о языковой ситуации азербайджанского языка показал отсутствие сколь-нибудь значимых различий при сопряжении категории пола с социолингвистическими переменными.

Во второй кластер вошли отобранные нами пять социолингвистических параметров азербайджанской языковой ситуации в Москве:

1. С Вашей точки зрения, есть ли различия между азербайджанским языком в Азербайджане и азербайджанском языком в Москве (России)? (Пример среза «Различия в языке».)

2. Насколько Вы согласны с утверждением, что азербайджанский язык – это язык, к которому испытываешь теплые чувства, это язык культурой самоидентификации? (Пример среза «Языковая идентичность».)

3. Насколько Вы согласны с утверждением, что азербайджанский язык важен для общения в семье и с друзьями? (Пример среза «Коммуникация в семье».)

4. Насколько Вы согласны с утверждением, что азербайджанский язык важен в профессиональном общении, в бизнесе и экономике? (Пример среза «Профессиональная коммуникация».)

5. Насколько Вы согласны с утверждением, что азербайджанский язык – это престижный язык публичного общения? (Пример среза «Престиж языка».)

В Анкете респондентам предлагалось оценить каждый из параметров по пятибалльной шкале («нет» – «скорее нет» – «не знаю» – «скорее да» – «да»). Ответы на эти вопросы дают представление о репрезентациях собственно лингвистического, личностного (языковая и культурная идентичность), коммуникативного и социального (престиж) аспектов языковой ситуации. На рис. 1 схематично представлены сопрягаемые кластеры.

Рис. 1. Сопрягаемые социолингвистические и социодемографические параметры

Для дальнейшего статистического анализа данных и проверки гипотезы о возможных попарных корреляциях между переменными двух кластеров была использована программа статистического анализа Jamovi. С ее помощью были получены таблицы сопряжения независимых категориальных переменных из первого и второго кластеров на основании анализа

распределения частот (χ^2 -квadrat Пирсона). Выбор χ^2 -квadrата Пирсона был обусловлен природой данных, относящихся к качественному типу, процедурой попарного сравнения переменных, а также независимым характером сравниваемых выборок.

Статистическая обработка данных производилась путем попарной корреляции одной социодемографической переменной с одним социолингвистическим параметром (например, проверка гипотезы о возможной корреляции возраста респондентов и их представлений о степени различий в азербайджанском языке в России и Азербайджане). В результате статистической обработки данных были получены таблицы сопряженности по всем исследуемым параметрам (тест χ^2 -квadrat Пирсона). При значении p меньше 0,05 принималась гипотеза о наличии связи между сопрягаемыми переменными. В таблице 2 приведены значения p при χ^2 -квadrате Пирсона по всем сопрягаемым переменным. Значимые корреляции выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2

**Уровень значимости p в сравниваемых независимых переменных
(тест χ^2 -квadrата Пирсона)**

Характеристик и респондентов	Различия в языке	Языковая идентичность	Семейная коммуникация	Профессиональная коммуникация	Престиж языка
F1 (возраст)	$p=0,047$	p 0,085	$P=0,321$	$P=0,119$	$p=0,003$
F2 (жизненные планы)	$p<0,01$	p 0,684	$P=0,145$	$P=0,046$	$p=0,012$
F3 (место проживания родителей)	$p<0,01$	$p<0,01$	$p<0,01$	$p<0,01$	$p<0,01$
F4 (место, где респонденты провели большую часть жизни)	$p=0,02$	p 0,62	$p<0,36$	$p<0,01$	$p<0,01$

В теоретическом плане исследование опирается на понимание языковой ситуации как комплекса собственно лингвистического, инструментального и символического измерений. Анализ данных социолингвистической анкеты осуществлялся через призму понятий языковых репрезентаций и с опорой на них [Moscovici, 1989, 1992; Gueunier, 1997; Houbedine, 2015; Бовина, 2010] и деклараций [Maurer, Desrousseaux, 2013]. Подробно наше понимание языковой ситуации и концептуализация теоретического конструкта языковых репрезентаций и деклараций изложены в ряде наших работ [Москвичева, Гасанов, 2021; Москвичева и др., 2023]. Там же приведен список литературы по этим вопросам.

3. Результаты исследования

Перейдем к обсуждению полученных результатов. Анализ показателей уровня значимости p в таблице 2 позволяет сделать предварительный вывод, что наиболее значимым фактором, определяющим структуру репрезентаций символического измерения языковой ситуации, является место проживания родителей респондентов. Жизненные планы и место, где респонденты провели большую часть жизни, значимо сопрягаются с тремя из пяти социолингвистических параметров, а возраст – только с двумя. Рассмотрим далее, как конкретно коррелируют социодемографические характеристики респондентов с каждым из социолингвистических параметров исследуемой ситуации.

3.1. Репрезентация «Различия в языке»: оценка респондентами различий в азербайджанском языке в России и Азербайджане в сопряжении с социодемографическими параметрами

По результатам всей выборки из 138 опрошенных респондентов почти половина (47 %) считает, что существуют различия между азербайджанским языком, который респонденты используют в России и в Азербайджане. Столько же респондентов (47 %) считают, что таковых различий нет. Структура распределения представлений о различиях становится иной, если данный параметр рассматривать в сопряжении с распределением респондентов по выбранным нами социодемографическим категориям. Данные по структуре представления о различии азербайджанского языка в России и Азербайджане в сопряжении с социодемографическими факторами приведены на рис. 2.

Различия в азербайджанском языке в РА и РФ по выборкам (в%)

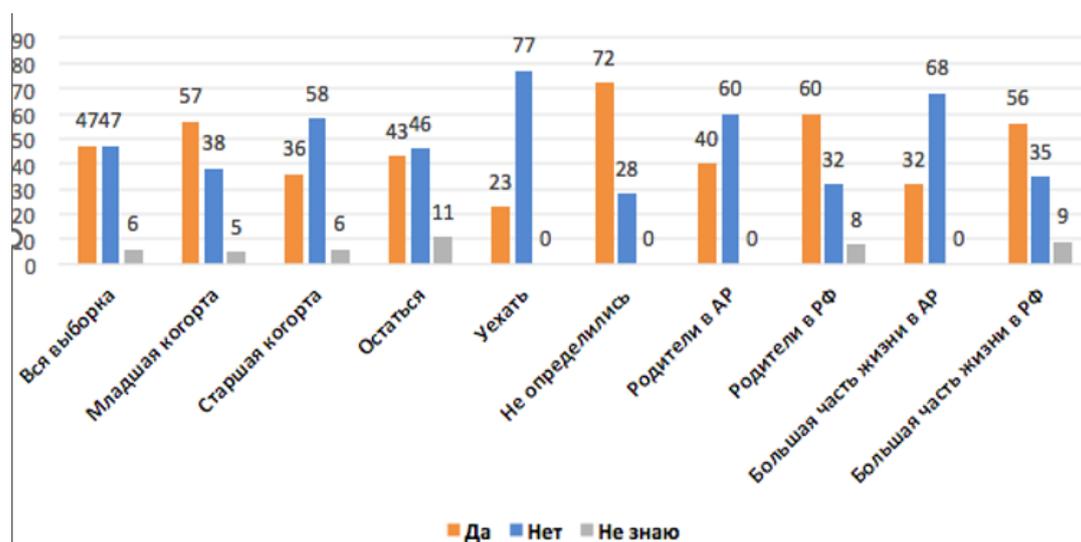

Рис. 2. Сопряжения независимых категориальных социодемографических переменных и категориальной переменной «Различия в азербайджанском языке в Азербайджанской Республике и Российской Федерации» (%)

В выборке по возрасту 58 % представителей младшей возрастной когорты считают, что различия есть, а 38 %, что различий нет. В старшей возрастной когорте ситуация зеркально противоположная: 58 % респондентов полагают, что различий нет, и 36 %, что они есть. Попутно заметим, что эти данные коррелируют с материалами интервью, в которых респонденты – представители первой когорты, молодые люди, родившиеся и выросшие в Москве, рассказывают о ситуациях языковой неуверенности (*linguistic insecurity*) [Francard, 1993], в которых они оказывались, будучи в Азербайджане.

Сопряжение параметра «Различия в языке» и фактора «Жизненные планы» также показывает значимые различия в распределении ответов ($p < 0,01$). Среди тех, кто решил остаться, мнения разделились практически пополам: 43 % считают, что различия есть, 46 % – что их нет. Эти показатели близки к показателям по всей выборке. Среди тех, кто решил вернуться в Азербайджан, значительное большинство (77 %) считают, что различий нет. Интересны данные по группе представителей московской общины, которые не определились и не знают, хотят ли они остаться в России или вернуться в Азербайджан. Здесь 72 % считают, что различия есть и только 28 %, что их нет. Полноценный анализ и интерпретация этих данных требует дополнительного исследования, но, как нам кажется, можно предположить, что здесь ключевую роль также играет языковая неуверенность.

Фактор «Место проживания родителей» оказывает значительное влияние на распределение ответов ($p < 0,01$): только 40 % тех, у кого родители проживают в Азербайджане считают, что есть различия между азербайджанским языком в России и Азербайджане. Процент тех, у кого родители живут в России, составляет 60. Схожий тип распределения представлений о различиях в языке соответствует фактору «Место, где прошла большая часть жизни». Среди тех, кто большую часть жизни прожил в Азербайджане, только 30 % считают, что различия есть, и 68 % считают, что их нет. 35 % тех, кто большую часть жизни прожил в России, высказались в пользу отсутствия различий, и 56 % полагают, что они есть.

В целом представляется, что основным общим фактором, влияющим на представления о степени различий в азербайджанском языке в России и в Азербайджане, является степень связи респондентов с территорией его исторического распространения. В конечном счете даже фактор «Возраст» не противоречит данному предположению и может быть интерпретирован в этом ключе, поскольку большинство представителей старшей когорты или родились на территории Азербайджана, или провели там большую часть жизни. Еще раз подчеркнем, что в рамках настоящей статьи мы не ставим целью провести глубокий качественный анализ причин и следствий данных корреляций и не претендуем на это. Наша задача значительно скромнее и сводится к выявлению социодемографических факторов, в наибольшей степени влияющих на

социолингвистические параметры языковой ситуации, поэтому перейдем к следующей репрезентации.

3.2. Репрезентация «Языковая идентичность»: оценка респондентами азербайджанского языка как родного, как языка культурной самоидентификации

Рассмотрим структуру ответов респондентов на вопрос анкеты «Насколько Вы согласны с утверждением, что азербайджанский язык – это язык, к которому испытываешь теплые чувства, это язык культурой самоидентификации?». Ответы на данный вопрос представляли собой шкалу от «Не согласен» (1), «Скорее не согласен» (2), «Не знаю» (3), «Скорее согласен» (4), «Согласен» (5). Важно уточнить, что при анализе материала в отсутствии значимых различий при построении графиков мы объединяли варианты 1 и 2 («не согласен») и варианты 4 и 5 («согласен»), чтобы увидеть общую картину тех, кто скорее согласен, кто колеблется и кто скорее не согласен. Если же показатель p при X -квадрате Пирсона был значимым, мы рассматривали отдельно все варианты ответов. Этот же принцип соблюдался при анализе репрезентаций, связанных с семейной и профессиональной коммуникацией, а также с социальным престижем языка.

Если вопрос о восприятии различий в языке выявляет существенные различия в представлениях респондентов в зависимости от социодемографических категорий и, таким образом, является значимым дифференцирующим признаком в структуре языковых репрезентаций респондентов, то вопрос о языке самоидентификации, наоборот, стоит рассматривать как интегрирующий. Оценка азербайджанского языка как языка самоидентификации однотипна по всем когортам и дает высокие показатели. В первом приближении никаких значимых различий ни по одному сопряжению не выявлено, графики сопряжений по данному параметру фактически идентичны, что представлено на рис. 3.

Рис. 3. Сопряжение независимых категориальных социодемографических переменных и категориальной переменной «Язык культурной самоидентификации»

Однако если уровень значимости в сопряжении с возрастом $p=0,08$ (X -квадрат Пирсона), в сопряжении с жизненными планами $p=0,684$, с местом наибольшего проживания $p=0,62$ не является значимым, то сопряжение с местом проживания родителей дает значимые показатели $p<0,01$. В последнем случае следует обратиться к более точному распределению ответов, а именно: посмотреть, сколько респондентов выбрали вариант ответа «скорее согласен» и сколько «согласен». На рис. 4 представлено такое распределение ответов.

Рис. 4. Сопряжение категориальной социодемографической переменной «Место проживания родителей» и категориальной переменной «Язык культурной самоидентификации»

На приведенном графике видно, что ответы «скорее согласен» (11 % – родители проживают в Азербайджане и 35 % – родители в России) и «согласен» (84 % – родители в Азербайджане и 50 % – родители в России) по-разному распределяются в зависимости от места проживания родителей. Таким образом, при безусловно положительном отношении к азербайджанскому языку всех респондентов и представлении о нем как о важном языке самоидентификации различия между когортами существуют, и они связаны со структурой контактов и степенью связей с исторической территорией азербайджанского языка.

3.3. Репрезентация «Семейная и профессиональная коммуникация»: оценка респондентами азербайджанского языка как важного в семейном и профессиональном общении

Структура репрезентаций, связанных с ролью азербайджанского языка в семейном общении и общении с друзьями, представленная на рис. 5, практически идентична их распределению по параметру «Язык самоидентификации, родной язык». В целом такая картина предсказуема: в миноритарной ситуации в условиях миграции основной коммуникативной ситуацией для языка становится ситуация семейного и дружеского общения. Язык продолжает выполнять коммуникативную функцию, тесно связанную с аффективной функцией и функцией идентичности.

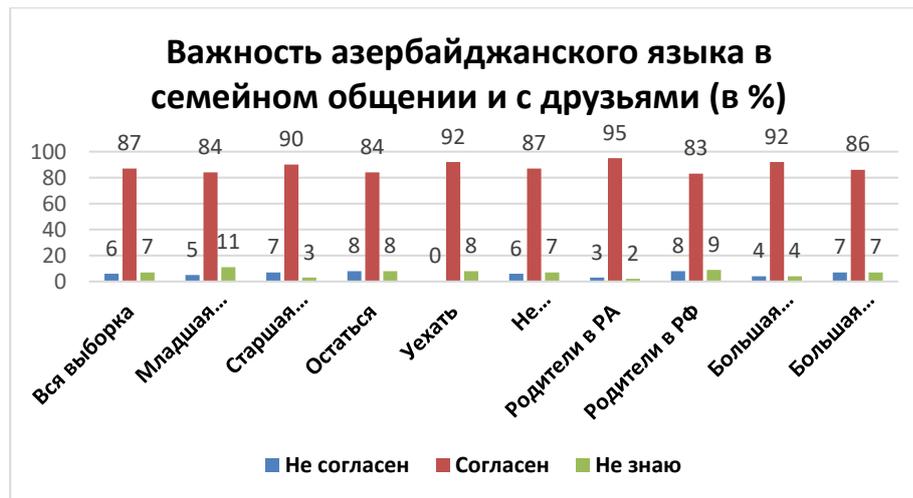

Рис. 5. Сопряжение независимых категориальных социодемографических переменных и категориальной переменной «Важность азербайджанского языка в семейном общении»

Данные графика показывают, что, как и в случае с репрезентациями азербайджанского языка как языка самоидентификации, респонденты по всем выборкам максимально высоко оценивают важность азербайджанского языка в семейном и дружеском общении. Показатель p при X -квадрате Пирсона по всем факторам, кроме места проживания родителей ($p < 0,01$), значительно выше 0,05, что говорит об отсутствии связи между данными переменными. Что касается места проживания родителей, значимость p , как и в случае с оценкой параметра азербайджанского как языка культурной самоидентификации, обусловлена разным распределением ответов по вариантам «скорее согласен» и «согласен». На рис. 6 представлено данное распределение.

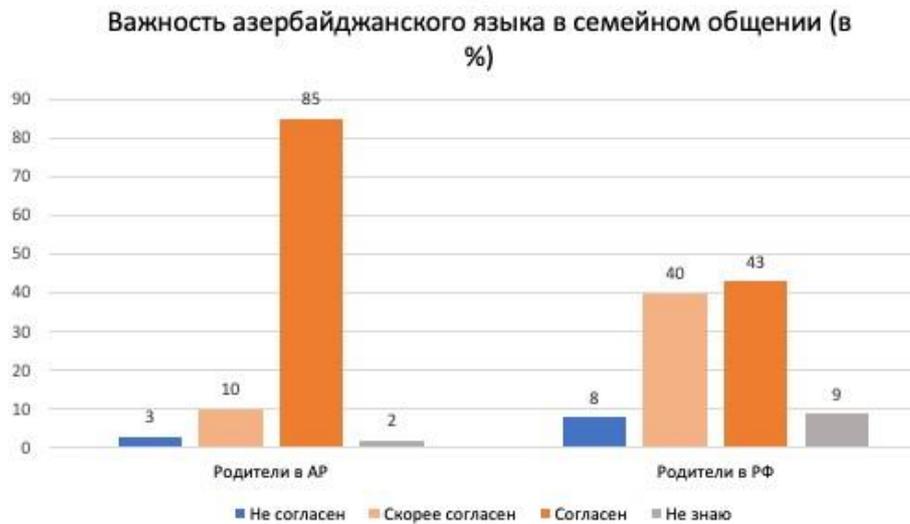

Рис. 6. Сопряжение категориальной социодемографической переменной «Место проживания родителей» и категориальной переменной «Важность азербайджанского языка в семейном и дружеском общении»

Оба графика свидетельствуют о высокой значимости азербайджанского языка для респондентов в качестве языка семейного и дружеского общения. Она безусловна, если родители проживают в Азербайджане, но, если родители проживают в России, оценка смещается в сторону ответа «скорее согласен». Как представляется, это еще одно свидетельство важности учета факторов связи с территорией исторической родины при описании ситуаций языков миграции.

Проверка гипотезы о корреляции оценки важности азербайджанского языка в профессиональном общении с избранными социодемографическими факторами показала, что связи с возрастом респондентов нет ($p=0,119$), связь с жизненными планами ($p=0,46$), местом проживания родителей ($p<0,01$) и местом наиболее длительного проживания ($p<0,01$) существует. На рис. 7 представлены результаты сопряжения данных категорий.

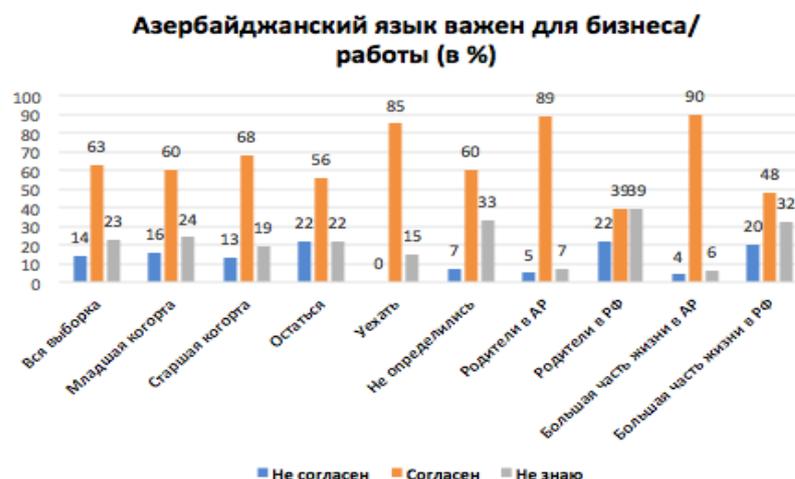

Рис. 7. Сопряжение независимых категориальных социодемографических переменных и категориальной переменной «Важность азербайджанского языка в профессиональном общении»

Представления о важности азербайджанского языка в профессиональной коммуникации, связанной с бизнесом и работой, однозначно коррелирует с фактом наличия связей с Азербайджаном. Фактически во всех выборах, за исключением одного («Родители проживают в России»), превалирует согласие респондентов с утверждением о важности азербайджанского языка в профессиональной сфере. Особенно высоко оценивают потенциал языка в сфере бизнеса и профессиональной деятельности те, кто склонен вернуться в Азербайджан (85 %), у кого родители проживают в Азербайджане (89 %) или кто там провел большую часть жизни (90 %). Такое распределение оценок говорит об устойчивом положении языка в общине, однако разброс оценок по этому параметру символического поля языковой ситуации языка выше, чем при оценке языка как фактора конструирования и сохранения идентичности. Отсутствие абсолютного консенсуса мнений респондентов позволяет рассматривать этот параметр как маркер зоны неопределенности исследуемой языковой ситуации и ее потенциальной динамики.

3.4. Репрезентация «Престиж языка»: оценка респондентами азербайджанского языка как престижного языка публичного общения

В целом структура представлений респондентов о престиже азербайджанского языка в сопряжении с выбранными социодемографическими параметрами, представленная на рис. 8, сходна со структурой распределения ответов на вопрос о важности азербайджанского языка в профессиональной деятельности и бизнесе.

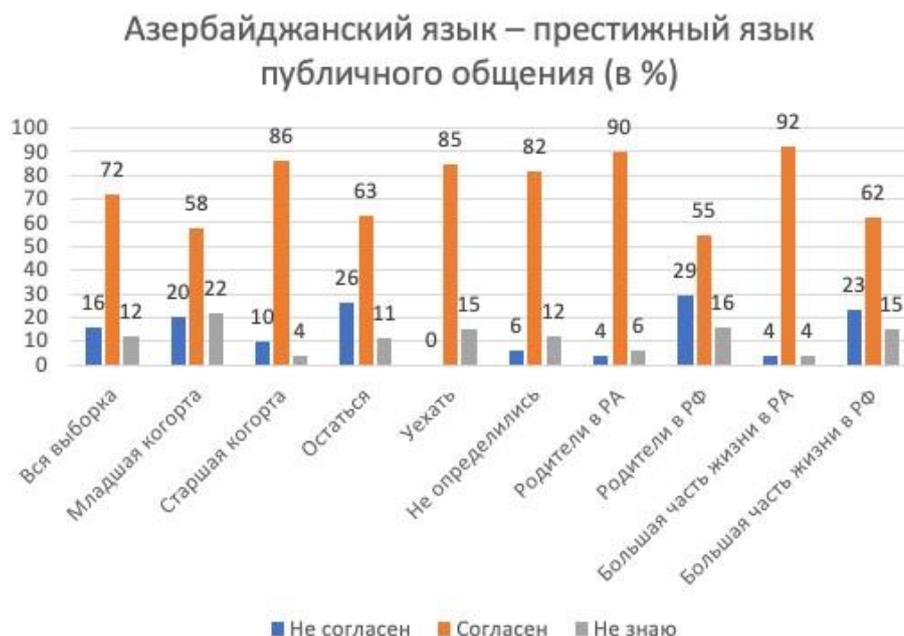

Рис. 8. Сопряжение независимых категориальных социодемографических переменных и категориальной переменной «Престиж азербайджанского языка в публичной коммуникации»

Во всех когортах престиж азербайджанского языка как языка публичной коммуникации оценивается положительно. Однако наблюдается та же закономерность, что была отмечена при анализе репрезентации языка как важного средства коммуникации в профессиональной сфере: безусловно высокая оценка в старшей возрастной когорте (86 %), в когортах тех, кто решил вернуться в Азербайджан (85 %), чьи родители проживают в Азербайджане (90 %), и, наконец, кто прожил там большую часть жизни (92 %). Иными словами, факторы, определяющие высокую оценку значимости языка в профессиональной деятельности и его социальный престиж, связаны с наличием/отсутствием связей и их типами со страной исхода.

4. Заключение

Анализ четырех параметров символического поля социолингвистической ситуации азербайджанского языка в Москве с целью выявления структуры данных репрезентаций азербайджанского языка в сопряжении с социодемографическими характеристиками представителей азербайджанской общины города Москвы позволил сделать ряд выводов относительно структуры представлений и возможных факторов динамики исследуемой языковой ситуации. Азербайджанский язык в целом высоко оценивается подавляющим большинством респондентов как язык культурной и языковой идентификации, как важное средство семейного общения, как престижный язык публичной коммуникации. Тем не менее существуют определенная зависимость и корреляции между оценкой параметров языковой ситуации и социодемографическими характеристиками респондентов. Как показало исследование, наиболее значимыми факторами, оказывающими серьезное влияние на языковую ситуацию азербайджанского языка в Москве, являются возраст респондентов, их решение остаться в России или вернуться в Азербайджан (жизненные планы), место проживания родителей и место, где они сами провели большую часть жизни. Пол респондентов безразличен к структуре представления респондентов о языковой ситуации. Среди вышеперечисленных социодемографических факторов наиболее значимым следует признать место проживания родителей, поскольку именно оно в наибольшей степени определяет степень и характер связи респондентов с исторической родиной, что в свою очередь влияет как на типы социолингвистических конфигураций, связывающих язык и территорию, так и на возможную динамику языка в ситуации миграции. Проведенный анализ позволяет также говорить об определенной близости представлений о языке как факторе формирования идентичности и как средстве семейного и дружеского общения (фактор социальной близости, создание комфортного коммуникативного и культурного пространства) – с одной стороны, и языке как средстве профессиональной коммуникации и престижном инструменте публичной коммуникации (место языка в открытом социальном пространстве анонимной коммуникации) – с

другой. Судя по полученным данным, в ситуации миграции азербайджанский язык в аффективной функции и функциях формирования идентичности и социальной близости будет оставаться ядерной и значимой. В представлениях о значимости азербайджанского языка как инструмента анонимного общения и связанных с этим параметром репрезентациях социального престижа языка наблюдается значительный разброс мнений в зависимости от социодемографических характеристик респондентов. В настоящий момент эти параметры оцениваются высоко, но ситуация представляется неопределенной, и есть высокая вероятность ее динамики в векторе снижения их значимости.

Наконец, параметр «Восприятия различий в азербайджанском языке в России и в Азербайджане», как наиболее зависимый от социодемографических характеристик респондентов, может выступать в роли дифференциального маркера языковой ситуации. И, наоборот, параметры, связанные с символической аффективной функцией языка, не дают большого разброса оценок и являются интегральными.

Литература

- Бовина И.Б.* (2010) Теория социальных представлений: История и современное развитие // Социологический журнал. № 3. С. 5–20.
- Москвичева С.А., Гасанов М.М.* (2021) Языковые практики и языковые идеологии при передаче языка в азербайджанской общине в Москве // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (33). С. 59–69.
- Москвичева С.А., Вио А., Замалетдинов Р.Р.* (2023) Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском языковом континууме // Russian Journal of Linguistics. Т. 27 (3). С. 689–715.
- Francard, M.* (Ed.). (1993) Cahiers de l'institut de linguistique de Louvain: L'insécurité linguistique dans les communautés francophones périphériques. Louvain-la-Neuve: Presse Universitaire de Louvain.
- Gueunier, N.* (1997) Représentations linguistiques // Sociolinguistique. Les concepts de base / Moreau, Marie-Louise (Éd.). Hayen: Pierre Mardaga. Pp. 231–235.
- Houbedine, A.-M.* (2015) De l'Imaginaire linguistique à l'imaginaire culturel // La linguistique. Vol. 51. Pp. 3–39.
- Maurer, B., Desrousseaux, P.-A.* (2013) Représentations sociales des langues en situation multilingue. La méthode d'analyse combinée, nouvel outil d'enquête. Paris: Édition des archives contemporaines.
- Moscovici, S.* (1989) Des représentations collectives aux représentations sociales // Les représentations sociales / Jodelet, Denise (Dir.). Paris: P.U.F. Pp. 79–104.
- Moscovici, S.* (1992). La nouvelle pensée magique. Représentation // Bulletin de psychologie. Vol. XLV (405). Pp. 137–143.
- Viaut, A.* (Dir.) (2007). Variable territoriale et promotion des langues minoritaires. Pessac: Maison des sciences de l'Homme d'Aquitaine.

References

- Bovina, I.B.* (2010) Teorija social'nyh predstavlenij: Istorija i sovremennoe razvitie [Social Representation Theory: History and Modern Development] // Sociologicheskij zhurnal. No. 3. Pp. 5–20. (In Russ.)

- Moskvitcheva, S.A., Mamadali, M.* 2021. YAzykovye praktiki i yazykovye ideologii pri peredache yazyka v azerbajdzhanskoj obshchine v Moskve [Symbolic and instrumental dimension of language preservation transmission in the Azerbaijani community in Moscow] // Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology. No. 3 (33). Pp. 59–69. (In Russ.)
- Moskvitcheva, S.A., Viaut, A., Zamaletdinov, R.R.* (2023) Rezentatsii yazyka i yazykovye attityudy v misharskom yazykovom kontinuumе [Language representations and language attitudes in the mishar dialect continuum] // Russian Journal of Linguistics. No. 27 (3). Pp. 687–714. (In Russ.)
- Francard, M.* (Ed.). (1993) Cahiers de l'institut de linguistique de Louvain: L'insécurité linguistique dans les communautés francophones périphériques. Louvain-la-Neuve: Presse Universitaire de Louvain.
- Gueunier, N.* (1997) Représentations linguistiques // Sociolinguistique. Les concepts de base / Moreau, Marie-Louise (Ed.). Hayen: Pierre Mardaga. Pp. 231–235
- Houbedine, A.-M.* (2015) De l'Imaginaire linguistique à l'imaginaire culturel // La linguistique. Vol. 51. Pp. 3–39.
- Maurer, B., Desrousseaux, P.-A.* (2013) Représentations sociales des langues en situation multilingue. La méthode d'analyse combinée, nouvel outil d'enquête. Paris: Édition des archives contemporaines.
- Moscovici, S.* (1989) Des représentations collectives aux représentations sociales // Les représentations sociales / Jodelet, Denise (Dir.). Paris: P.U.F. Pp. 79–104.
- Moscovici, S.* (1992). La nouvelle pensée magique. Représentation / Bulletin de psychologie. Vol. XLV (405). Pp. 137–143.
- Viaut, A.* (Dir.) (2007). Variable territorial et promotion des langues minoritaires. Pessac: Maison des sciences de l'Homme d'Aquitaine.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта №056123-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

The reported study has been supported by the RUDN University Project Grant System, project No 056123-0-000.

Москвичева Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

<https://orcid.org/0000-0002-8047-7030>

Адрес: 117198 Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая д. 10/2 "а"

Эл. адрес: moskvitcheva@mail.ru

Гасанов Маммадали Магсад оглы – аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

<https://orcid.org/0000-0002-8417-8599>

Адрес: 117198 Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая д. 10/2 "а"

Эл. Адрес: mamedali.hasan.96@gmail.com

Moskvitcheva Svetlana Alekseevna – kandidat of Philology, associate Professor of the of General and Russian Linguistics Department of the Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN-University).

<https://orcid.org/0000-0002-8047-7030>

Address: Miklukho-Maklaja ul. 10/2 "A", 117198 Moscow, Russian Federation

E-mail: moskvitcheva@mail.ru

Gasanov Mammadali Magsad ogly – PhD student of Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN-University).
<https://orcid.org/0000-0002-8417-8599>

Address: Miklukho-Maklaja ul. 10/2 "A", 117198 Moscow, Russian Federation

E-mail: mamedali.hasan.96@gmail.com

Для цитирования: *Москвичева С.А., Гасанов М.М.* Азербайджанский язык в московской общине азербайджанцев: символические параметры языковой ситуации в сопряжении с социо-демографическими факторами // Социолингвистика 2024. No 1 (17). С. 44–60. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-44-60

For citation: *Moskvitcheva, S. A., Gasanov, M.M.* The Azerbaijani language in the moscow community of Azerbaijanis: symbolic parameters of the linguistic situation in conjunction with socio-demographic factors // Sociolinguvistika. 2024. No 1 (17). С.44–60. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-44-60

The article was submitted 25.12.2023;
approved after reviewing 15.01.2024;
accepted for publication 18.02.2024.

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

DYNAMICS OF LANGUAGE PROCESSES

УДК 81'272

DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-61-72

СТРУКТУРА ИДИОМОВ СЕТО В СВЕТЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Татьяна Б. Агранат Институт языкознания Российской академии наук, МГЛУ,
Российская Федерация**Владислав А. Орлов** Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье дается краткий обзор истории переселения части этнических сето на рубеже XIX–XX вв. из мест их исконного проживания в Сибирь по столыпинской аграрной реформе. Представлены сведения о печорских и красноярских сето, полученные авторами в ходе социолингвистического обследования. Кроме проведения социолингвистических исследований, авторами в экспедициях 2019–2021 гг. собирался и собственно языковой материал как в местах исконного проживания, в Печорском районе Псковской области, так и в сибирской диаспоре. В статье в контексте социолингвистики прослеживается изменение способов выражения грамматических значений кондиционалис в диаспоре и в местах исконного расселения. Несмотря на то, что до самого последнего времени идиом сето оставался бесписьменным, в 1926 г. на него было переведено Евангелие. Это важный памятник, отражающий синхронный срез языка начала XX в., который позволяет проследить пути развития идиомов при полном отсутствии контактов. Поскольку не было письменности и, соответственно, не было единого нормированного языка, в Сибири и в Псковской области языковые изменения происходили независимо друг от друга.

Ключевые слова: сето, диаспора, переселение, языковые изменения, кондиционалис, Сибирь, Псковская область

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Т.Б. Агранат, В.А. Орлов, 2024

THE STRUCTURE OF SETO IDIOMS IN THE LIGHT OF SOCIOLINGUISTIC DATA

Tatiana B. Agranat

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, MSLU, Russian Federation

Vladislav A. Orlov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article gives a brief overview of the history of the resettlement of part of the Seto people at the turn of the 19th – 20th centuries from the places of ancestral residence to Siberia according to the Stolypin agrarian reform. The information about the Pechory and Krasnoyarsk Setos obtained by the authors during the sociolinguistic survey is also briefly presented. In addition to conducting sociolinguistic research, the authors collected the actual language material both in the places of

original residence, Pechory district of the Pskov region and in the diaspora in the expeditions of 2019–2021. In the context of sociolinguistics, the article traces the change in the ways of expressing grammatical meanings of conditionalis in the diaspora and in the places of native settlement. Despite the fact that until very recently the Seto idiom remained unwritten, the Gospel was translated into it in 1926. This is an important language monument, reflecting the synchronous section of the language of the early 20th century, allowing us to trace the development of idioms in the complete absence of contacts. Since there was no written language and, accordingly, there was no unified standardized language, in Siberia and in the Pskov region, language changes occurred independently from each other.

Keywords: *Seto, diaspora, resettlement, language changes, conditionalis, Siberia, Pskov region*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© *Tatiana B. Agranat, Vladislav A. Orlov, 2024*

1. Введение

Сето – небольшая этническая группа, носители прибалтийско-финского идиома, близкородственного эстонскому языку. Еще недавно идиом сето считался диалектом эстонского языка, и даже в настоящее время эстонский корпус диалектов включает в себя «диалект сето» [Eesti murrete korpus]. В отличие от большинства эстонцев сето исповедуют православие. Первоначальными местами расселения сето были современный Печорский район Псковской области и юго-восточная часть Эстонии. Исконная территория проживания народа сето, Сетомаа (букв. *земля сето*), была частью Российской империи. После распада Российской империи 24 февраля 1918 г. была провозглашена Эстонская Республика, в состав которой целиком вошла Сетомаа. В 1940 г. Эстония была присоединена к Советскому Союзу, и Сетомаа стала частью Эстонской ССР. В 1944 г. произошла демаркация границы между РСФСР и ЭССР, г. Печоры и населенные пункты вокруг него вошли в Псковский район РФ, существенно увеличив площадь последнего. Так народ сето стал проживать в двух республиках. После распада СССР сето оказались по разные стороны государственной границы. (О языке, культуре и традициях печорских сето в настоящее время см.: [Агранат, 2019]; о сето в Эстонии см.: [Chalvin, 2015].)

По данным переписи 2021 г., в России проживают 242 сето, из них 142 – в Псковской области, 63 – в Красноярском крае, остальные расселены по другим регионам РФ. Полностью принимать на веру эти данные не стоит, поскольку некоторые сето называют себя эстонцами, а так как эстонцы тоже проживают и в России, определить реальное количество сето, проживающих в России невозможно, по крайней мере, полагаясь на материалы переписи населения. В ходе наших экспедиций 2019–2021 гг. было выявлено значительно больше этнических сето, чем фиксирует перепись, как в Печорском районе Псковской области, так и в Красноярском крае.

В Красноярский край сето переселялись с 1890-х годов до 1914 г., сначала стихийно, а с 1906 г. – по аграрной реформе П.А. Столыпина, образовав диаспору. Миграция закончилась в связи с началом Первой мировой войны, поскольку много молодых людей сето было призвано в армию. В Государственном архиве Красноярского края нам удалось обнаружить довольно много интересных документов по переселению крестьян из европейской части Российской империи в Сибирь: переселенческие листы, копии паспортов переселенцев, протоколы заседаний комиссий по образованию переселенческих участков и др. Ниже приведем факты, основанные на анализе этих документов. Причиной массового переселения в Сибирь послужило то, что в западной части России плотность населения была большой, размеры земельных наделов далеко не всем позволяли прокормить семью, кроме того, на северо-западе почвы не очень плодородны. В Сибири переселенцам выделяли значительно больше земли и на длительное время освобождали от налогов. Переселенческие участки вырубались в тайге. Существовала специальная комиссия по переселенческим участкам; она учитывала совокупность факторов: размер земельного надела, плодородность почвы. Если этих факторов оказывалось недостаточно для нормального уровня жизни, в расчет могли принимать в качестве компенсации наличие реки с большим количеством рыбы. После того как переселенческий участок был полностью заселен тем количеством семей, для которого он был выделен, ему присваивался статус деревни, и жители становились собственниками наделов. Среди переселенцев были, разумеется, не только сето; важно, что участки заселялись по этническому признаку, что способствовало сохранению языков.

Сколько всего сето переселилось в Сибирь, точно неизвестно. В [Nigol, 1918] речь идет о 5000–6000 человек, в [Riho, 1995] говорится о том, что за все годы переселилось больше 8000 человек. По данным [Buck, 1909], только в 1906 г. в трех муниципалитетах Сетомаа было выдано в общей сложности 3569 паспортов. Дело в том, что сето, как и многие другие крестьяне Российской империи, не имели ни паспортов, ни фамилий. Паспорта были нужны как проездной документ, фамилии, которые надо было вписать в паспорта, сето получали русские, поскольку были православными. Те сето, которые остались на исконной территории, потом оказались в Эстонской республике и получили эстонские фамилии.

Сето были расселены в Енисейской губернии, как тогда назывался Красноярский край, восточнее Красноярска, в районе северо-восточных Саян. Всего было основано около 10 относительно крупных деревень и примерно столько же небольших, помимо этого, было много хуторов. В эпоху коллективизации некоторые деревни были объединены друг с другом, некоторые – ликвидированы, а на их месте были распаханы колхозные поля, в то же время были уничтожены хутора и заимки. На берегу реки Кан не сохранилось ни одной переселенческой

деревни: в 1960-е годы там был построен закрытый город Красноярск-45 (подробное описание истории деревень красноярских сето: даты основания, иногда – имена самых первых поселенцев, число жителей в разные годы, слияние с другими населенными пунктами, исчезновение и т. п. см.: [Piho, 1995: 205]).

По словам наших информантов, были поселения сето южнее – в Агинском районе Красноярского края, об этом имеются и другие свидетельства (см.: [Агранат и др., 2020]).

Расселение по этническому признаку и, соответственно, высокий уровень сохранности этнических языков при слабом владении русским языком оставались вплоть до начала коллективизации. Нередко название деревне давали первые переселенцы по тому населенному пункту, из которого они приехали, сохранились топонимы: Эстония, Новая Печера, Нарва и др. Деревня Хайдак, в которой, наряду с Новой Печерой, лучше всего в настоящее время сохраняется язык сето, изначально называлась Хайдакюля (сето «деревня Хайда»), затем внутренняя форма потерялась, название редуцировалось.

В настоящее время пятое и шестое поколения диаспоры сето компактно проживают в двух деревнях в Партизанском районе (Хайдак и Булатновка) и в одной деревне в Рыбинском районе (Новая Печера). В последней переписи населения 26 человек в Красноярском крае указали сето родным языком, 19 сказали, что владеют им (об особенностях передачи языка у сибирских сето см.: [Агранат, 2021]; о сохранности и некоторых причинах утраты языка сето в диаспоре Красноярского края см.: [Агранат, 2020]).

До самого последнего времени идиом сето оставался практически бесписьменным, хотя в 1926 г. на него было переведено Евангелие. Это важный памятник, отражающий синхронный срез языка начала XX века. Как источник лингвистической информации, данный текст имеет целый ряд недостатков, поскольку, во-первых, это переводной источник, т.е. возможна интерференция исходного языка, во-вторых, свой отпечаток накладывает сама специфика текста, поскольку язык Евангелия имеет целый ряд особенностей по сравнению с «живым» языком. Тем не менее, в условиях практически полного отсутствия письменных нарративов на сето именно этот текст может послужить источником информации о синхронном срезе языка в период, близкий ко времени переселения сето в Сибирь. Количество примеров на различные модальные показатели, обнаруженных в тексте Евангелия, – 182 единицы. Модальная система в Евангелии в целом достаточно типична для прибалтийско-финских языков, и для сето – в частности. Вместе с тем для нее характерен ряд особенностей, которые отличают ее от современного языка.

В настоящей статье мы проследим в контексте социолингвистики изменение способов выражения некоторых грамматических значений с момента выхода перевода Евангелия до наших дней в диаспоре и в местах исконного расселения. Поскольку не было письменности и,

соответственно, не было единого нормированного языка, в Сибири и в Псковской области при полном отсутствии контактов языковые изменения происходили независимо друг от друга. Речь пойдет о способах выражения кондиционалиса. Материал был собран авторами в экспедициях 2019–2020 гг. в Печорском районе Псковской области и в деревнях Хайдак, Булатновка и Новая Печера в Красноярском крае. Методами сбора материала были как записи спонтанных текстов, так и элицитация, в том числе информантам предлагалась анкета, опубликованная в [Кегауов, 2017: Appendix I]. (В [Кегауов, 2017] материал по печорскому идиому сето ограничен вымершим ныне говором села Изборск; наши данные получены в других населенных пунктах.). Итоговый корпус составил по 410 единиц по каждому из двух сравниваемых идиомов. Современные тексты, записанные от носителей сето в Эстонии, к анализу не привлекались.

Кондиционалисом называется одно из глагольных наклонений, которое используется для выражения ирреальности (подробнее об этом понятии см.: [Плунгян и др., 2004]). Кондиционалис в прибалтийско-финских языках, к которым относится сето, встречается в широком круге контекстов и, помимо употребления в собственно условных конструкциях, может употребляться и независимо, выражая семантику опатива или используясь для смягчения иллокутивной силы высказывания (более подробное обсуждение на материале эстонского языка см.: [Metslang and Sepper, 2010], а также недавнюю работу [Holvoet et al., 2022], где подробно рассматривается употребление кондиционалиса в финском и эстонском языках в придаточных клаузах при различных типах матричных предикатов).

2. Способы выражения кондиционалиса в Евангелии

В идиоме существует отдельный показатель кондиционалиса *-si*, варианты которого встречаются во всех прибалтийско-финских языках [Лаанест, 1993: 34]. Дистрибуция этого показателя ограничена ирреальными контекстами. Так, он встречается в условных предложениях (1), целевых конструкциях (2) и опативных контекстах (3).

(1)

Se-st	ku	ma	lää-si-i	sis	tulõ-si-i	
этот-EL	когда	я	идти-COND-NEG	тогда	приходить-COND-NEG	
Trööstija	ti	mano				
утешитель	вы	к				
a	ku	ma	lää	sis	lähä-dä-Ø	ma
а	когда	я	приходить.PRS-1SG	тогда	идти-CAUS-1SG	я
timä	ti	mano				
он.GEN	вы	к				

‘Ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам’ (Ин 16:7).

(2)

Se-dä	olō	ma	tei-l	kōnōl-nu
этот-PART	быть.PRS-1SG	я	вы-ALL	говорить-PTCP.PST
et	ti	hindä-st	taganō-si-i'	
что	вы	REFL-PART	отступить-COND-NEG	

‘Сие сказал Я вам, чтобы вы не соблазнились’ (Ин 16:1).

(3)

Hüä	olō-si'	sändse-le	inemisō-lō	ku	tä
хорошо	быть-COND	такой-ALL	человек-ALL	когда	он

sündü-nü-s

рождаться-PTCP.PST-NEG.PST

‘Лучше было бы тому человеку не родиться’ (Мк 14:21)

Из примера (3) также видно, что контрафактическое условие может выражаться показателем причастия прошедшего времени. Однако основным способом выражения этого значения является аналитическая форма *olō-si' V-nu'* – ‘быть-cond V-PTCP.PST’. Как показано в примерах ниже, данная форма может использоваться в аподозисе и протазисе контрафактической условной конструкции (4), но также и в целевых конструкциях для выражения результирующей семантики (5). Таким образом, формы на *-si* и *olō-si' V-nu'* распределяются семантически.

(4)

Issänd	olō-si'	sa	sii-h	ol-nu
господь	быть-COND	ты	здесь-INE	быть-PTCP.PST
mu	veli	olō-si-i'	är	kool-nu'
я.GEN	брат	быть-COND-NEG	прочь	умирать-PTCP.PST

‘Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой’ (Ин 11:32).

(5)

kas	śoo	vōi-s	tetä'	et	kah	śoo	olōsi-i'
INTER	этот	мочь-NEG.PST	делать-INF	что	тоже	этот	быть-COND-NEG
							kool-nu
							умирать-PTCP.PST

‘не мог ли Сей {, отверзший очи слепому,} сделать, чтобы и этот не умер?’ (Ин 11:37).

3. Выражение кондиционалиса в идиоме сибирских сето

В идиоме сибирских сето нет специализированной формы кондиционалиса. Соответствующее значение выражается с помощью причастия прошедшего времени на *-nu*[?]. Дистрибуция этой формы совпадает с контекстами кондиционалиса в Евангелии. В частности, она употребляется в нереальном (6) и контрафактическом условных предложениях (7), а также в оптативных контекстах (8).

(6)

Ku	humõn'	ol-nu [?]	vihm	sis	tä	vala-nu [?]	ar
когда	завтра	быть-PTCP.PST	дождь	то	он(а)	лить-PTCP.PST	прочь
ajo							
огород.GEN							

‘Если бы завтра был дождь, он бы полил нам огород’.

(7)

ku	ti	elä	korja-nu [?]	marja	kiit-nü [?]
когда	вы	вчера	собирать-PTCP.PST	ягода-PART	варить-PTCP.PST
mari-budro					
ягода-каша.GEN					

‘Если б вчера собрали ягод, то сварили бы кашу из ягод’.

(8)

Vot	kes	mu-llõ	av'ta-nu
вот	кто	я-ALL	помогать-PTCP.PST

‘Вот бы кто мне помог!’

Отметим также, что в этих контекстах может употребляться и заимствованная из русского языка частица ‘бы’ употребляемая плеонастически вместе с причастием на *-nu*[?].

(9)

ku	sa [?]	elä	mu-llõ	av'ta-nu [?]	ma [?]	by	täämbä
когда	ты	вчера	я-ALL	помогать-PTCP.PST	я	бы	сегодня
su-llõ	av'ta-nu [?]						
ты-ALL	помогать-PTCP.PST						

‘Если бы ты помог мне вчера, я бы помог тебе сегодня’

4. Способы выражения кондиционалиса в идиоме печорских сето

В идиоме печорских сето для выражения кондиционалиса формы на *-nu[?]* используются наравне с исходными формами на *-si[?]*.

(10)

ku	tä	parhilla	tulõ-si [?] /	tulnu [?]
если	он(а)	сейчас	приходить-COND	приходить-PTCP.PST
ma [?]	anna-si [?]	tä-lle	čaju	
я	давать-COND	он(а)-ALL	чай	

‘Если она сейчас придёт, я налью ей чаю’.

(11)

ma [?]	käü	näide	polle õt	nä [?]	minno	
я	ходить.PRS.1SG	они.GEN	к	что	они	я.PART
av [?] ta-si [?] /		av [?] ta-nu [?]				
помогать-COND		помогать-PTCP.PST				

‘Я пойду к ним, чтобы они мне помогли’.

(12)

ku	õs	olõ-si [?]	/	ol-nu [?]	vihm-a
когда	NEG.PST	быть-COND		быть-PTCP.PST	дождь-PART

‘Вот бы не было дождя!’

Как отмечается в [Iva, 2007: 95-96] форма кондиционалиса на *nu[?]* является характерной чертой западного выру, которая распространяется также в восточным выру и сето. Наши информанты – носители идиома печорских сето – использовали обе формы в свободной дистрибуции.

Нам удалось обнаружить только один контекст, где эти формы демонстрируют различное поведение. Речь идет об условном предложении с контрафактическим протазисом. В этом случае возможна только форма на *-nu[?]*, но не на *-si[?]*.

(13)

ku	sa [?]	mullõ	elä	av [?] ta-nu [?]	/	*av [?] ta-si
когда	ты	я-ALL	вчера	помогать-PTCP.PST	помогать-COND	
sis	mi [?]	ten-nü [?] /		(*tee-si [?])	kõik	rutupa-he
тогда	мы	делать-PTCP.PST	делать-COND	всё	быстрый-СМР	

‘Если б ты мне вчера помогал, то мы бы (вместе) сделали всё быстрее’. (комментарий консультанта: “Вчера помог бы, и вчера бы все сделали”)

Заметим также, что аналитическая форма *olõsi[?] V-nu[?]*, встречающаяся в Евангелии (4–5), практически не используется в идиоме современных печорских сето. В наших материалах встретился только один пример с этой формой, полученный от носительницы, живущей большую часть времени в Эстонии, что, возможно, влияет на ее идиолект.

(14)

ku	sa [?]	olõ-si [?]	tul-nu [?]	elä
если	ты	быть-COND	приходить-PTCP.PST	вчера
ma [?]	olõ-si [?]	su-llõ	an-nu [?]	ubin-i-t
я	быть-COND	ты-ALL	давать-PTCP	яблоко-PL-PART

‘Если бы ты вчера пришла, я бы дала тебе яблок’.

Таким образом, можно предположить, что в идиоме печорских сето происходит изменение в системе выражения кондиционалиса и исконная форма на *-si[?]*, конкурирует с формой причастия прошедшего времени на *-nu[?]*. Примеры, показывающие запрет на употребление формы на *-si[?]* в контрафактическом условии (13) и опциональность выражения вспомогательного глагола (14) в этом контексте, могут говорить о том, что способ выражения кондиционалиса причастием на *-nu[?]* возник от аналитической конструкции (*olõsi[?]*) *V-nu[?]*, которая утратила первый компонент и расширила свое значение на все контексты кондиционалиса. Если это так, то естественно предположить, что картина, наблюдаемая в идиоме сибирских сето, – итог этого процесса, когда исконная форма кондиционалиса была полностью вытеснена формой причастия прошедшего времени.

5. Заключение

Для обоих современных идиомов характерна новая стратегия выражения кондиционалиса через причастие прошедшего времени на *-nu[?]*, которая занимает маргинальное положение в более раннем варианте языка. Примечательно, однако, что степень распространенности этой формы значительно различается у печорских сето, где она сосуществует с исконной формой кондиционалиса на *-si[?]*, и у сибирских сето, где эта форма полностью вытеснила форму на *-si[?]*. Таким образом, на примере этих идиомов можно наблюдать различную динамику, с которой происходят языковые изменения в диаспоре и в местах исконного проживания. Кроме того, необходимо отметить, что, поскольку сето селились разрозненно, на хуторах, в местах исконного проживания всегда наблюдалась высокая вариативность языка, которая сохраняется до сих пор. Большая вариативность и в идиоме сибирских сето, несмотря на компактное проживание. Многие языковые черты сохраняются во внутрисемейном узусе, наследуясь от первого

поколения диаспоры, среди которого преобладали носители нового способа выражения кондиционалиса, по крайней мере такая вероятность велика.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3-е лицо	INTER – вопросительная частица
ALL – аллатив	NEG – отрицание
CAUS – каузатив	PART – партитив
CMР – компаратив	PL – множественное число
COND – кондиционали	PRS – настоящее время
EL – элатив	PST – прошедшее время
GEN – генитив	PTCP – причастие
INE – инессив	REFL – возвратное местоимение

Литература

- Агранат Т.Б.* (2019) Язык, культура и традиции печорских сето // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. № 4 (820). С. 219–226.
- Агранат Т.Б.* (2020) Сето в Сибири // Мат. Всероссийской науч. конф. с междунар. участием «Бубриховские чтения: Задокументированное народное слово» ПетрГУ. Петрозаводск. С. 38–41.
- Агранат Т.Б.* (2021) Особенности (не)передачи языка у сибирских сето // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3. С.9–18. DOI: 10.23951/2307-6119-2021-3-9-18
- Агранат Т.Б., Гусев В.Ю., Орлов В.А.* (2020) В эфире сето и камасинцы: (Документальные свидетельства сето-камасинских контактов) // Родной язык. Лингвистический журнал. № 2. С. 202–229. DOI 10.37892/2313-5816-2020-2-209-229
- Лаанест А.Х.* (1993) Прибалтийско-финские языки // Языки мира: Уральские языки / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Наука. С. 32–36
- Плунгян В.А., Урманчиева А.Ю., Ландер Ю.А.* (ред.) (2004) Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис. (Исследования по теории грамматики. 3).
- Buck, V.* *Petseri eestlased.* Tartu, 1909.
- Chalvin, A.* (2015) *Les Setos d’Estonie.* Armeline, Crozon.
Eesti murrete korpus. Available at: <https://www.murre.ut.ee/>. Дата обращения 05.12.2023.
- Holvoet, A. et al.* (2022) ‘Irrealis in Baltic and Baltic Fennic’ // *Baltic Linguistics.* 12. Pp. 340–411.
- Iva, S.* (2007) *Võru kirjakeele sõnamuutmissüsteem.* *Dissertationes philologiae estonicae universitatis tartuensis.* Tartu.
- Kehayov, P.* (2017) The fate of mood and modality in language death: Evidence from minor Finnic. (Trends in Linguistics. 307). Berlin; Boston: De Gruyter.
- Metslang, H., Sepper, M.-M.* (2010) ‘Mood in Estonian’ // *Mood in the Languages of Europe.* John Benjamins Publishing Company (Studies in language companion series. 120). Pp. 528–550.
- Nigol, A.* (1918) *Eesti asundused ja asupaidag Wenemaal.* Tartu.
- Piho, M.* (1995) *Siperian setukaiset* // *Koltat, karjalaiset ja setukaiset* / T. Saarinen ja S. Suhonen toim. Kuopio: Snellman-Instituutti. Pp. 200–219.

Источники

Mi' Issändä Jeesusõ Kristusõ pühä Evangeelium Matvei, Marki, Luka ni Joanni kirotõt. Seto kirävara. Seto Instituut. Värska. 2013 [1926].

References

- Agranat, T.B.* (2019) Yazyk, kul'tura i traditsii pechorskikh seto [Language, culture and traditions of the Pechory Seto] // Vestnik MGLU. Gumanitarnyye nauki. No. 4 (820). Pp. 219–226. (In Russ.)
- Agranat, T.B.* (2020) Seto v Sibiri [Seto in Siberia] // Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem "Bubrikhovskiy chteniya: Zadokumentirovannoye narodnoye slovo". PetrGU. Petrozavodsk. Pp. 38–41. (In Russ.)
- Agranat, T.B.* (2021) Osobennosti (ne)peredachi yazyka u sibirskikh seto [Features of (non)transmission of language among the Siberian Seto] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. No. 3. Pp.9–8. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2021-3-9-18
- Agranat, T.B., Gusev, V.Yu., Orlov, V.A.* (2020) V efire seto i kamasinty: (Dokumental'nyye svidetel'stva seto-kamasinskikh kontaktov) [Texts about drinking ether as documentation of Seto-Kamassian contact] // Rodnoy yazyk. Linguistic Journal. No. 2. Pp. 202–229. (In Russ.) DOI 10.37892/2313-5816-2020-2-209-229
- Laanest, A.H.* (1993) Pribaltiysko-finskiye yazyki [Baltic-Finnish languages] // Languages of the world: Uralic languages / Ed. by V.N. Yartseva. M.: Nauka. Pp. 32–36. (In Russ.)
- Plungyan, V.A., Urmanchieva, A.Yu., Lander, Yu.A. (Eds.)* (2004) Irrealis i irreal'nost' [Irrealis and unreality]. M.: Gnosis. (Issledovaniya po teorii grammatiki, 3). (In Russ.)
- Buck, V.* Petseri eestlased. Tartu, 1909.
- Chalvin, A.* (2015) Les Setos d'Estonie. Armeline, Crozon..
Eesti murrete korpus. Available at: <https://www.murre.ut.ee/>. Access date: 05.12.2023.
- Holvoet, A. et al.* (2022) 'Irrealis in Baltic and Baltic Fennic' // Baltic Linguistics. 12. Pp. 340–411.
- Iva, S.* (2007) Võru kirjakeele sõnamuutmissüsteem. Dissertationes philologiae estonicae universitatis tartuensis. Tartu.
- Metslang, H. Sepper, M.-M.* (2010) 'Mood in Estonian', in Mood in the Languages of Europe. John Benjamins Publishing Company (Studies in language companion series. 120). Pp. 528–550.
- Nigol, A.* Eesti asundused ja asupaidag Wenemaal. Tartu, 1918.
- Piho, M.* Siperian setukaiset // Koltat, karjalaiset ja setukaiset / T. Saarinen ja S. Suhonen toim.. Kuopio: Snellman-Instituutti, 1995. Pp. 200–219.

Sources

Mi' Issändä Jeesusõ Kristusõ pühä Evangeelium Matvei, Marki, Luka ni Joanni kirotõt. Seto kirävara. Seto Instituut. Värska. 2013 [1926].

Агранат Татьяна Борисовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН.

<https://orcid.org/0000-0001-7907-5299>

Адрес: 125009 Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: tagranat@yandex.ru

Орлов Владислав Андреевич – младший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН.

<https://orcid.org/0009-0008-6180-7154>

Адрес: 125009 Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: vladakanoi@mail.ru

Agranat Tatiana Borisovna – Doctor of Philology, Senior researcher of the department of Uralic and Altaic languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

<https://orcid.org/0000-0001-7907-5299>

Address: 125009 Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.

Email: tagranat@yandex.ru

Orlov Vladislav Andreevich – research assistant of the department of Uralic and Altaic languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

<https://orcid.org/0009-0008-6180-7154>

Address: 125009 Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.

Email: vladakanoi@mail.ru

Для цитирования: *Агранат Т.Б., Орлов В.А.* Структура идиомов сето в свете социолингвистических данных // Социолингвистика. 2024. № 1 (17). С. 61–72. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-61-72

For citation: *Agranat T.B., Orlov V.A.* The structure of Seto idioms in the light of sociolinguistic data // Sociolingvistika. 2024. No 1 (17). С. 61–72. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-61-72

The article was submitted 12.12.2023;
approved after reviewing 15.01.2024;
accepted for publication 10.02.2024.

УДК 816.163

DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-73-90

ОСОБЕННОСТИ КОДОВОГО ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЕНГЕРСКОЙ ДИАСПОРЫ В СЕРБИИ, ХОРВАТИИ И СЛОВЕНИИ

Глеб П. Пилипенко

Институт славяноведения РАН, Российская Федерация

В статье обсуждаются случаи переключения кода в речи венгерской диаспоры, проживающей в венгерско-южнославянских контактных регионах Сербии, Хорватии и Словении. Впервые рассмотрено одновременное переключение на три языка, в том числе на диалекты славянских языков. Анализируются структурные особенности перехода: внутри одного предложения и на границах между предложениями, также отмечаются случаи маркирования переключения с использованием метаязыковых комментариев, дублирования высказываний и цитированием фрагментов собственной речи или речи других собеседников. Количественные подсчеты, сделанные на основе полных расшифровок интервью, демонстрируют, что в речи представителей разных поколений процент невенгерских словоформ в ситуации переключения кода будет различаться – у представителей младшего поколения таких случаев фиксируется больше. Кроме того, на переключение кода влияет и тематика самой беседы. При этом у информантов не наблюдается языковой сдвиг, высказывания на венгерском и южнославянских языках четко разграничены. Перспективы исследования связаны с дальнейшим количественным анализом расшифрованных интервью, а также с выработкой специальных вопросников, которые помогут в полевых условиях выявлять различные типы переключения кода у носителей венгерского языка, проживающих за пределами Венгрии.

Ключевые слова: венгерский язык, сербский язык, словенский язык, хорватский язык, переключение кода, языковые контакты, диаспора

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Г.П. Пилипенко, 2024

FEATURES OF CODE SWITCHING AMONG REPRESENTATIVES OF HUNGARIAN DIASPORA LIVING IN SERBIA, CROATIA, SLOVENIA

Gleb P. Pilipenko

Institute of Slavic Studies, Russian Federation

The paper discusses cases of code switching in the speech of Hungarian diaspora living in the Hungarian-South Slavic contact regions of Serbia, Croatia and Slovenia. Simultaneous use and intra-language switching of the three languages, including to the dialects of Slavic languages, is discussed for the first time. The structural features of the code switching are analyzed: CS within one sentence and at the boundaries between sentences, cases of marking CS using metalanguage comments, reiteration of statements and quoting fragments of one's own speech or the speech of other interlocutors are also noted. Quantitative analysis was made on the basis of transcripts which demonstrate that in the speech of representatives of different generations, the percentage of non-Hungarian word forms vary: representatives of the younger generation have more such forms. Furthermore, the topic of the conversation also affects this. At the same time, the informants do not undergo a language shift, utterances in Hungarian and South Slavic languages are clearly differentiated. The prospects of the

study are related to further quantitative analysis of transcribed interviews, as well as to the creation of special questionnaires that will help during the field researches to identify various types of code switching among Hungarian speakers living outside Hungary.

Keywords: *Hungarian language, Serbian language, Slovenian language, Croatian language, code switching, language contacts, diaspora*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© ***Gleb P. Pilipenko, 2024***

1. Введение

В статье рассматриваются случаи переключения кода (далее – ПК) в устной спонтанной речи венгерской диаспоры¹², представители которой проживают среди южнославянских народов за пределами Венгрии: сербов (Воеводина, Сербия), словенцев (Прекмурье, Словения) и хорватов (Славония, Хорватия). Целью статьи является выявление смены кода в нарративах венгерской общины указанных регионов, установление закономерности его появления, частотности, границ перехода с одного языка на другой, анализ морфологических и социолингвистических факторов, влияющих на подобное речевое поведение информантов. В ряде примеров анализируются также неадаптированные одиночные вставки¹³, в том числе те, которые сохраняют словоизменительные особенности включенного языка (embedded language по терминологии К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton, 1993]). Материал для исследования был собран автором в ходе проведения экспедиций в Сербии (2012–2019), Словении (2010, 2012–2014, 2018) и Хорватии (2019). Общий объем расшифрованного корпуса составляет 250 000 словоформ¹⁴. Интервью были записаны по большей части на венгерском языке, однако с венгерскими собеседниками проводились также беседы на сербском, хорватском и словенском языках. Этот материал тоже включен в анализируемые примеры. Основная тематика бесед – биография информантов, деятельность венгерской общины; вопросы затрагивали также сферу духовной и материальной культуры.

Венгры в Сербии, Хорватии и Словении являются национальными меньшинствами, их статус как национальных меньшинств сформировался после окончания Первой мировой войны, распада Австро-Венгрии и подписания Трианонского мирного договора в 1920 г. (тогда эти земли отошли Королевству сербов, хорватов и словенцев (позже – Югославии)). В Сербии они проживают в автономном крае Воеводине на севере страны, в Хорватии сосредоточены в

¹² Под переключением кода мы понимаем использование билингвами в одном речевом акте единиц, которые относятся к разным языковым системам [Русаков, 2004: 66, 67].

¹³ Появление неадаптированных одиночных элементов рассматривается нами как типологически близкий по механизму включения случай ПК.

¹⁴ Примеры на венгерском, сербском, хорватском и словенском языках приводятся в соответствующей стандартной орфографии с отражением наиболее характерных фонетических явлений (напр., выпадение согласных и удлинение гласных в венгерском: *volt – vót* (3 л. ед.ч. пр.вр. от глагола *lenni* «быть»).

Восточной и Западной Славонии, а также в Баранье, в Словении компактная область расселения венгров – Прекмурье на северо-востоке. Численность венгерской диаспоры в этих странах разная. Наиболее многочисленна в Сербии (253 899, перепись 2011 г.), далее следуют Хорватия (14 048, перепись 2011 г.) и Словения (6243, перепись 2002 г.). Существуют школы с венгерским языком обучения, СМИ, в районах компактного проживания венгров венгерский язык используется в качестве официального наряду с соответствующим славянским языком (напр., в двуязычных общинах Словении: Лендава, Добровник, Ходош, Моравске-Топлице, Шаловци). Однако и в перечисленных регионах проживание венгров не везде компактное: в некоторых районах они составляют большинство (напр., в северной Бачке вдоль границы с Венгрией, в хорватской Баранье), в других являют собой этнический остров среди славянского населения (напр., венгерские общины в области Срем на юге Воеводины, а также венгры в южном Банате).

Контактные особенности венгерского языка в Сербии, Хорватии и Словении активно изучаются в последние тридцать лет. Вышли монографии, представляющие собой классические количественные исследования двуязычных ситуаций, в которых обсуждаются сферы использования венгерского языка у представителей разных поколений венгров, анализируются морфологические и синтаксические особенности, возникшие под влиянием славянских языков, а также диалектные характеристики речи венгров [Göncz, 1999; Kolláth, 2005; Bernjak, 2004; Fancsaly et al., 2016]. В отдельных работах изучаются заимствования из сербского, хорватского и словенского языков, их адаптация к фонетической, морфологической и синтаксической системе венгерского языка [Andrić, 2018, 2019; Vokor, 2001; Пилипенко, 2022, 2022a]. Следует отметить усилия коллектива венгерских авторов по составлению словаря венгерского языка за пределами Венгрии, а именно – создание словаря Термини [Termini], куда входит в том числе заимствованная лексика из сербского, хорватского и словенского языков. Проблематика ПК у венгров в южнославянских странах освещается, в частности, в работах И. Райшли [Rajšli, 2011, 2015].

2. Тройное переключение

Среди наших информантов встречалось венгерско-словенско-хорватское триязычие.

Таблица 1

№	Фрагмент из интервью	Перевод на русский язык
1.2	Apu beszélt szerbül, horvátul, katonaságba megtanult, csak az nem volt szlovén nyelv, azt mondta, hogy dodí ovamo , még pridi sem .	Папа говорил по-сербски, по-хорватски, он выучил в армии, только это не был словенский язык, он говорил, <i>dodí ovamo</i> (иди сюда) и [по-словенски] <i>pridi sem</i> (или сюда) (АЦ). ¹⁵

¹⁵ Данные об информантах приведены в конце главы.

Взаимодействие трех языков обнаруживается в речи собеседницы АЦ из Добровника (1.2). Здесь необходимость использовать сербское и словенское высказывание (на литературном языке, а не на прекурском диалекте) в одном предложении продиктована целевой установкой и тематикой: собеседница рассказывает о языковой компетенции своего отца, который во времена социалистической Югославии служил в армии, где официальным языком был сербохорватский. В 2.1 сербская реплика относится к цитации, воспроизводится речь отца собеседницы. Такие примеры свидетельствуют о возможности включения в единое высказывание нескольких реплик на более чем двух языках, где переключение реализуется как между отдельными предложениями, так и внутри предложений на границе перед союзами.

3. Цитирование

В обсуждаемых ситуациях венгерско-южнославянского языкового контакта ПК происходит с большой частотностью при цитировании. Воспроизводится собственная речь либо речь других собеседников, которые не присутствуют при разговоре.

Таблица 2

№	Фрагмент из интервью	Перевод на русский язык
2.1	Én még bent voltam, és mikor belépett, azt mondta, hogy “ <i>Dober dan, Bog daj</i> ” ¹⁶ (2.1.1), az üzletősnő visszafelelt neki, hogy “ <i>Dober dan, Pista bácsi, želite</i> ” (2.1.2). És akkó a bácsi azt mondta, hogy “ <i>Ja, za dva dinara mi daj sörélesztő pa pördas</i> ” (2.1.3). Én még néztem, nem értem semmit, még gondoltam, sörélesztő, azt gondoltam, hogy élesztő, valamit süt talán a felesége, nem. De hogy, mi a pördas, azt még nem tudtam. Na és akkó mikó ment ki, az üzletősnőt ismértem, hát: “ <i>Mi az a pördas?</i> ” (2.1.4). Aszongya paprika.	Я была внутри, и когда он вошел, он сказал: « <i>Добрый день, дай Боже</i> ». Продавщица ответила ему: « <i>Добрый день, дядя Пишта, чего изволите?</i> ». И тогда дядя [Пишта] сказал: « <i>Да, за два динара дай мне пивные дрожжи и pördas</i> ». А я потом посмотрела, я не поняла ничего и подумала, пивные дрожжи, я думала, что дрожжи, что-то будет печь его жена. Но вот что такое <i>pördas</i> , этого я не знала. И когда он вышел, я знала продавщицу [и спросила]: « <i>Что такое pördas?</i> » Это паприка (АЦ).
2.2	Én zsír nélkül kérem, hogy “ <i>Meni bez masti</i> ”, és akkor kérdezte, hogy biztos vagyok. Megsóztam még piros paprikáztam a kenyeret.	Я прошу хлеб без жира, что: « <i>Мне без жира</i> », и тогда он спросил, уверена ли я. Я посолила и присыпала хлеб красной паприкой (ММ).

В нарративах на венгерском языке представлены цитаты на словенском (2.1) и сербском языках (2.2). Цитируемые фрагменты вводятся после глаголов речи (*mondani* (2.1) и после союза *hogy* «что» (2.2).

¹⁶ Курсивом в кавычках здесь обозначена прямая речь; жирным шрифтом выделены фрагменты ПК на славянских языках.

В первом высказывании АЦ вспоминает сцену из своего детства: воспроизводится диалог между продавщицей (2.1.2.) и покупателем (2.1.1., 2.1.3.), в котором содержатся венгерские включения. Обращение к покупателю *Pista bácsi* «дядя Пишта (Иштван)» является частью словенского предложения. Во второй реплике покупателя (2.1.3) региональными прекмурско-венгерскими вставками являются две лексемы, разделенные словенским союзом *pa*. История рассказана АЦ в той целью, чтобы продемонстрировать особенности общения в родной деревне (Добровник) и степень смешения венгерского и словенского языков в повседневной коммуникации. Показательно, что две лексемы приводятся в позиции вин.п. ед.ч., но употреблены при этом в своей начальной форме, без венгерского показателя *-t*, подчиняясь таким образом правилам словенского языка. Еще одна реплика в этом высказывании, принадлежащая самой собеседнице (2.1.4), дается уже на венгерском языке. В 2.2 собеседница также вспоминает сцену из своего детства, когда она была в гостях и попросила на сербском языке, чтобы хлеб не мазали жиром. При этом сербскому высказыванию (*meni bez masti*) предшествует аналогичное по содержанию венгерское (*én zsír nélkül kérem*). Подобные переключения при цитации с использованием союза *hogy* регистрируются и у венгров в Словакии [Rabec, 2012: 137].

Смена кода при цитации – весьма распространенная практика у венгров, проживающих вне Венгрии, в частности в Словакии [Lanstyák, Szabó Mihály. 2005: 66–67], в Закарпатье [Csernicskó, 2005: 116–117; Márku, 2008: 142–143] и США [Fenyvesi, 2005: 312].

4. Дублирование

Стратегия дублирования высказывания, полная или частичная, встречается довольно часто. В следующих примерах находим несколько вариантов ее реализации.

Таблица 3

№	Фрагмент из интервью	Перевод на русский язык
3.1	Azok jó beszének magyarul, de nem mondhatom, hogy beszének másképp, mint én is, hogy mondanak valamit, amit én nem mondom izt a, <u>nem</u> , <i>nije jednako, ovaj, a jednako razgovaramo, ne znam kako to.</i>	Они хорошо говорят по-венгерски, но я не могу сказать, что они говорят по-другому, нежели я, что они говорят что-то, чего я не говорю, не одинаково, это, а говорим одинаково, не знаю, как это (МВ).

В примере 3.1 переключение наступает после отрицания *nem*, за ним следует его частичный аналог *nije*. Мы называем его частичным аналогом, потому что в хорватском ему будет соответствовать в зависимости от синтаксической позиции *ne* (если речь идет об отрицательной частице, напр., при глаголе в наст.вр.) или слитные формы с бытийным глаголом *nisam, nisi, nije* и т.д., а также слитные формы с глаголом *htjeti* «хотеть»: *neću, nećeš, neće* и т.д.

В данном случае нейтральным аналогом в хорватском языке было бы употребление *ne*, однако информант выбирает отрицательную форму глагола *biti* в 3-м л. ед.ч., поскольку в хорватском стандартном языке невозможно использование **ne je* (тогда как в венгерском в бытийных предложениях в 3-м л. ед.ч. и мн.ч. наст.вр. не используется глагол *lenni* «быть»). Отмечена стратегия дублирования в разных контактных ситуациях с участием венгерского языка, в частности в Закарпатье [Csernicskó, 2005: 117], а также у сербов в Венгрии [Wasserscheidt, 2015: 54, 169–179].

5. Метаязыковое комментирование

В наших нарративах обнаруживается ПК, связанное с метаязыковым комментированием, которое либо предшествует ему, либо следует после. Рассмотрим примеры, среди которых встречаются одиночные вставки, словосочетания, а также полноценные предложения.

Таблица 4

№	Фрагмент из интервью	Перевод на русский язык
4.1	Slovinci pa tudi ne napredujejo, ker so v skupini, ki je premočna za njih. Na tem področju bi morali narediti prvi korak, da bi se tudi slovenski otroci vsaj do neke, do nekega, kaj že to szint? ¹⁷	И словенцы тоже не продвигаются в учебе, потому что они в группе [венгерского языка в школе], которая для них сильная. В этой области нужно было бы сделать первый шаг, чтобы словенские дети тоже по крайней мере до некоторой, до некоторого, как это <i>szint</i> (венг. уровень)? (ЙН)
4.2	Baš kažem sad, pravim za naručenje, za rođendane, za kako kaže, van az esküvő, ötven éves esküvő.	Я как раз говорю, я делаю на заказ, для дней рождений, для, как... как сказать, есть свадьба, пятьдесят лет свадьбе (СН).

Информант ЙН из Лендавы в Словении, венгр, рассказывает по-словенски о системе двуязычного образования в школе. Из-за сложности при выборе слов он употребляет одиночную венгерскую лексему, перед которой задан вопрос, обращенный к исследователю (*kaj je že*). Показательно, что до этого мы можем наблюдать хезитацию информанта, выраженную в повторе предлога и неопределенного местоимения: собеседник колеблется в выборе рода согласуемого с главным словом определения в род.п. ед.ч. В примере 4.2 собеседница из села Скореновац рассказывает исследователю о том, что она печет торты на заказ по разным случаям. Беседа ведется на сербском языке, но из-за коммуникативных трудностей (сербским языком она пользуется редко в повседневном общении) рассказчица переходит на венгерский язык: используется вопросительная конструкция *kako kaže* без возвратного местоимения *se* (ср. также

¹⁷ Подчеркиванием здесь обозначены метаязыковые комментарии, жирным шрифтом – случаи перехода на другой язык.

похожие случаи у венгров в Словакии с использованием идентичных по значению словацких маркеров: *ako sa povie* «как сказать» [Rabec, 2012: 142], а также аналогичные случаи у венгров в румынском Банате [Laihonen, 2008: 686]).

6. ПК внутри предложения

В данном разделе будут рассмотрены случаи ПК внутри предложения. Ниже будет анализироваться переключение в предикате при подлежащем, выраженном на славянских языках. В предикате используются глагольные формы, а также составное именное сказуемое (N+V/ADJ/N).

Таблица 5

№	Фрагмент из интервью	Перевод на русский язык
5.1	Lendván viszont nem használják nagyon, Lendván nem güčijo , hanem govorijo , Muraszombat vagy Goricskón dialektusban beszélnek, viszont a lendvaiak nem.	В Лендаве прекмурский диалект не особо используют, в Лендаве не <i>güčijo</i> (словен. прек. ‘говорят’), а <i>govorijo</i> (словен. лит. ‘говорят’). В Мурска-Соботе или в области Горичко говорят на диалекте, а жители Лендавы нет (НУ).
5.2	A mi falunk első helyen Vajdaságba, tisztaság még a tájház, mink vagyunk najjači , mint szoktak mondani, mi smo najjači , az is van proszpektusba, és akkor kaptuk ezt a boltot, áruljuk.	Наша деревня на первом месте в Воеводине, [здесь] чистота и этно-дом, мы самые сильные, как обычно говорят, мы самые сильные, это есть тоже в буклете, и тогда мы получили этот магазин, мы торгуем (ВД).

В примере 5.1 при невыраженном венгерском подлежащем употребляются одиночные глаголы в грамматической форме, свойственной словенскому языку. Однако контекст употребления этих форм в 5.1 имеет свою специфику, они приведены здесь, чтобы продемонстрировать исследователю разницу между прекмурским диалектом словенского языка и словенским литературным языком, что выражается в использовании разных глаголов говорения [Novak, 1996: 49]. Показательно, что все другие глаголы, употребленные этим собеседником в иных контекстах, – все венгерские. Кроме того, отрицательная частица, употребленная перед прекмурским глаголом, венгерская, т.е. формальная граница переключения проходит между отрицанием и глагольной формой. При этом стоит сделать оговорку, что здесь речь не идет о чистом отрицании, а о части составного союза (*nem ... hanem*).

В примере 5.2 находим именное сказуемое, выраженное одиночным сербским прилагательным в превосходной степени в мужском роде, мн.ч. им.п. Прилагательному предшествует венгерское подлежащее – личное местоимение 1-го л. мн.ч. (показательно – в форме *mink* в отличие от стандартного *mi*), а также венгерский глагол-связка в 1-м л. мн.ч., что

создает параллелизм с сербской конструкцией (бытийный глагол в венгерском употребляется в 1-м и 2-м лицах ед.ч. и мн.ч., тогда как в сербском – во всех лицах и числах). Обсуждаемая реплика является лозунгом культурного объединения, позже она повторяется полностью на сербском языке. Подобную конструкцию с личным местоимением в качестве подлежащего, венгерским глаголом-связкой и прилагательным фиксируем и у венгерско-словацких билингвов: *én vagyok_{hu} spokojná_{sk}* «я спокойна» [Rabec, 2012: 125].

7. ПК между подлежащим и сказуемым

В качестве случая, когда подлежащее выражено на славянских языках, а глагол – на венгерском, приведем высказывание 6.1.

Таблица 6

№	Фрагмент из интервью	Перевод на русский язык
6.1	Van hét-hat egyesületük, lényeg, hogy Primorci in Istrani v Prekmurju ilyesféle csináltak egy kis múzeumot Bencén.	Есть семь-шесть их обществ, главное, что приморцы и истрийцы в Прекмурье создали такого рода маленький музей в селе Беница (АЙ).

Информант воспроизводит по-словенски именную группу, состоящую из двух существительных в им.п. мн.ч., соединительного союза *in* между ними, а также обстоятельства места – топонима ср.р. в мест.п. с предлогом *v*. Глагол с прямым дополнением приводится по-венгерски. По всей видимости, распространенная именная группа может считаться также цитатой, которая отсылает к наименованию культурных объединений упоминаемой общности. Отметим, что нами не зафиксированы случаи использования славянских полнзначных глаголов в высказываниях с выраженным венгерским подлежащим, тогда как обратный пример – всего один, что свидетельствует о нетипичности подобных форм переключения. Такие случаи встречаются только в предложениях с глаголом связкой «быть» L1 или L2.

8. ПК между определением и определяемым

Переключение осуществляется между определением, выраженным на венгерском языке, и определяемым, выраженным на славянских языках. В качестве определения могут выступать прилагательные или местоимения (Adj/Pron + N).

Таблица 7

№	Фрагмент из интервью	Перевод на русский язык
7.1	Ez tiszta szlovén falu, <u>ilyen</u> slovenski otok , kjer živijo Slovenci in tri procente madžarske narodnosti , de az idősebb generáció mindenki beszél a magyar nyelvet.	Это чисто словенская деревня, такой словенский остров, где живут словенцы и три процента венгерской национальности, но старшее поколение все говорят по-венгерски (АЦ).
7.2	Mert van itt lent, ez a-a házunk lent, hogyan mondik, <u>magyar dom</u> , mađarski dom , és mink oda. Most bánom, hogy többet nem mönnünk, mer sokan möghatak má, öregök möghatak, fiatalok emönnek innen városba vagy emönnek kilföldre, most már nincs ki többé.	Потому что внизу здесь есть, наш дом внизу, как говорят, венгерский дом, и мы туда [ходили]. Сейчас я жалею, что больше мы не ходим, потому что многие уже умерли, старики умерли, молодые уехали отсюда в город или уехали за границу, сейчас уже некому (МВ).

В примере 7.1 отмечаем продолжительный фрагмент ПК на словенском языке, который следует после венгерского определительного местоимения. Граница перехода здесь проходит между местоимением *ilyen* и существительным *otok*, однако в самой именной группе присутствует еще одно определение – словенское прилагательное *slovenski*, и с формальной точки зрения мы можем говорить о переключении после венгерского местоимения и перед словенским прилагательным в рамках именной группы. Тематически выбор словенского языка здесь обусловлен тем, что повествование идет о словенском селе Кобилье (*Kobilje*), расположенном в Прекмурье среди венгерских поселений. Похожий пример наблюдаем у венгерско-словацких билингвов, венгерское местоимение употреблено со словацким прилагательным: *én vagyok olyan^{hu} čudná^{sk}* «я такая странная» [Rabec, 2012: 107]. В примере 7.2 мы видим пример одиночной хорватской лексемы при венгерском прилагательном. Интересно, что собеседница повторяет всю именную группу по-хорватски, производит дублирование и автокоррекцию, так как ощущает неуместность подобного перехода. Употребление хорватской лексемы *dom* может быть связано с языковыми трудностями при подборе венгерского слова, хотя речь идет о венгерской культурной организации (*magyar ház*). Возможно также, что переход на хорватский язык мог произойти в обоих языках после использования прилагательного *magyar*, которое имеет общий корень с аналогичным по значению хорватским прилагательным *mađarski*. То же самое – прилагательное в позиции определения при существительном – наблюдаем у венгров в Словакии: *és magyar^{hu} básničky^{sk} is tudok* «я также знаю венгерские стихи» [Rabec, 2012: 125].

9. ПК на прямом объекте

В разделе представлены высказывания, в которых ПК происходит в позиции прямого объекта при переходном глаголе. Направление смены кода нам встретилось двустороннее: с венгерского языка на славянские (8.1) и со славянских языков на венгерский (8.2). Переключение на прямом объекте регистрируются в том числе в речи сербов на территории Венгрии [Wasserscheidt, 2015: 196, 211], что подтверждает их частотность в речи информантов.

Таблица 8

№	Фрагмент из интервью	Перевод на русский язык
8.1	Éppen az iskolába beszélgetünk, hogy mindenki nem tudja ¹⁸ a povratni osebni zaimек se ne znamо uporabljat .	Мы как раз в школе разговаривали, что не все знают, возвратное личное местоимение <i>se</i> не умеем использовать (УЦ).
8.2	Reka, ki loči ta , ezt a két nemzetet.	Река, которая разделяет этот, эти две нации (УЦ).

Информант УЦ в фрагменте 8.1 рассказывает о коммуникативной компетенции венгров в словенском языке и морфологических и синтаксических трудностях, в частности, при использовании возвратных глаголов с частицей *se*. После венгерского переходного глагола *tudni* в объектном спряжении в 3-м л. ед.ч. (*tudja*) употреблен определенный артикль *a*, затем следует реплика на словенском. Сочетание *povratni osebni zaimек* воспринимается как единое понятие, перед ним употреблен артикль, но оно никак не оформлено венгерскими аффиксами. Венгерское окончание вин.п. ед.ч. *-t* следовало ожидать у существительного *zaimек*, в этом случае вся именная группа трактовалась бы как адаптированное заимствование (ср. похожие случаи оформления падежным показателем существительного в именной группе у венгерско-словацких билингвов: *modrá knížká-t kapott* «получил синюю книжку¹⁹» [Rabec, 2012: 115]. При этом встречаются случаи и без оформления показателем, но с неопределенным артиклем: *hozott_{hu} nekém_{hu} ég_{hu} krém_{sk} na_{sk} nohy_{sk}* «принес мне крем для ног» [Lanstyák, Szabó Mihály, 2005: 70, 71]. В 8.1 адаптация реализована лишь частично при помощи добавления определенного артикля, что по всей видимости, требовало использования объектного спряжения у глагола. В обсуждаемом примере переход с венгерского языка на словенский происходит внутри именной группы между венгерским определенным артиклем *a* и словенским прилагательным *povratni*.

В примере 8.2, записанном от той же собеседницы, что в 8.1, наблюдаем переход уже со словенского на венгерский. Здесь глагол словенский, а прямое дополнение – венгерское. При этом после глагола наблюдаются колебания в выборе формы указательного местоимения:

¹⁸ Подчеркиванием обозначен переходный глагол.

¹⁹ В Чехословакии свидетельство о негодности к военной службе.

вначале используется словенское местоимение *ta*, омонимичная форма для им.п./вин.п. ед.ч. м.р. и для им.п. ед.ч. ж.р. После словенского местоимения следует венгерское указательное местоимение, оформленное окончанием вин.п., дублирующее предшествующий словенский аналог (*ezt*). Местоимение употреблено в ед.ч., поскольку в венгерском языке после числительных от 2 и далее согласуемые слова употребляются в ед.ч.

10. ПК между предложениями без союзов

ПК осуществляется на границах между самостоятельными предложениями, без использования союзов. Зачастую для единственного разграничения используется пауза.

Таблица 9

№	Фрагмент из интервью	Перевод на русский язык
9.1	Jött a zsidó, kiabált: “ <i>Ringyet-rongyot, ringyet, tökmagot, lenmagot, babot veszek, tányérokat, poharakat, üvegeket vegyenek!</i> ” Rongyos zsidónak hívták. Šifuc je bio, koji dolazio iz grada pa išao po mađarskim selima na mađarskom je vikao, u srpskima srpski, a švapskim njemački, mondom énekelt hangosan, öreg volt.	Приходил еврей и кричал: « <i>Покупаю старые лохмотья, семена тыквы, семена льна, фасоль, покупайте тарелки, стаканы, бутылки!</i> » Его звали евреем-старьевщиком. Это был Шифуц, который приходил из города, шел по венгерским селам и кричал на венгерском, в сербских селах – на сербском, в немецких – на немецком. Говорю, он пел громко, он был старый (ШБ).
9.2	Hát ez a fesztivál, úgyhogy oda szeretnének menni, potem zaradi tega se učijo, pa eni kaj jaz vem zaradi česa.	Ну этот фестиваль, так что туда они хотели бы поехать, из-за этого они учат [венгерский язык], а другие – я даже не знаю из-за чего (УШ).

Переключение и здесь реализуется в разных вариантах: в примере 9.1 мы видим рамочную структуру – встроенный фрагмент обрамляется высказываниями на втором языке, разница заключается в том, что в 9.1 – встроенный фрагмент хорватский в венгерском высказывании²⁰. В примере 9.2 рамочная конструкция отсутствует, высказывание начинается венгерской репликой, затем следует переход на словенский язык, ПК на границах между предложениями встречается у сербов в Венгрии [Wasserscheidt, 2015: 186, 187], а также у венгров Закарпатья [Márku, 2008: 126–128].

²⁰ Фрагмент 10.1 интересен еще тем, что характеризует языковую ситуацию в Восточной Славонии и Баранье в межвоенный период.

11. ПК между предложениями с союзами

Перейдем к анализу случаев ПК на границах между главным и зависимым предложением с использованием союзов или союзных слов.

Таблица 10

№	Фрагмент из интервью	Перевод на русский язык
10.1	Vsi razumejo v Prekmurju, da se gre za muškati, ami magyar nyelv, ugye . Jaz tudi prehajam zdaj iz jezika v jezik, to praksa, to se še mi smejemo na tem.	Все понимают в Прекмурье, что речь идет о пеларгонии, что это венгерский язык, правда? Я тоже перехожу сейчас с языка на язык, это практика, это еще мы смеемся над этим (НУ).
10.2	Nikoli nisem niti trudila, da bi vzporedno poznala tudi drugi izraz, to je pa zaradi okolja, ha én például azt mondom, hogy bors , ne rabim vedeti, da je to poper, saj pa tu vsi vejo, bors , tako.	Я никогда не старалась, чтобы параллельно узнать новое выражение, это из-за окружения, если я, например, скажу, <i>bors</i> , мне не нужно знать, что это черный перец, ведь все тут знают, <i>bors</i> , вот так (ХР).
10.3	Prekmuricek is, vigyázod! Van egy olyan, da majo reka Mura .	И прекмурцы тоже, но внимание! Есть такое, что у них есть река Мура (УЦ).
10.4	Ha család egész itt van, akkor moramo srpski da pričamo, zetovi i on je išao u mađarsko zabavište .	Если семья здесь целиком, то мы должны говорить по-сербски, зять и он ходил в венгерский детский сад (БФ).

В примерах 10.1 и 10.2 переключение на венгерский язык в зависимых предложениях осуществляется в обрамляющем словенском высказывании, в 10.3–10.4 переход на славянские языки происходит при первом венгерском предложении. Что касается союзов, то только в 10.3 случае используется словенский изъяснительный союз *da*, в других высказываниях мы видим венгерские союзы: как перед переключением на венгерский (10.1, 10.2), так и перед ПК на сербский (10.4). В 10.4 фрагменте интересно то, что *akkor* является частью составного союза *ha..., akkor* (если..., то), поэтому перед сербской репликой вторая часть венгерского союза воспроизводится полностью. В 10.1, 10.2 ПК на венгерский язык в зависимом предложении употреблено информантами с той целью, чтобы подчеркнуть, что их примеры относятся к венгерскому языку, т.е. речь идет о метаязыковых высказываниях и их можно также рассматривать как иллюстрацию метаязыкового маркирования ПК. В примере 10.4 то же самое справедливо для сербской реплики, собеседница сменой кода акцентирует внимание на том, что общение, когда вся семья собирается вместе, происходит на сербском языке. Интересно, что в 10.3 в словенской части реплики не происходит согласования в падеже существительных после переходного глагола: лексемы в сочетании *reka Mura* употреблены в начальной форме вместо ожидаемой формы с окончанием *-o* (вин.п. ж.р. ед.ч.): *da majo reko Muro*. Случаи ПК на союзе или сразу после союза отмечены у венгров Словакии [Rabec, 2012: 136, 137, 146], а также

фиксируются частые переключения в ситуации марийско-русского билингвизма на стыке главной и придаточной части сложноподчиненного предложения [Гаврилова, 2013: 18].

12. Подсчет количества венгерских словоформ

На основе расшифрованных записей был произведен подсчет общего количества словоформ и количества словоформ венгерского языка у двенадцати наиболее репрезентативных информантов: из Прекмурья (шесть информантов), Хорватии и Воеводины (шесть информантов); общее количество словоформ в обоих корпусах – в пределах 10 000–11 000. Таким образом, можно проследить частотность появления невенгерских словоформ у информантов. В большинстве случаев славянские неадаптированные словоформы составляют небольшую долю в нарративах и не превышают 1–2 %. Как правило, речь идет о лексических затруднениях со специальными терминами, а также для уточнения географических данных. В некоторых случаях это цитаты либо метаязыковые комментарии по поводу «смешанного» характера местного варианта языка.

Таблица 11

Информант	Общее количество словоформ	Количество невенгерских словоформ	Процент невенгерских словоформ
УЦ	457	81	17,72 %
АЦ	3958	133	3,36 %
АЙ	2013	35	1,738 %
ХЗ	1204	15	1,245 %
ТД	2030	16	0,788 %
РК	610	3	0,49 %

Таблица 12

Информант	Общее количество словоформ	Количество невенгерских словоформ	Процент невенгерских словоформ
МФ	1304	70	5,368 %
ШБ	1415	31	2,19 %
КК	1296	7	0,54 %
ОЕ	2350	7	0,2978 %
ФФ	674	2	0,296 %
НР	4031	10	0,248 %

Необходимо прокомментировать данные тех информантов, которые превосходят средний показатель. Среди прекмурских собеседников у УЦ и АЦ доля невенгерских словоформ наибольшая. Речь идет об одном интервью, в котором участвовали АЦ (70 лет) и УЦ (35 лет)

одновременно, мать и дочь. Большое количество невенгерских словоформ частично объясняется тематикой интервью: собеседницы рассуждали об использовании словенского языка, говорили о собственных языковых биографиях, а также комментировали языковую ситуацию в Прекмурье. При этом у УЦ (дочери) гораздо большая доля невенгерских словоформ (17,72 %), чем у матери АЦ (3,36 %), что можно трактовать как обычную практику смены кода в семейном диалоге у представителя более молодого поколения. Межпоколенческую разницу при употреблении невенгерских словоформ на примере другой семьи можно наблюдать у ФФ (80 лет) и МФ (45 лет), отца и дочери, проживающих в Нови-Саде. Дочь замужем за сербом и в повседневной жизни редко использует венгерский язык, тогда как отец, хотя и проживает в Нови-Саде, в большом городе, в котором доля венгров 5–6 %, в повседневной жизни говорит на венгерском с женой и с соседями. У дочери гораздо больше коммуникативных трудностей в венгерском (5,368 %), чем у отца, который практически не использует невенгерские словоформы (0,296 %). Таким образом, можно констатировать, что на процент появления невенгерских форм в ситуации интервью наряду с местом проживания информанта влияет как тематика беседы, так и возрастные характеристики.

13. Выводы

В результате анализа рассмотренного материала было установлено, что в речи представителей венгерской диаспоры наряду с двунаправленным ПК, когда используются два языка, в речи обследованных миноритарных сообществ фиксируются примеры одновременного ПК на три языка, что обусловлено спецификой языковой ситуации в Прекмурье. Кроме того, зафиксированы случаи ПК у венгерских информантов на местные славянские диалекты, которыми они владеют в пассивной форме (в основном жители Лендавы и Добровника), а проживающие за их пределами – также в активной форме (напр., область Горичко). Для таких информантов возможна ситуация, когда L1 – венгерский язык (при этом родным для многих информантов, особенно пожилых, является диалект венгерского), L2 – словенский литературный, L3 – прекмурский диалект, который выучивается в ходе устного общения (при этом очередность усвоения L2 и L3 может быть разной), L4 – хорватский/сербский язык. Ранее проблематике перехода с венгерского языка на прекмурский диалект в устных нарративах внимания не уделялось.

Границей перехода на славянский язык в именной группе в позиции прямого объекта может служить венгерский определенный артикль, что сопровождается объектным спряжением у глагола. В составном именном сказуемом в утвердительных предложениях используется глагол-связка на венгерском языке в тех случаях, когда это продиктовано правилами двух

контактных языков. Несовпадение правил использования глагола-связки в венгерском и в контактных славянских языках провоцирует случаи хезитации при выборе адекватной формы глагола. В случае сочетания венгерского определения и славянского существительного в именной группе может присутствовать также несколько определений из славянских языков, поэтому граница будет проходить между ними. Рассмотрены были и случаи перехода со славянских языков на венгерский (например, в позиции прямого объекта при переходном глаголе, в позиции подлежащего). При этом отмечено, что случаев перехода в группе подлежащего и сказуемого не так много, в основном они инициированы использованием цитат либо иллюстративной метаязыковой функцией. В зависимых предложениях с союзами обнаружено, что переключение происходит как на самом союзе, так и в позиции сразу после союза.

Случаев использования славянских предлогов при венгерских падежных формах, а также венгерских послелогов при славянских падежных формах не встречается (единичные случаи дублирования, которые свидетельствуют о хезитации, нами не считаются случаями двойного маркирования). Не отмечается и славянское отрицание при однозначном глаголе, тогда как в случае использования глагола-связки «быть» возможен либо венгерский глагол с отрицанием, либо славянская конструкция с отрицанием, контаминированные формы не регистрируются. Переключение в славянских предложно-падежных группах невозможно внутри самой группы, таких случаев не отмечено.

Очевидно влияние возраста и тематики беседы на появление невенгерских форм в венгерской устной речи представителей диаспоры. В перспективе предстоит разработать специальные вопросники и тесты для целенаправленного выявления подобного рода контактных явлений.

Список информантов

УЦ, жен., 35, Добровник (Словения)	ШБ, муж., 92, Осиек (Хорватия)
АЦ, жен., 70, Добровник (Словения)	ЛМ, муж., 65, Ада (Сербия)
РК, муж., 27, Мотварьевцы (Словения)	НР, муж., 55, Нова-Црня (Сербия)
АЙ, муж., 42, Лендава (Словения)	ФФ, муж., 80, Нови-Сад (Сербия)
ТД, муж., 77, Лендава (Словения)	ММ, жен., 46, Нови-Сад (Сербия)
УШ, жен., 50, Лендава (Словения)	МФ, жен., 45, Нови-Сад (Сербия)
ЙН, муж., 54, Лендава (Словения)	БФ, жен., 72, Нови-Сад (Сербия)
ХР, жен., 60, Лендава (Словения)	СН, жен., 56, Скореновац (Сербия)
ХЗ, жен., 54, Тримлини (Словения)	ВД, жен., 76, Скореновац (Сербия)
МВ, жен., 78, Велика-Писаница (Хорватия)	КК, муж., 58, Суботица (Сербия)

Литература

- Гаврилова В.Г.* (2013) Марийско-русское переключение и смешение кодов // Вестник Удмуртского университета. № 2. С. 16–22.
- Пилипенко Г.П.* (2022) Адаптация сербских и словенских заимствований в речи воеводинских и прекурских венгров // Ежегодник финно-угорских исследований. № 3. С. 416–429.
- Пилипенко Г.П.* (2022а) Употребление топонимов в спонтанной речи венгров Воеводины и Прекмурия // Вопросы ономастики. № 1. С. 139–159.
- Русаков А.Ю.* Интерференция и переключение кодов: (Севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). Дисс ... д. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН. 105 с.
- Andrić, E.* (2018) Alaki tükrözés az újvidéki magyar nyelvhasználatban. BeauBasin: GlobeEdit. 204 p.
- Andrić, E.* (2019) Lexikai interferenciajelenségek a vajdasági magyar nyelvben // Hungarológiai Közlemények. No. 3. Pp. 106–122
- Bernjak, E.* (2004) Slovenščina in madžarščina v stiku: Sociolingvistične in kontrastivne študije. Maribor: Slavistično društvo. 286 p.
- Bokor, J.* (2001) A magyar nyelv és használata a szlovéniai Muravidéken az ezerforduló küszöbén // Magyar nyelv. No. 1. Pp. 34–52.
- Csernicskó, I.* (2005) Hungarian in Ukraine // Hungarian Language Contact outside Hungary / A. Fenyvesi (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. Pp. 89–131.
- Fancsaly, É., Gúti, E., Kontra, M., Molnár Ljubić, M., Oszkó, B., Siklósi, B., Žagar Szentesi, O.* (2016) A magyar nyelv Horvátországban / Szerk. M. Kontra. Budapest; Eszék: Gondolat Kiadó – Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet. 310 p.
- Fenyvesi, A.* (2005) Hungarian in the United States // Hungarian Language Contact outside Hungary / A. Fenyvesi (ed.) Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. Pp. 265–318.
- Göncz, L.* (1999) A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban). Budapest-Újvidék: Osiris Kiadó-Kalligram Könyvkiadó-MTA Kisebbségkutató Műhely. 288 p.
- Kolláth, A.* (2005) Magyarul a Muravidéken. Maribor: Slavistično društvo. 284 p.
- Laihonen, P.* (2008) Language ideologies in interviews: A conversation analysis approach // Journal of Sociolinguistics. No. 5. Pp. 668–693. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2008.00387.x
- Lanstyák, I., Szabó Mihály, G.* (2005) Hungarian in Slovakia // Hungarian Language Contact outside Hungary / A. Fenyvesi (ed.) Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. Pp. 47–88.
- Márku, A.* (2008) Érvényes történetek: Nyelvválasztási és kódváltási kommunikációs stratégiák a kárpátaljai magyar fiatalok körében. Ungvár; Beregszász: PoliPrint Kft. 173 p.
- Myers-Scotton, C.* (1993) Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press. 263 p.
- Novak, F.* (1996) Slovar beltinskega prekmurskega govora. Murska Sobota: Pomurska založba. 184 p.
- Rabec, I.* (2012) A nyelvleépülés vizsgálata szlovákiai fiatalok körében. Doktori disszertáció. Budapest. 236 p.
- Rajslí, I.* (2011) Kódváltás a vajdasági magyarok nyelvhasználatában // Hungarológiai Közlemények. No. 4. Pp. 108–120.
- Rajslí, I.* (2015) A kódváltás lexikai-szemantikai aspektusai a vajdasági magyar nyelvben // Hungarológiai Közlemények. No. 2. Pp. 90–104.
- Termini.* Magyar nyelvi kutatóhálózat. URL: <http://termini.nytud.hu> (01.10.2023).
- Wasserscheidt, Ph.* (2015) Bilinguales Sprechen: Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie. Berlin. 347 p.

References

- Gavrilova, V.G.* (2013) Marijsko-russkoe pereklyuchenie i smeshenie kodov [Mari- Russian code-switching and code-mixing] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. No. 2. Pp. 16–22. (In Russ.)
- Pilipenko, G.P.* (2022) Adaptacija serbskih i slovenskih zaimstovovanij v rechi voevodinskih i prekmurskih vengrov [Adaptation of Serbian and Slovenian loanwords in the speech of

- Hungarians living in Vojvodina and Prekmurje] // *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*. No. 3. Pp. 416–429. (In Russ.)
- Pilipenko, G.P.* (2022a) Upotrebljenje toponimov v spontannoj rechi vengrov Voevodiny i Prekmurja [The use of toponyms in the spontaneous speech of the Hungarians of Vojvodina and Prekmurje] // *Voprosy onomastiki*. No. 1. Pp. 139–159. (In Russ.)
- Rusakov, A. Ju.* Interferencija i pereključenje kodov: (Severnorusskij dialect cyganskogo jazyka v kontaktologicheskoj perspektive) [Interference and code switching: (The Northern Russian dialect of the Gypsy language in a contactological perspective)]. Diss... d. filol. nauk. SPb: ILI RAN. 105 p. (In Russ.)
- Andrić, E.* (2018) Alaki tükrözés az újvidéki magyar nyelvhasználatban [The formal reflection in the Hungarian language in Novi Sad]. BeauBasin: GlobeEdit. 204 p. (In Hung.)
- Andrić, E.* (2019) Lexikai interferenciajelenségek a vajdasági magyar nyelvben [Lexical interference in the Vojvodinian variety of Hungarian] // *Hungarológiai Közlemények*. No. 3. Pp. 106–122. (In Hung.)
- Bernjak, E.* (2004) Slovenščina in madžarščina v stiku: Sociolingvistične in kontrastivne študije [Slovenian and Hungarian languages in contact: The sociolinguistic and contrastive studies]. Maribor: Slavistično društvo. 286 p. (In Slovene)
- Bokor, J.* (2001) A magyar nyelv és használata a szlovéniai Muravidéken az ezerforduló küszöbén [The use of Hungarian language in Slovenian Prekmurje on the eve of the turn of the millennium] // *Magyar nyelv*. No. 1. Pp. 34–52. (In Hung.)
- Csernicskó, I.* (2005) Hungarian in Ukraine // *Hungarian Language Contact outside Hungary* / A. Fenyvesi (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. Pp. 89–131.
- Fancsaly, E., Gúti, E., Kontra, M., Molnár Ljubić, M., Oszkó, B., Siklósi, B., Žagar Szentesi, O.* (2016) A magyar nyelv Horvátországban [Croatian language in Hungary] / M. Kontra (ed.). Budapest; Eszék: Gondolat Kiadó – Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet. 310 p. (In Hung.)
- Fenyvesi, A.* (2005) Hungarian in the United States // *Hungarian Language Contact outside Hungary* / A. Fenyvesi (ed.) Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. Pp. 265–318.
- Göncz, L.* (1999) A magyar nyelv Jugoszláviában (Vajdaságban) [Hungarian language in Yugoslavia (Vojvodina)]. Budapest-Újvidék: Osiris Kiadó- Kalligram Könyvkiadó-MTA Kisebbségkutató Műhely. 288 p. (In Hung.)
- Kolláth, A.* (2005) Magyarul a Muravidéken [in Hungarian in Prekmurje]. Maribor: Slavistično društvo. 284 p. (In Hung.)
- Laihonen, P.* (2008) Language ideologies in interviews: A conversation analysis approach // *Journal of Sociolinguistics*. No. 5. Pp. 668–693. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2008.00387.x
- Lanstyák, I., Szabó Mihály, G.* (2005) Hungarian in Slovakia // *Hungarian Language Contact outside Hungary* / A. Fenyvesi (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. Pp. 47–88.
- Márku, A.* (2008) Érvényes történetek: Nyelvválasztási és kódváltási kommunikációs stratégiák a kárpátaljai magyarfiatalok körében [Valid stories: Language selection and code switching communication strategies among Hungarian youth in Transcarpathia]. Ungvár; Beregszász: PoliPrint Kft. 173 p. (In Hung.)
- Myers-Scotton, C.* (1993) *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Clarendon Press. 263 p.
- Novak, F.* (1996) *Slovar beltinskega prekmurskega govora* [Dictionary of Prekmurian dialect of Beltinci]. Murska Sobota: Pomurska založba. 184 p. (In Slovene)
- Rabec, I.* (2012) A nyelvreépülés vizsgálata szlovákiai fiatalok körében [Language attrition research among Slovak youth]. Doktori disszertáció. Budapest. 236 p. (In Hung.)
- Rajšli, I.* (2011) Kódváltás a vajdasági magyarok nyelvhasználatában [Code-switching in the language use of Hungarian speakers in Vojvodina] // *Hungarológiai Közlemények*. No. 4. Pp. 108–120. (In Hung.)

- Rajslí, I.* (2015) A kódváltás lexikai-szemantikai aspektusai a vajdasági magyar nyelvben [Lexical and semantic aspects of code-switching in Vojvodina Hungarian language] // *Hungarológiai Közlemények*. No. 2. Pp. 90–104. (In Hung.)
- Termini.* Magyar nyelvi kutatóhálózat [Hungarian language research network]. URL: <http://termini.nytud.hu> (01.10.2023). (In Hung.)
- Wasserscheidt, Ph.* (2015) *Bilinguales Sprechen: Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz* [Bilingual speech. The Construction Grammar Approach]. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie. Berlin. 347 p. (In Germ.)

Пилипенко Глеб Петрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-5422-0039>

Адрес: 119334, Российская Федерация, Москва, Ленинский проспект, 32-А

Эл. адрес: glebpilipenko@mail.ru

Pilipenko Gleb Petrovich – candidate of Philology, senior research fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-5422-0039>

Address: Leninsky prospect, 32-A, 119334, Moscow, Russian Federation

E-mail address: glebpilipenko@mail.ru

Для цитирования: *Пилипенко Г.П.* Особенности кодового переключения у представителей венгерской диаспоры в Сербии, Хорватии и Словении // *Социолингвистика*. 2023. № 1 (17). С. 73–90. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-73-90

For citation: *Pilipenko, G.P.* Features of code switching among representatives of Hungarian diaspora living in Serbia, Croatia, Slovenia // *Sociolinguvistika*. 2023. No. 1 (17). Pp. 73–90 (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-73-90

The article was submitted 25.10.2023;
approved after reviewing 15.02.2024;
accepted for publication 25.02.2024.

ЯЗЫК И ОБРАЗОВАНИЕ

LANGUAGE AND EDUCATION

УДК 378.096

DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-91-103

ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКА КАК СПОСОБ УКРЕПЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ**Марина Д. Люблинская** Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, Российская Федерация**Виктория В. Валенкова**

Институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, Российская Федерация

В статье рассматривается актуальность преподавания родного языка для представителей национальных меньшинств с целью повышения их социального статуса и самомотивации, а также привлечения внимания носителей языка к уникальности своей национальности. Анализ сосредоточен на текущих и прошлых лингвокультурных исследовательских инициативах, предпринятых студентами Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Авторы оценивают методы и подходы, принятые студентами, независимо от того, проводят они исследовательские работы самостоятельно или в команде, изучают предыдущий дидактический опыт, анализируют фольклорные произведения и бытовые записи своих предшественников или развивают на практике современные возможности языков, которые только недавно стали существовать в письменной форме. В статье показано, как студенты осваивают новые значения лексических единиц, выявляют творческий потенциал когнитивного и лексико-семантического подходов к языку, разрабатывают и внедряют инновационные методы изучения языка и культуры. Авторы статьи отмечают, что участие студентов в популяризации своих языков и культур, а также интерес окружающего населения к познанию их традиций и особенностей, в свою очередь, стимулируют студентов к дальнейшему постижению и исследованию уникальных свойств своих языков и культур. Подобные примеры оказывают положительное влияние на студентов последующих курсов, а также на детей школьного возраста и в целом на представителей окружающего их миноритарного народа, вдохновляя на новые возможности получения и анализа информации, публичного представления своих достижений, подчеркивая их актуальность и интерес для широкой общественной аудитории.

Ключевые слова: *миноритарные родные языки, студенческие инициативы, укрепление социальной роли, популяризация, традиционные и инновационные решения*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© М.Д. Люблинская, В.В. Валенкова, 2024

LANGUAGE TEACHING AS A WAY TO STRENGTHEN NATIONAL IDENTITY

Marina D. Lublinskaya

Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, A.I. Herzen Northern Peoples Institute, Russian State Pedagogical University, Russian Federation

Viktoria V. Valenkova

A.I. Herzen Northern Peoples Institute, Russian State Pedagogical University, Russian Federation

The article examines the relevance of teaching a native language to minority nationals with the aim of raising their social status and self-motivation, and drawing the attention of mother-tongue speakers to the uniqueness of their nationality. The analysis focuses on current and past linguacultural research initiatives undertaken by students, of the Institute of Northern Peoples at the Russian State Pedagogical University. The authors evaluate the methods and approaches adopted by the students, whether conducting research projects independently or in a team, studying previous didactic experience, analysing folklore works and everyday records of their predecessors, or developing in practice the modern capabilities of a language that has only recently been expressed in written form. The article also examines how students develop new meanings for lexical units, identify the creative potential of cognitive and lexical-semantic approaches to language, and develop and implement innovative methods for studying language and culture. The authors demonstrate that the participation of students in the popularization of their languages and cultures, and the interest of surrounding populations in knowing their traditions and characteristics, stimulate the students in turn to further comprehend and explore the unique properties of their languages and cultures. Such examples have a positive impact on students of subsequent courses, as well as on school-age children and the surrounding minority communities, inspiring them with new opportunities for obtaining and analysing information, publicly presenting their achievements, and highlighting their relevance and interest to a wide audience.

Keywords: *minority language, native language, students' initiatives, social role, popularization, traditional and innovative solutions*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Marina D. Lublinskaya, Viktoria V. Valenkova, 2024

1. Введение

Сегодняшнему научному сообществу понятны факторы, определяющие сохранение и использование, развитие малых языков, хотя само понятие «малый язык» не определено строго, часто происходит смешение понятий и терминов «малый народ» и «малый язык». Традиционно малыми народами Севера считались 26 этнических групп Севера, Сибири и Дальнего Востока России, позднее дополненных долганами и прибалтийско-финскими народами, число представителей которых в каждой группе не превышает 50 тысяч человек. В 1993–2021 гг. в этот перечень были добавлены тувинцы-тоджинцы, шорцы, телеуты, кумандинцы, а чуть позднее и другие народы. Общее число коренных народов, проживающих на Севере Российской

Федерации, составляет в настоящее время 36 [Постановление от 24.03.2000; Гафт, 2016]. Их языки и называются малыми. В 1930-е годы число представителей народа и число знавших национальный язык фактически совпадало. Сейчас под воздействием экстралингвистических факторов национальные языки выходят из употребления, число знающих родной язык сильно уменьшилось. На сегодня самый большой процент носителей родного языка показывают ненцы Ямало-Ненецкого округа – 55 %.

2. Изучение миноритарных языков Севера в Ленинграде и Санкт-Петербурге

Институт народов Севера РГПУ (до 2001 г. «факультет народов Крайнего Севера Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена») продолжает традиции сохранения, поддержки, популяризации языков и культуры, традиции тех учебных заведений, которые дали ему начало: института народов Севера для представителей самих народов Севера, находившегося по адресу Обводный канал, дом 17, и Северного отделения Ленинградского педагогического института, на котором изучали языки и культуру Севера студенты других национальностей. Студентами и аспирантами ИНС были среди многих ненцы Антон Петрович Пырерка и Николай Семёнович Вылка, удэгэ Джанси Батович Кимонко, ханты Николай Иванович Терёшкин; Северное отделение окончили основатели Советского Североведения Наталья Митрофановна Терещенко, Пётр Яковлевич Скорик. Вовлечение студентов и аспирантов в преподавательскую и исследовательскую деятельность как метод изучения и описания младописьменных языков плодотворно применялся в первых учебных организациях для северян: северяне-аспиранты Научно-исследовательской ассоциации при институте Народов Севера преподавали в самом ИНС, консультировали исследователей, стали авторами первых грамматик и словарей [Смирнова, 2012]. Такими были ненец А.П. Пырерка, автор первого Русско-ненецкого словаря, ханты Н.И. Терёшкин, удэгэ Д.Б. Кимонко и другие. Сейчас в ИНС учат языки и культуру народов Севера и представители самих северных национальностей от саамов до нивхов, и студенты других национальностей. Сегодняшние студенты, часто дети и внуки первых учащихся северян, также выступают за сохранение своей национальной идентичности. В статье мы условно назовем объединения представителей северных народов по своей национальности диаспорами.

Функционирование языка зависит от нескольких факторов, в том числе от понимания самими представителями национальных групп важности изучения и сохранения языка, потому что совсем не все с этим согласны; неоднократно наши студенты давали понять, что признание себя этническим ненцем, ханты, саамом и пр. уже есть гарантия сохранения народа. Важным является повышение почетного статуса мультилингвов, знающих несколько языков, в том числе язык, который поддерживается и учебной программой, и дополнительными мероприятиями.

Этому помогали заграничные стажировки студентов ИНС в Венгрии, Финляндии, Норвегии, вовлекавшие наших ребят в серьезные научные проекты. Конечно, предпочтение при выборе кандидатур оказывается знающим родной язык. Но не обязательно и национальность студента, и изучаемый язык должны были совпасть с областью стажировки. Например, ненки Марта Окотэтто и Нечей Сэротэтто обучались в Саамском университете в Тромсё, в Норвегии, что только помогло им лучше почувствовать, признать значимость родного ненецкого языка, освоить новые формы преподавания. Конечно, институт народов Севера является малым островком относительного благополучия, где студентам (молодым представителям национальностей) оказывают поддержку в стремлении изучать свой язык и традиции, придают большое значение их культуре. Такое положение приносит неожиданные результаты: в 2022 г. в ИНС поступили молодой нганасан и девушка-саами, владеющие, хоть и не в совершенстве, родным языком. Многие «пришедшие» студенты других национальностей, порой случайно попавшие в ИНС, проникаются стремлением поддержки национальных традиций, гордостью за тот народ и язык, с которым столкнулись. Так, Степан Коротин изучил национальные виды спорта ненцев и сделал сообщение на межвузовском симпозиуме учителей родных языков. Матвей Черных работает над проектом «Онлайн-игра 'Майн крафт' как способ этносоциализации и инкультурации детей из числа КМНС». Это их пути знакомства с национальной культурой. В выпускной работе Степан уже рассматривал языковые и дидактические вопросы – «Обучение фразеологическим единицам на уроках родного ненецкого языка» [Коротин, 2022].

Малые языки в иноязычном окружении являются «маркером» национального самосознания, показателем ответственного сохранения полноты идентичности своего (или выбранного) народа. Такое положение дел доказывает необходимость поддержки изучения национального языка на государственном уровне в местах проживания этноса даже для тех семей, где дети плохо знают или вообще не знают его. Сейчас, когда функции малых родных языков ужались фактически до домашнего обихода, преподавание языка – создание учебных материалов, разговоры на языке – могут стать дополнительной сферой его использования. Знание языка и культуры, подкрепленное необходимым уровнем кругозора и методическими приемами, являются хорошей, востребованной специализацией.

В создавшейся обстановке восстановление (приобретение) знания своего языка и своей культуры наиболее успешно происходит в процессе выполнения конкретных обучающих или исследовательских работ-проектов. Дидактические методы совместного обучения учеников, например, старшими младших или сверстниками друг друга, сегодня рекомендуется как эффективная форма учебного сотрудничества. Мы расскажем о сегодняшних и

предшествующих дидактических проектах наших студентов, о занятиях, которые они выбирают, ограничимся более знакомой нам деятельностью студентов кафедры Уральских языков.

2.1 Традиционные праздники

Нашим преподавателям и студентам свойственно отмечать в институте свои национальные праздники, показывать традиции, обычаи. Сейчас каждый год 7 апреля ханты и манси празднуют «Вороний день» в память о Вороне, которая спасла солнце для людей. Эту легенду передают своим детям, и сегодня студенты ИНС по традиции устраивают веселый праздник, вешают на шею кружочки-сушки, приветствуя солнце, украшают священное дерево березу разноцветными лентами, прося исполнения желаний у верхнего бога ханты Нуми-Торума.

2.2. Преподавание

Объяснить тему своим коллегам или подопечным – хороший способ изучения предмета. Наши выпускники Галина Косыгина и Марта Окоэтто по окончании института с помощью учеников Сюнай-Салинской начальной школы-детского сада сочинили и снабдили иллюстрациями еще один комикс на ненецком языке [Меленина, 2018]. Подтолкнули их к этому занятия с этнографом Александрой Терехиной, которая вела кружок для студентов-ненцев из разных институтов Петербурга, в котором занималась Марта. Сама Александра Николаевна в 2015–2016 гг. год кочевала в Ямальской тундре, разработала и опробовала методики кочевого воспитания и обучения среди ненецких детей [Терехина, 2017; 2018; 2021]. Вместе со студентами она перевела на ненецкий язык комикс «Кунг Фу Падвы варк» про мишку-панду; комикс был издан на Ямале [Комикс..., 2018]. Поскольку полиграфические возможности для оформления печатных и электронных, в том числе видео- и аудио-изданий на языках народов Севера, сегодня очень разнообразны и легко доступны, Александра Николаевна вдохновила многих студентов на самостоятельное создание увлекательных игр, комиксов, записала с ними серию роликов, обучающих родному языку [Ненецкие разговоры, 2019].

Идея была подхвачена другими. Так, Галина Косыгина создала диск «Ненецкий за пять минут», проект поддержал президент ассоциации «Ямал – потомкам» Хабэча Яунгад [Вегнер, 2019]. Выпущенный диск включает пять коротких (пятиминутных) аудио уроков для освоения самой насущной лексики ненецкого языка.

2.3. Интернет-сообщества

Ямальская студентка Татьяна Сэротэтто, еще учась на втором курсе, создала блог, где обсуждала со своими сверстниками проблемы правописания на ненецком языке. По ее словам, только после этого она поняла всю важность следования некоторым нормативам орфографии. Это не первый и совсем не единственный опыт создания языковых групп в интернете. Такие сообщества функционируют уже больше десяти лет. Одну из первых, но не единственную группу «Лаханава» (Речь) под девизом «Ненэця вадавна лаханакурта» (Давайте говорить по-ненецки) сформировал в сети ВКонтакте студент кафедры Культурология Алексей Салиндер. Это был интересный, инновационный для того времени (2013) проект, его поддержали Сергей Вануйто, тогда сотрудник, а в будущем директор ямальского департамента КМНС, Ольга Сытник – корреспондент журнала «Ямальский меридиан», редактор отдела по вопросам коренных малочисленных народов газеты «Красный Север» Александра Мещерякова, ямальский художник Леонид Лар. Сетевое общение позволило объединить просветителей не только ЯНАО, но и НАО, к группе примкнули помощник губернатора НАО Ирина Коткина и заслуженный методист НАО Роза Ивановна Канюкова. Страница действует и сегодня (Лаханава), на ней пишут те, кто хочет общаться по-ненецки; организации, связанные с Севером, Ассоциация КМНСС и ДВ РФ, например, размещают важные сообщения. Многие ненцы, студенты ИНС были и до сих пор являются членами сообщества.

2.4. Расширение области применения языка

Каждый язык развивается, только когда формирует своими средствами или заимствует слова для обозначения предметов и событий окружающей действительности. Представители малочисленных народов Севера столкнулись с необходимостью номинации на своих языках новых явлений, понятий, новых способов жизни, если хотят сохраниться как нация. Как решает эти задачи ненецкий язык? В начале 2000-х годов студенты-ненцы Екатерина Салиндер и Руслан Салиндер перевели тексты, типичные для молодых жителей города – институт, магазин, общежитие, музей. К сожалению, тогда проект не удалось завершить по объективным причинам. Такую же задачу – доказать жизнеспособность своего языка, способность охвата новых лексико-семантических полей – предложили участникам Международного конкурса письменного перевода “Digital Arctic Transfer” в 2023 г., где ненка Татьяна Сэротэтто показывала возможности своего языка рядом со знающими русский, английский, немецкий, французский, китайский языки. Конкурс проводился кафедрой перевода и прикладной лингвистики Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Научно-образовательным центром

«Интегративное переводоведение приарктического пространства», Управлением международного сотрудничества САФУ, Архангельским региональным отделением Союза переводчиков России и Консорциумом федеральных университетов. Содержанием текстов для перевода были реалии, давно привычные для многофункциональных государственных языков, но перевести на ненецкий язык фразы «лауреат премии правительства Москвы», «я была ещё в студенческие годы на практике», «исследование посвящено изменениям относительного уровня моря и динамике арктических берегов» и подобные было непросто. Переводчица старалась использовать знакомые ненецкие слова так, как если бы объясняла предмет своей бабушке.

Проблемы создания современной терминологии стоят перед носителями малых языков, если носители стремятся сохранить свою идентичность, чтобы язык не стал музейной редкостью, чтобы использовался молодыми. Понятно, что решить проблему без административной финансовой помощи практически нереально, но азарт и вдохновение знатоков и любителей своих языков и обычаев тоже необходимы. Более того, без участия таких знатоков никакие административные действия не приносят какого-нибудь, тем более долгосрочного результата, что доказывается последними годами истории наших языков.

2.5. Полевые исследования

Мы приветствуем случаи, когда наши студенты самостоятельно собирают языковой материал, не только находят чужие записи, но фиксируют, как старики исполняют старинные легенды, поют песни, и потом делают свои результаты доступными для национального и для научного сообществ. Сегодня нетрудно получить довольно много образцов исполнения произведений разного жанра, даже шаманских камланий. Одна из задач ИНС – научить наших ребят получать нужную и надежную информацию, уметь оценивать достоверность и значимость найденного материала и популяризировать его. Например, Галина Дунаева на занятиях показала фильм о мансийском шамане Эквас Ойка, снятый ее родственниками.

Галина Косыгина (Ядне) в выпускной работе «Эпические песни в фольклоре ненцев» записала и проанализировала исполнение произведения устного народного творчества ненцев своей землячкой. В полевом исследовании, проведенном ею в ЯНАО, Ямальском районе, п. Сюнай-Сале было собрано несколько песен, которые исполняли пожилые члены семьи Окотэтто, мастерски владеющие ненецким языком и знающие устное народное творчество, коренные жители Ямала. Галина анализирует *ябе сё* (пьяные песни), которые исполняют ненцы в состоянии душевного подъема. Это не жанр, а манера исполнения. Галина Косыгина причисляет такие песни к *хынабць*, песенному жанру ненецкого творчества, в чем с ней можно согласиться (о жанрах ненецких песен *хынабць* см.: [Пушкарева, 2000: 8]). В *хынабць* действия

предстают как события мирового масштаба. В работе записаны песни *Яптик небям* (Мать-моя Яптик), *Хунгальянд ню* (Сын Хунгали) [Косыгина, 2014].

2.6. Практическая деятельность

Во время обучения студенты могут пробовать свои силы в решении разных задач, приобретая навыки как практической работы, так и научных изысканий. Виктория Худи в 2023 г. окончившая бакалавриат, свою выпускную работу «Методика педагогической профориентации по курсу “Кочевой учитель” для выпускников школ Ямала» написала на основании своей практической деятельности. В. Худи предложила методику преподавания курса «кочевой учитель» для школ и разработала программу преподавания этого элективного курса для старшеклассников Ямала [Худи, 2023]. Поступив в магистратуру, она заинтересовалась новой проблемой этнического самосознания – гендерными различиями в языке и поведении тундровых ненцев. Такого исследования, тем более обращаясь к личному опыту, еще никто не проводил, тема, несомненно, требует внимательного изучения.

2.7. Традиция сохранения и популяризации родного языка

Интерес к научной работе свойствен не только студентам последних лет. Многие выпускники факультета народов Крайнего Севера предыдущих годов сохраняют свой язык и традиции, собирая и издавая художественные тексты, создавая учебники для различных возрастов. Имена выпускников ФНКС Марии Яковлевны Бармич, Аркадия Ивановича Гашилова, Дарьи Спиридоновны Болиной, которые давно и результативно привлекают внимание к родному языку, создают дидактические пособия, хорошо известны саамедологам. Нина Николаевна Миронова, йоканьгская саами по национальности, окончила ФНКС в 1960 г. Так сложилась судьба, что ей не удалось попасть в аспирантуру к Г.М. Керту заниматься родным саамским языком, и она 40 лет проработала учителем русского языка и литературы в школе поселка Умба, но Нина Николаевна чувствовала необходимость содействовать сохранению своего языка и национальных особенностей своего народа. Очень долгое время она была председателем Терского отделения Ассоциации Кольских саамов. Она собирала и классифицировала лексический материал родного йоканьгского саамского языка. В результате кропотливой работы Н.Н. Миронова создала небольшой словарь и составила разговорник на этом языке. Кроме того, она описала историю своей семьи, родной деревни Йоканьга, уже покинутой сегодня жителями, с позиции самого представителя этноса. Две части истории Йоканьги уже опубликованы [Миронова, 2009; 2017]. И хотя словарь невелик (немного больше сотни слов), но на сегодня это единственный словарь йоканьгского саамского, собранный самим

представителем этноса. В процессе работы Нина Николаевна произнесла несколько текстов на йоканьгском саамском, и мы их записали. Сейчас на кафедре уральских языков с помощью саамских студентов готовится публикация материалов Н.Н. Мироновой.

2.8. Привлечение студентов к конкретным проектам

Сейчас на кафедре запущен проект, с помощью которого студенты обучаются методам научной работы. Студенты разных языковых специальностей составляют сомонимический словарь. Человеческое тело – естественный образец для сравнения, соизмерения. Языковая картина мира – это описание пространства посредством в первую очередь лексики языка, известной и понятной всем носителям данного языка, т.е. явления и предметы, значимые в жизни сообщества получают свои обозначения-названия. Одними из первых у человека будут ощущения, вызванные контактом с окружающей действительностью, из чего происходит оценка своего тела, своих эмоций, реакций. Названия частей тела относятся к базовой лексике – примерно 3 десятка слов с таким значением включил в свой словарь Сопоставительного словаря П.С. Паллас, почти столько же названий частей тела человека и животных входят в 100-словный список Сводеша (приблизительность объясняется разными оценками таких слов, как яйцо, рог, перо). Многие народы до сих пор используют такие единицы измерения, как голова, локоть, фут, палец. «Глубинная, принципиальная общность всех языков предопределяется тем, что все они являются “ответом” единого человеческого разума на одну и ту же задачу: познания Мира, который окружает человека и частицей которого является он сам со своим внутренним миром» [Черемисина, 1992: 78]. «Базовые» сомонимы также входят в этимологические словари уральских языков.

Словник названий лица и его частей, которые относятся к базовой части лексики, составлен с опорой на словарь П.С. Палласа (1787; 1789), первый сопоставительный словарь на русском языке, который включает 240 слов – основных понятий для человека, где из 30 слов-названий частей тела 12 предназначены для обозначения лица и его частей, что практически совпадает с лексикой в 100-словном списке Сводеша. Отдельные названия элементов человеческого организма, такие как капилляры, сердечный клапан и др., открытые относительно недавно, в нашем списке не использованы.

Тема разработана достаточно детально для ряда языков России, в частности для русского и отдельных уральских языков Севера. Больше всего исследований на материале хантыйского языка (шурышкарский и казымский диалекты), есть несколько работ по мансийскому языку, выполнены отдельные исследования по селькупскому, ненецкому языкам. Изучив выражения с сомонимами в саамском языке, О.Н. Иванищева говорит, что они передают антропоцентричную

модель видения мира. Анализ некоторых разделов соматической лексики проведен для ненецкого языка. Практически нет исследований этого лексического пласта для вепсского языка. Соматическая лексика как «мерило» окружающего пространства рассмотрена только для хантыйского языка Викторией Ивановной Сподиной. Это тем более интересно, что в традиционных культурах Севера картина мира не антропоцентрична – мир не был создан для человека.

Для сопоставимого представления объемного материала соматической лексики пока мы используем таблицу EXEL, которая позволяет легко расширять число выделенных параметров, сопрягать данные этой таблицы с данными других таблиц. Сейчас наша таблица организована так: мы составили словник исходя из базовой лексики, использующейся в быту. Это чисто искусственное деление для иллюстрирования процесса. Формат EXEL позволяет представить каждый язык или вариант (диалект) в отдельной вкладке.

3. Заключение

Рассмотренные примеры участия студентов ИНС РГПУ в популяризации своих языков и культур в целом показывают, что заинтересованность общества, в первую очередь ближайшего окружения, в знании своих традиций и особенностей, своего прошлого стимулирует их к дальнейшему результативному постижению уникальных свойств своих языков и культур. Наши студенты вдохновились открывшимися перед ними новыми возможностями получения и анализа информации, публичного представления своих достижений, своей востребованностью.

Литература

- Вегнер Ю.* (2019) На Ямале стартовал проект «Ненецкий за пять минут» // МК Ямал 20.10. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mk-yamal.ru/social/2019/10/20/na-yamale-startoval-proekt-nenetskiy-za-5-minut.html> Дата обращения: 28.09.2023
- Гафт А.М.* (2016) Полиэтничность современной России // Вестник Югорского Государственного университета. № 1 (40). С. 58–64
- Комикс «Кунг-фу панда» (2018) Комикс «Кунг-фу панда» перевели на ненецкий // Красный Север 17.01. [Электронный ресурс] Красный Север. Лента новостей. Режим доступа: <https://ks-yanao.ru/news/obschestvo/komiks-kung-fu-panda-pereveli-na-nenetskiy-on-prevratilsya-v-padvy-vark> Дата обращения: 28.09.2023
- Косыгина Г.Я.* (2014) Эпические песни в фольклоре ненцев. ВКР. СПб.: ИНС РГПУ.
- Лаханова. Группа для тех кто общается на родном ненецком языке. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://vk.com/lahanava> Дата обращения: 28.09.2023
- Миронова Н.Н.* (2009) Йоканьга. Мурманск.
- Миронова Н.Н.* (2017) Йоканьга: Ч. 2. Мурманск.
- Миленина Е.* (2018) Ямальцы нарисовали второй комикс на ненецком языке // Красный Север 31.01. [Электронный ресурс] Красный Север. Лента новостей Режим доступа: <https://ks-yanao.ru/news/obschestvo/yamaltsy-narisovali-vtoroy-komiks-na-nenetskom-yazyke> Обращение 28.09.2023

- Ненецкие разговоры (2019) Ненецкий клуб «Вада» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=sLaTyAU0sIg> Дата обращения: 28.09.2023.
- Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 (2000) № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/181870/> Дата обращения: 25.09.2023
- Терехина А.Н. (2017) Кочевые школы: ограничения или возможности? // Этнографическое обозрение. № 2. С. 137–153.
- Терехина А.Н. (2018) «Учебная нарта» и керосинка, или Tundraskills для кочевого воспитателя // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 42–66. DOI: 10.17223/2312461X/22/3.
- Терехина А.Н. (2021) Кочевая школа в современной системе образования для народов Севера РФ: Концепции, дискурсы и практики. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.
- Худи В.Б. (2023) Методика педагогической профориентации по курсу «Кочевой учитель» для выпускников школ Ямала. ВКР. СПб.: ИНС РГПУ. 2023.
- Черемисина М.И. (1992) Языки коренных народов Сибири: Уч. пособие. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т.

References

- Vegner, Yu. (2019) Na Yamale startoval proyekt “Nenetskiy za pyat' minut” // МК Yamal 20.10. [The “Nenets in Five Minutes” project started in Yamal // МК Yamal 10.20]. Electronic resource. Available at: <https://www.mk-yamal.ru/social/2019/10/20/na-yamale-startoval-proekt-neneckiy-za-5-minut.html>. Access date: 28.09.2023. (In Russ.)
- Gaft, A.M. (2016) Polietnichnost' sovremennoy Rossii // Vestnik Yugorskogo Gosudarstvennogo universiteta [Polyethnicity of modern Russia // Bulletin of Ugra State University]. No. 1 (40). Pp. 58–64. (In Russ.)
- Komiks «Kung-fu panda» (2018) Komiks «Kung-fu panda» pereveli na nenetskiy // Krasnyy Sever 17.01. Krasnyy Sever. Lenta novostey [Comic “Kung Fu Panda” (2018) Comic “Kung Fu Panda” was translated into Nenets // Red North 17.01]. [Electronic resource: Red North. News feed]. Available at: <https://ks-yanao.ru/news/obschestvo/komiks-kung-fu-panda-pereveli-na-nenetskiy-on-prevratilsya-v-padvy-vark>. Access date: 28.09.2023. (In Russ.)
- Kosygina, G.YA. (2014) Epicheskie pesni v fol'klоре nentsev [Epic songs in Nenets folklore]. VKR. SPb.: INS RGPU. (In Russ.)
- Lakhanava. Gruppa dlya tekh kto obshchayetsya na rodnom nenetskom yazyke [Chat group for those who communicate in the Nenets mother tongue]. Electronic resource. Available at: <https://vk.com/lakhanava>. Access date: 28.09.2023. (In Russ.)
- Mironova, N.N. (2009) Yokan'ga [Yokanga]. Murmansk. (In Russ.)
- Mironova, N.N. (2017) Yokan'ga: Ch. 2 [Yokanga:2]. Murmansk. (In Russ.)
- Milenina, Ye. (2018) Yamal'tsy narisovali vtoroy komiks na nenetskom yazyke [Yamal residents drew a second comic book in the Nenets language] // Krasnyy Sever 31.01. Available at: <https://ks-yanao.ru/news/obschestvo/yamal'tsy-narisovali-vtoroy-komiks-na-nenetskom-yazyke>. Access date: 28.09.2023. (In Russ.)
- Nenetskiye razgovory (2019) Nenetskiy klub «Vada» [Nenets conversations. Nenets club “Vada”]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=sLaTyAU0sIg>. Access date: 28.09.2023.
- Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.03.2000 No. 255 "O Yedinom perechne korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii" (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Decree of the Government of the Russian Federation of March 24, 2000 N255 “On the Unified List of Indigenous Minorities of the Russian Federation” (with amendments and additions)]. Electronic resource. Available at: <https://base.garant.ru/181870/>. Access date: 25.09.2023. (In Russ.)
- Terekhina, A.N. (2017) Kochevye shkoly: ogranicheniya ili vozmozhnosti? // Etnograficheskoe obozreniye [Nomadic schools: limitations or opportunities? // Ethnographic review]. No. 2. Pp. 137–153. (In Russ.)

- Terekhina, A.N.* (2018) «Uchebnaya narta» i kerosinka, ili *tundraskills* dlya kochevogo vospitatelya // Sibirskie istoricheskie issledovaniya [“Training sledge” and kerosene stove, or *tundraskills* for a nomadic educator // Siberian Historical Studies]. No. 4. Pp. 42–66. DOI: 10.17223/2312461X/22/3. (In Russ.)
- Terekhina, A.N.* (2021) Kochevaya shkola v sovremennoy sisteme obrazovaniya dlya narodov Severa RF: Kontseptsii, diskursy i praktiki [Nomadic school in the modern education system for the peoples of the North of the Russian Federation: Concepts, discourses and practices]. KD. Moskva: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN. (In Russ.)
- Khudi, V.B.* (2023) Metodika pedagogicheskoy proforiyentsii po kursu «Kochevoy uchitel'» dlya vypusnikov shkol Yamala [Methodology of pedagogical career guidance for the course “Nomadic teacher” for graduates of Yamal schools]. VKR. SPb.: INS RGPU. 2023. (In Russ.)
- Cheremisina, M.I.* (1992) YAzyki korennykh narodov Sibiri [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Textbook. Novosibirsk: Novosibirsk State university (In Russ.)

Люблинская Марина Дмитриевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела Языки народов России Института лингвистических исследований РАН; доцент кафедры Уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

<https://orcid.org/0000-0002-8027-4006>

Адрес: 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

Эл. адрес: md.lyublinskaya@yandex.ru

Валенкова Виктория Васильевна – преподаватель кафедры Уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

<https://orcid.org/0009-0002-8428-0443>

Адрес: 198097, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Стачек, 30.

Эл. адрес: wikusia@inbox.ru

Lyublinskaya Marina Dmitrievna – Candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Department of Languages of the Peoples of Russia at the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of Ural Languages, Folklore and Literature of the Institute of Northern Peoples of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen.

<https://orcid.org/0000-0002-8027-4006>

Address: 199053, Russia, St. Petersburg, Tuchkov lane, 9.

Email: md.lyublinskaya@yandex.ru

Valenkova Victoria Vasilyevna – teacher of the Department of Ural languages, folklore and literature of the Institute of Northern Peoples of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen.

<https://orcid.org/0009-0002-8428-0443>

Address: 198097, Russia, St. Petersburg, Stachek Ave., 30.

Email: wikusia@inbox.ru

Для цитирования: *Люблинская М.Д., Валенкова В.В.* Преподавание языка как способ укрепления национального самосознания // *Социолингвистика*. 2024. № 1 (17). С. 91–103. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-91-103

For citation: *Lublinskaya, M.D., Valenkova, V.V.* Language teaching as a way to strengthen national identity // *Sociolinguistika*. 2024. No 1 (17). С. 91–103. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-91-103

The article was submitted 07.10.2023;
approved after reviewing 15.11.2023;
accepted for publication 22.01.2024.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО
YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

УДК 811.414.23

DOI:10.37892/2713-2951-1-17-104-114

**INTERNATIONAL VS. AFRICAN LANGUAGES: THE INFLUENCE OF ARABIC
AND ENGLISH ON THE DEVELOPMENT OF THE HAUSA LANGUAGE
IN THE HAUSA DIASPORA IN SUDAN**

Muhammad Nooh M. Osman

Moscow State Linguistic University,
Russian Federation

The author discusses an under-researched topic of the language situation in African Sudan with its language diversity and richness of cultures with the focus on Sudanese Hausa. The author also highlights main sociolinguistic rights and obligations of the Hausa population in Sudan. Their native language endures impact of major international languages, such as Arabic and English, affecting Hausa vocabulary, grammar, pronunciation, and writing system. Furthermore, the article is addressed the problem of the changes in the field of linguistic identity and loyalty to the mother tongue of Sudanese Hausa speakers, as well as their mother tongue development in the face of the above-mentioned influences and means for the language preservation. The author represents a dilemma of key advantages and disadvantages in using native African languages as opposed to global international languages in terms of the communication, education, and trade opportunities of the African population. The author addresses the problem of changes in the Hausa vocabulary and linguistic identity of Hausa speakers, and demonstrates the main functions of the Hausa language in Sudan, identifying some of the challenges to the development and preservation of the Hausa language.

Keywords: diaspora, mother tongue, diasporic language, Sudanese Hausa, Arabic, preservation of the Hausa language in Sudan, African Ajami script, Sudanic Africa

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Muhammad Nooh M. Osman, 2024

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ VS. АФРИКАНСКИЕ ЯЗЫКИ:
ВЛИЯНИЕ АРАБСКОГО И АНГЛИЙСКОГО НА РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА ХАУСА
В ДИАСПОРЕ ХАУСА В СУДАНЕ**

Мухаммад Нух М. Осман

Московский государственный лингвистический университет,
Российская Федерация

Автор поднимает малоизученную тему языковой ситуации в Судане в Африке с языковым разнообразием и богатством культур страны, уделяя особое внимание суданскому языку хауса; выделяет основные вопросы, связанные с социолингвистическими правами и обязанностями населения хауса в Судане. Родной язык хаусанцев подвергается влиянию основных международных языков, таких как арабский и английский, что оказывает влияние на словарный запас, грамматику, произношение и систему письма хауса. Кроме того,

рассматривается ряд проблем, связанных с изменениями в сфере языковой идентичности и лояльности по отношению к родному языку суданских носителей хауса, а также с развитием их родного языка в условиях этих разнородных влияний и пути его сохранения. Автор представляет дилемму ключевых преимуществ и недостатков использования коренных африканских языков по сравнению с глобальными интернациональными языками с точки зрения общения, образования и торговых возможностей африканского населения, а также обращается к проблеме изменения лексики хауса и языковой идентичности носителей хауса, демонстрируя основные функции языка хауса в Судане и выявляя некоторые проблемы развития и сохранения языка хауса.

Ключевые слова: диаспора, родной язык, диаспоральный язык, суданский хауса, арабский язык, койсан, сохранение языка хауса в Судане, африканская письменность аджами, суданская Африка

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Мухаммад Нух М. Осман, 2024

1. Introduction: International and African languages

Africa is a continent of immense linguistic diversity and complexity, with over 2,000 languages belonging to four major language families: Niger-Congo, Nilo-Saharan, Afroasiatic, and Khoisan. These languages reflect the diversity and richness of Africa peoples' cultures and histories, but they also face some challenges due to colonialism, globalization, and marginalization. One of the challenges of the development of African languages is the influence of international languages, such as Arabic and English. The article is focused on the case of the Hausa language in Sudan, and how the major languages affect the vocabulary, grammar, pronunciation, and writing system of African Hausa, in particular Sudanese Hausa. We also address the problem of changes – following the impact of global languages – in the linguistic identity and diversity of African speakers, in particular Hausa speakers, Hausawa (autonyms for singular are: m. *Bahaushe*, f. *Bahaushiya*), as well as how African languages develop under these effects and how to preserve these African languages.

International languages in Africa are spoken by people from different countries and continents. These are six official languages of the United Nations (UN) – English, Spanish, French, Chinese, Russian and Arabic. These languages have a wider reach and influence than other languages because they are used as official languages in many countries around the world. They are also used as *lingua francas* or common languages for communication among people who speak different languages. Some of the advantages of using international languages in Africa are that they can facilitate communication, education, and trade across borders and regions and provide access to global knowledge and information. However, as a disadvantage they endanger the vitality and diversity of African languages, and impose foreign values and ideologies on African languages speakers [Kamwangamalu, 2016].

African languages, on the other hand, are those that are spoken by people from different countries in Africa. Africa is home to approximately one-third of the world's languages, with over 2,000

distinct languages belonging to four major language families: Niger-Congo, Nilo-Saharan, Afroasiatic, and Khoisan [Ekkehard Wolff, 2016]. These languages reflect the diversity and richness of Africa's cultures and histories, but they also face some challenges due to colonialism, globalization, and marginalization. Some of the advantages of using African languages in Africa are that they can express the identity and culture of African speakers, and that they can preserve the linguistic and cultural heritage of Africa. However, some of the disadvantages are that they can limit the communication, education, and trade opportunities of African speakers, and that they can experience shortage of the resources and support for their development and preservation [Osborn, 2010].

2. The most widely spoken indigenous languages in Africa

The most widely spoken indigenous African languages are: Swahili (100–150 million speakers mainly in East and Central Africa), Hausa (70–100 million speakers mainly in West and Central Africa), Berber (40–56 million speakers mainly in North Africa), and Oromo (35 million speakers mainly in East Africa) [Language and National Identity in Africa, 2008]. These languages are also official in some African countries, such as Tanzania, Kenya, Uganda, Rwanda, Burundi, Niger Republic, Nigeria, Algeria, Morocco, Ethiopia, and Somalia.

These languages have influenced or been influenced by other languages in the region of Africa and in broader region. For example, Swahili has borrowed many words from Arabic, Persian, Portuguese, and English, and has also spread its words to other African languages, such as Lingala, Shona, and Zulu. Hausa has borrowed many words from Arabic, English, and French, and has also served as a *lingua franca* for many other African languages, such as Fulani, Kanuri, and Zarma [Lefebvre, 2023]. Berber has borrowed many words from Arabic, Latin, and French, and in its turn influenced some Arabic dialects spoken in North Africa. Oromo has borrowed many words from Arabic, Somali, and Amharic, but has also influenced the Cushitic languages spoken in East Africa.

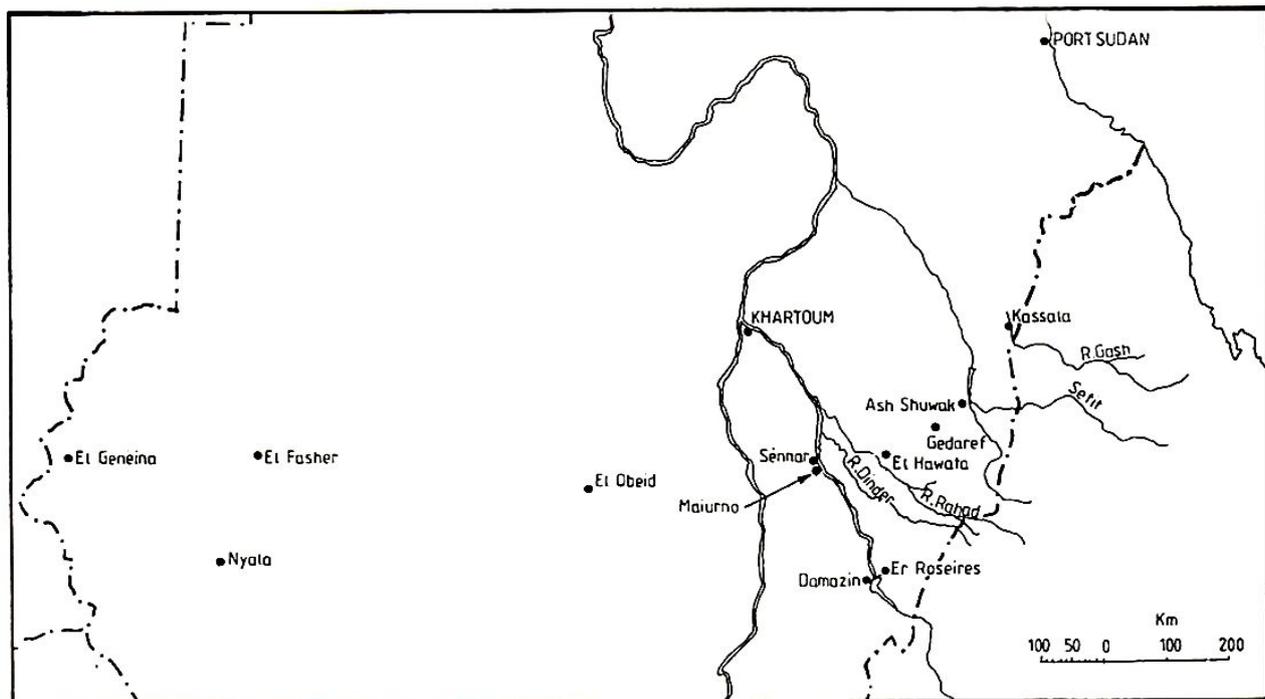
Some of the factors that have contributed to the spread and popularity of these languages are: migration, trade, religion, and media. So, Hausa spread through migration and trade of the Hausa people across West and Central Africa, as well as through the adoption of Islam and the use of the Ajami script, which is based on the Arabic writing.

3. Hausa language and population in Sudan

Hausa, also known as Abakwariga, Habe, Haoussa, Halsen, Harsen, Hawsa, Hausawa, Kado or Mgbakpa²¹ is a Chadic language belonging to the Afro-Asiatic language family [Porkhomovskiy, 1990].

²¹ See also: (<https://www.omniglot.com/writing/hausa.htm>).

It is spoken as a first or second language by about 70–100 million people in West and Central Africa. Hausa is also used as a lingua franca by millions of people in other African countries, including Sudan, where it is spoken by about 3–10 million people in the western, central, and eastern regions of the country, particularly in the Darfur region, Al-Jazira State, and the eastern states of Kassala, Gedaref, Sennar, and Blue Nile (see map below) [Abu-Manga, 1999]. In addition to the Hausa people, the Hausa language is sometimes spoken in Sudan by members of other ethnic groups, such as the Fulani, Kanuri, and Borno diaspora²².

Map: Important sites of the geographical distribution of the Hausa in the Western, Central and Eastern Sudan.

Figure. 1

Hausa speakers in Sudan have a long history of migration and trade with other regions of Africa [Adamu, 1984]. The Hausa and their neighbours in the central Sudan. They first arrived in Sudan in the 14th century, as part of the trans-Saharan trade and pilgrimage networks that linked West Africa with North Africa and the Middle East. They settled in various villages and towns along these routes, such as Darfur, Kordofan, and Jazirah, where they were engaged in commerce, agriculture, and crafts. They actively took part in the pilgrimage to Mecca, which exposed them to Islamic culture and learning. These people established their own communities and institutions, such as mosques, schools, and markets, where they maintained their language and culture. Hausa people widely interacted with other

²² On the situation of Hausa language and people in the 20th century see also: [Philips, 2004].

ethnic groups and regions, such as the Arabs, the Nubians, and the Funj, through trade, marriage, and politics. They contributed to the cultural and social diversity of Sudan, especially in the fields of music, cuisine, and literature. In terms of food, the Hausa are famous for enriching Sudanese cuisine by way of introducing and spreading several kinds of food across Sudan, including the famous “Agashie” (grilled kebabs of beef, lamb or chicken seasoned with spices and peanut powder and served with onions and lime juice). Today, “Agashe” remained the number one beloved street food across Sudan. Hausa also introduced “Godogodo”, a delicious porridge [Ali, 2023; Dobronravin, Popov, 2017].

Hausa has a number of geographical dialects, marked by differences in pronunciation and vocabulary. Hausa spoken in Sudan has some distinctive linguistic features and varieties, compared to Hausa spoken in other countries. For example, Hausa spoken in Sudan has more Arabic loanwords than the variety spoken in Nigeria or Niger, due to the closer contact and influence of Arabic in Sudan. Sudanese Hausa also has some regional variations, such as the Darfur dialect, the Kordofan dialect, and the Jazirah dialect, which differ in terms of vocabulary, pronunciation, and grammar. These variations reflect the geographic and social diversity of the Hausa speakers in Sudan, as well as their contact and interaction with other languages and dialects.

4. The influence of Arabic language on the development of Hausa language in Sudan

Arabic is the first official language in Sudan, where it is spoken by most of the population. Arabic is also the most important source of borrowing for Hausa, as it has contributed a large number of words dealing with religion (Islam), government, law, culture, literature, science, and warfare. In fact, the Arabic and Hausa languages are classified within the Afro-Asiatic family of languages because of the kith and kin relationships between the two languages [Noorain, Mohammed, Alhaj, 2020]. According to some studies, Arabic loanwords constitute about 25 % of the Hausa vocabulary, and they are more prevalent in formal, religious, and technical registers than in informal, everyday, and colloquial registers [Greenberg, 1947]. Arabic loanwords have been integrated into the Hausa grammatical system, and some of them have even replaced the original Hausa words. For example, the word for ‘governor’ in Hausa is *Hakimi*, which is derived from the Arabic word (حَاكِمٌ – *hakimun*). The original Hausa word for ‘governor’ was Sarki, which now means ‘king’ or ‘chief’.

Here are more examples of Arabic loanwords in Hausa language:

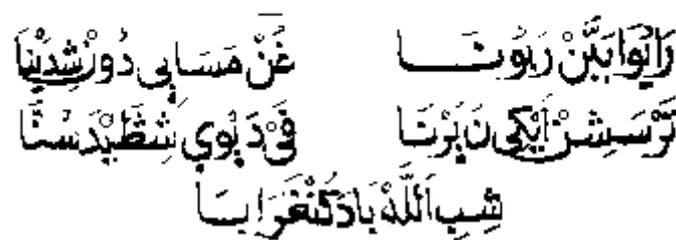
Table 1

Examples of Arabic loanwords in Hausa language

Arabic origin	Hausa	Meaning
<i>hikma</i>	<i>hikima</i>	wisdom
<i>iyal</i>	<i>iyali</i>	family
<i>maqaam</i>	<i>muqami</i>	position
<i>jidat</i>	<i>jidali</i>	argument
<i>rahim</i>	<i>rahim</i>	merciful
<i>rabuna</i>	<i>rabbana</i>	our lord
<i>wajib</i>	<i>wajibi</i>	duty
<i>salat</i>	<i>salla</i>	prayer
<i>ghafar (verb)</i>	<i>gafaraa (noun)</i>	forgive/forgiveness
<i>salam</i>	<i>sallama</i>	peace/greeting

Arabic has also influenced the writing system of Hausa, which previously used a modified version of the Arabic script called Ajami. This was used in Hausa literature to write down historical, religious and legal texts, as well as poetry. However, Ajami was not standardized and had some limitations in representing the Hausa sounds and tones, opening the possibility of different writers using letters with different values [Bondarev, Dobronravin, 2019; Ngom, Rodima-Taylor, Robinson, 2023].

Sample text in ajami

رَايُوَابِن رَايُونَا
 تَرَسِشَرَايِكِي نَايُونَا
 عَن مَسَايِي دُونِ شَيْنَا
 فِي دَايُونِي شَيْطَانِنَا
 شِيْبِ اللّٰه بَادَا كَانْغَرَايَا

Rāyuwā bābban ràbō nā, Gun masāfi don shi dainā,
 Tāfšashin aiki na bāfna, Fāi dà bōye shi tsai dà sunnā,
 Shī bi Allāh bā dà kàngarā ba.

A verse from Aljiyu Namangi, Imfiraji, Part 3 (Verse 3)

Fig. 2. Sample text in Ajami²³

²³ The example is taken from: (<https://www.omniglot.com/writing/hausa.htm>).

Aside from the influence of Arabic language on the development of Hausa language in Sudan, Hausa has also influenced Sudanese Arabic in some degree as a result of this interaction, though this influence is way more less than that of Arabic on Hausa. As a result of this interaction, Arabic in Sudan borrowed some vocabulary from the Hausa language. These are usually the names of traditional Hausa dishes and products that have become part of the national dishes of Sudan, such as Agashe (grilled meat in as special sauce and coating), Gado-gado (a dish made from millet, yogurt, sugar, tahini, jam, biscuits, and ginger), Goro (*Cola acuminata*), etc.

5. The influence of English language on the development of Hausa language in Sudan

English is the second official language in Sudan and is widely spoken, especially among the educated elite and the younger generation. It is also another source of borrowing for Hausa, not only in the historic homeland for the Hausa people, Nigeria, where it is the official language and medium of education, but also in Sudan. English has introduced many words related to modern science and technology, philosophy and ideology into Hausa. For example, the word for “computer” in Hausa is *kwamfuta*, which is derived from the original English word of the same meaning.

Here are some examples of English loanwords used in in Hausa language.

Table 2

Examples of English loanwords in Hausa language

English origin	Hausa
<i>book</i>	<i>buku</i>
<i>cassette</i>	<i>kaseta</i>
<i>passport</i>	<i>fasfot</i>
<i>quality</i>	<i>kwaliti</i>
<i>secondary</i>	<i>sekondari</i>
<i>train</i>	<i>tirin</i>
<i>zone</i>	<i>zauna</i>
<i>motor</i>	<i>mota</i>
<i>telephone</i>	<i>talifon</i>
<i>class</i>	<i>kilasi</i>

English has also influenced the Hausa writing system, which currently uses a Latin-based alphabet with the addition of modified letters that represent glottalized consonants called Boko,

originally meaning “sham” or “deceit” [Ekkehard Wolff, 1998]. Boko was introduced by the British colonial administration and missionaries in the 19th and 20th centuries, and was later adopted by the Hausa Language Board in 1956. Boko is more standardized and consistent than Ajami, and represent the Hausa sounds and tones more accurately. However, this doesn't mean that Arabic and Ajami were abolished or replaced by English and Boko. In fact, Arabic and its Ajami writing continued to be used by many Hausa speakers, especially for religious and literary purposes, while English and Boko were mainly used for administrative and educational purposes [Abu-Manga, 1999: 163–192].

6. Some of the challenges to the development and preservation of the Hausa language in Sudan

Some of the challenges facing Hausa language in Sudan are:

1. Lack of recognition and support, language shift and loss, and linguistic interference and change. Hausa is not an official language in Sudan, unlike Arabic and English, which are used in government, education, media, and business. This means that Hausa speakers have less access to public services, information, and opportunities in their language, and that the Hausa language and culture are not fully recognized and valued and are not promoted by the state. This may lead to a loss of confidence and pride in language and identity among native speakers, and a preference for Arabic or English over Hausa. See also [Abdelhay et al., 2015].

2. Hausa speakers may face discrimination and marginalization from the dominant groups in Sudan, especially in the context of ethnic and political conflicts. Sudan has a history of civil wars and violence between the Arab-dominated north and the African-dominated south, as well as between the central government and the peripheral regions. Hausa speakers, who are mostly located in the western, central, and eastern regions of Sudan, may be caught in the crossfire of these conflicts, and may be targeted or persecuted for their ethnic and religious affiliation. This may force them to flee their homes, abandon their language and culture, or assimilate to the dominant groups.

3. Hausa speakers may also lack access to resources and opportunities to learn and use their language. There are few or no schools, books, newspapers, radio stations, or television channels that use or teach Hausa in Sudan. There are also few or no organizations, associations, or movements that support or advocate for Hausa language and culture in Sudan. This may result in a low level of literacy, education, and awareness among Hausa speakers, and a lack of transmission and development of their language and culture.

4. Hausa speakers may opt for Arabic or English for social and economic reasons, such as education, employment, mobility, and prestige. Arabic and English are seen as more useful and prestigious languages than Hausa in Sudan, as they can provide access to higher education, better jobs, wider

markets, and global networks. Hausa speakers may therefore choose to learn and use Arabic or English instead of Hausa, especially in urban and formal settings, and especially among the younger generation. This may result in language shift, where Hausa is used less frequently or only in certain domains, such as home and religion. These factors may eventually lead to language loss, where Hausa is no longer spoken or transmitted to the younger generations. Language loss may have negative effects on the linguistic and cultural diversity of Sudan, as well as on the social and psychological well-being of Hausa speakers. Language loss may also result in the loss of valuable knowledge, wisdom, and heritage that are embedded in Hausa language and culture.

These factors may eventually lead to language loss, where Hausa is no longer spoken or transmitted to the younger generations.

7. Conclusion

In conclusion, I would like to say that Hausa is a diverse and dynamic language that reflects the history, identity, and culture of its speakers. Hausa may be influenced by Arabic or English in terms of vocabulary, grammar, pronunciation, and writing system. Hausa may borrow words from these languages to express new concepts or realities, or to adapt to different contexts. Hausa may also change its structure or sound system to accommodate the influence of these languages. These changes may affect the linguistic identity and diversity of Hausa. However, Hausa speakers in Sudan may be at risk of language loss due to political, social, and economic factors. Therefore, I suggest that Hausa speakers and supporters in Sudan need to:

1. Promote the value and vitality of their language, as well as its cultural and historical significance.
2. Create more spaces and opportunities for learning and using Hausa in various domains and settings.
3. Document and preserve the linguistic features and varieties of Hausa, as well as its oral and written traditions.

These efforts, along with others, can help ensure the development and preservation of the Hausa language in Sudan and beyond.

I also suggest that further research is needed to explore the current situation and future prospects of Hausa language and culture in Sudan, and to compare and contrast it with other countries where Hausa is spoken. This can provide more insights and understanding of the dynamics and challenges of Hausa language and culture in Africa and the world.

References

- Abdelhay, A., Abu-Manga, A., Mille, C.* (2015) Language Policy and Planning in Sudan. From Local Vernaculars to National Languages Ashraf // B. Casciarri, M.A.M. Assal, F. Ireton. Multidimensional Change in the Republic of Sudan (1989–2011). Reshaping Livelihoods, Conflicts and Identities, Berghahn. Pp. 263–280.
- Abu-Manga, A.* (1999) Hausa in the Sudan: Process of Adaptation to Arabic. Köln: Rüdiger Köppe Verlag. 210 P. (especially Ch. 7: Process of Adaptation in Sudanese Hausa. Pp. 163–192).
- Adamu, M.* (1984) The Hausa and their neighbours in the central Sudan // General history of Africa, IV: Africa from the twelfth to the sixteenth century. No. 4. Pp. 266–300.
- Bondarev, D., Dobronravin, N.* (2019) Standardisation Tendencies in Kanuri and Hausa Ajami Writings // Creating Standards: Interactions with Arabic script in 12 manuscript cultures / Ed. D. Bondarev, A. Gori and L. Souag. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. Pp. 237–270. DOI: 10.1515/9783110639063-010 (In Russ.).
- Dobronravin, N.A., Popov, V.A.* (2017) Hausa [Hausa] // Bolsh'aya Rossiyskaya encyclopediya [Big Russian encyclopaedia]. M. Vol. 33. (In Russ.)
- Ekkehard, W.H.* (1998) Hausa language: History, Grammar & Vocabulary // Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/topic/Hausa-language> Access date: 10.01.2024
- Ekkehard W.H.* (2016). Language and Development in Africa: Perceptions, Ideologies and Challenges. United Kingdom: Cambridge University Press.
- Greenberg, J.H.* (1947) Arabic Loan-Words in Hausa // WORD. No. 3. Pp. 1, 2, 85–97, DOI: 10.1080/00437956.1947.11659308. Access date: 10.01.2024
- Kamwangamalu, N.M.* (2016). Language Policy and Economics: The Language Question in Africa. United Kingdom: Palgrave Macmillan UK.
- Language and National Identity in Africa. (2008). United Kingdom: OUP Oxford.
- Lefebvre, C.* (2023, March 22). Hausa Diasporas and Slavery in Africa, the Atlantic, and the Muslim World. Oxford Research Encyclopedia of African History. Available at: <https://oxfordre.com/africanhistory/view/10.1093/acrefore/9780190277734.001.0001/acrefore-9780190277734-e-917>. Access date: 10.01.2024
- Ngom, Fallou, Rodima-Taylor, D., Robinson, D.* (2023) 'Ajami Literacies of Africa: The Hausa, Fula, Mandinka, and Wolof Traditions // Islamic Africa
- Noorain, A.A.S., Mohammed, M.D., Alhaj, A.A.M.* (2020) Investigating Methods of Generating Meanings and Derivation of Words in Arabic and Hausa Languages: A Comparative Analytical Linguistic Study // International Journal of Linguistics, Literature and Translation. No. 3 (2). Pp. 144–162. Available at: <https://www.al-kindipublisher.com/index.php/ijllt/article/view/1140>. Access date: 10.01.2024
- Osborn, D., Osborn, D.Z.* (2010). African Languages in a Digital Age: Challenges and Opportunities for Indigenous Language Computing. United Kingdom: HSRC Press.
- Philips, J.E.* (2004) Hausa in the twentieth century: an overview // Language in Africa. Vol. 15. Pp. 55–84.
- Porkhomovskiy, V.Ya.* (1990) Khausa // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M. [Hausa // Linguistic encyclopaedic dictionary]. (In Russ.)

Осман Мухаммад Нух М. – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), Россия
Преподаватель кафедры русского языка, Хартумский университет (UofK), Судан
<https://orcid.org/0009-0001-6440-881X>
Адрес: 119992, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38с1.
Эл. адрес: osman.mahammad@yandex.ru

Osman Muhammad Nooh M. – Ph.D. student
Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State linguistic University (MSLU), Russia
Lecturer at the Department of Russian Language, University of Khartoum (UofK), Sudan
<https://orcid.org/0009-0001-6440-881X>
Address: 119992, Russia, Moscow, st. Ostozhenka, 38c1.
E-mail: osman.mahammad@yandex.ru

Для цитирования: *Осман М.Н.М.* Международные vs. африканские языки: влияние арабского и английского на развитие языка хауса в диаспоре хауса в Судане // Социолингвистика 2024. No 1 (17). С. 104–120. (На англ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-104-114

For citation: *Osman, M.N.M.* International vs. African languages: the influence of Arabic and English on the development of the Hausa language in the Hausa diaspora in Sudan // Sociolinguistika. 2024. No 1 (17). С. 104–120. (In Eng.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-104-114

The article was submitted 11.10.2023;
approved after reviewing 26.12.2023;
accepted for publication 13.02.2024.

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

УДК 81 272

DOI:10.37892/2713-2951-1-17-115-121

ЯЗЫКИ ДИАСПОРЫ

DIASPORA LANGUAGES

Одна из попыток осмысления феномена диаспоры была предложена академиком В.А. Тишковым [Тишков, 2021: 46,47] и заключалась в том, чтобы рассмотреть диаспору не как статистико-демографическую или этнокультурную группу, а прежде всего как конкретную ситуацию и стиль поведения части мигрантских и других сообществ или политических сил, действующих от имени данных социальных коалиций [Тишков, 2021: 445]. С этой точки зрения, диаспора выступает в качестве политического явления [Тишков, 2000: 57], политического проекта, политической миссии служения, сопротивления, борьбы и реванша [Тишков, 2021: 430], мощнейшего исторического актора, способного влиять на события самого высокого порядка; политики и даже геополитики на протяжении всей истории [Там же: 427], поскольку ключевым моментом диаспорообразования является не этническая общность, а так называемое национальное государство [Там же: 429] (критический взгляд на переоценку, в частности, государственности как этнообразующего фактора содержится в статье С.А. Арутюнова [Арутюнов, 2000: 75]).

С позиций В.А. Тишкова [Тишков, 2000: 53], диаспора видится исключительно внесоциорной [Семёнов, 2000: 66], и, как следствие, несмотря на изначальную установку исследовать феномен диаспоры «преимущественно в российском историко-культурном контексте» [Тишков, 2000: 46], упускается тот факт, что она может быть и внутрисоциорной, когда «члены этноса живут в том же геосоциоре, в котором находится ядро их этнической общности, но только за пределами своей этнической территории» [Там же: 66]. Основная причина, по которой жесткой критике подвергается «навязанная диаспоризация страны» [Тишков, 2021: 465], а также «повальное увлечение диаспорой как научной проблемой» [Там же: 445], лежит в плоскости все той же государственно-охранной концепции, очерченной В.А. Тишковым [Там же: 444, 445], согласно которой «внутри государств нет и не должно быть диаспор из “собственной” культурной среды, ибо государство есть дом, где все граждане равноправны» [Там же: 441], а «диаспоральный дискурс стал изощренной формой разделения и отчуждения в политических целях существующих гражданских сообществ, социальная и культурная общность которых, а также единство интересов выше, чем часто гипотетическая

мощь и влияние диаспор» [Там же: 465]. Несмотря на иные высказываемые точки зрения, в частности рассмотрения типологии диаспор по оси «внешние/внутренние» (об этом см.: [Тощенко, Чаптыкова, 1996; Иванов, 2000, 2005; Ягафова, 2013]), преобладающей является позиция, озвученная В.А. Тишковым.

Подчеркнем, что в фокусе непосредственно интересующих нас вопросов находится функционирование языка. Адаптация типологии внешней/внутренней диаспоры применительно к нашему объекту исследования и введение в оборот соответствующего термина (*языки внешней/внутренней диаспоры*) представляется насущным не только потому, что позволит составить адекватное описание и зафиксировать наблюдаемые явления в научном поле социолингвистики, но скорректировать и дополнить некоторые положения в рамках междисциплинарных исследований. В частности, уточнить представления о роли языка в поддержании этнической идентичности. Этнокультурная идентичность признается одним из базовых признаков диаспоры [Космарская, 2022: 14], однако роль языка для ее поддержания подчас нивелируется или игнорируется (ср. утверждения Т.В. Полосковой о том, что сохранение языка не является определяющим признаком диаспоры [Полоскова, 1999: 21] с мнением Дж.А. Фишмана [Fishman, 2001: 3–5]).

Вопросам выявления и изучения некоторых аспектов функционирования языков народов Российской Федерации, расселенных дисперсными группами, сложившимися в результате миграции из мест исконного проживания в другой регион страны, посвящен ряд работ других авторов (о калмыцком см.: [Биткеева, 2018: 61, 64, 65]; о татарском см.: [Москвичева, Сафина, 2018]). Безусловно, некоторые сопутствующие перемещению представителей этнической группы внутри государства проблемы социолингвистического плана (в частности, минорация статуса языка, сокращение объема его употребления за счет увеличения использования членами этнической группы доминирующего языка, снижение уровня межпоколенческой передачи этнического языка, проблема новых носителей языка и пр.) в определенной мере характерны и для мигрантов, принадлежащих к внешней диаспоре (см., например: [Зубалов, Шуванникова, 2017; Баранова, 2023: 162–175]). Однако ключевым моментом дифференциации языков внутренней и внешней диаспоры является именно факт изучения членами языкового сообщества (носителями этнических языков) русского языка в качестве государственного в школе, переход на русский язык во внутрисемейном общении в условиях смены места жительства и адаптации, более совершенный уровень владения русским уже в первом поколении мигрантов (ср. ситуацию с мигрантами из других стран, обосновавшимися в том же регионе, значительную долю во внутрисемейном общении которых по-прежнему занимает родной язык; об этом см.: [Омельченко, 2017: 64]).

Модель дифференциации языков внутренней и внешней диаспоры представляется операциональной с точки зрения разрешения некоторых методологических недочетов и погрешностей. Так, теоретические разработки, в большей степени касающиеся внешних диаспор, едва ли могут составить всеобъемлющую базу для описания социолингвистической ситуации с языками финно-угорских народов, проживающих компактными группами за пределами своих исконных территорий в Российской Федерации (см., например: [Кондрашкина, 2016]).

Подобные методологические несоответствия обусловлены неоднозначностью самой «диаспоры». Дефиниция и типология диаспоры находятся в предметном поле этнографов, историков, культурологов, политологов и до сих пор, кажется, вызывают споры и не имеют единого определения (об этом см.: [Милитарев, 1999]. Одни исследователи ориентируются на «классические» исторические образцы [Дятлов, 1999: 15–19; Safran, цит. по: Диаспоры и разделенные народы..., 2006: 14,15], другими допускаются расширенные трактовки, что обусловлено увеличением числа диаспор, уровнем их многообразия (исторические vs новые диаспоры) [Арутюнов, 2000: 75]. Впрочем, среди множества определений возможно выделить несколько признаков, которые рассматриваются большинством специалистов в качестве базовых [Космарская, 2022: 14]. Однако, помимо широкого круга явлений, включенных ныне в понятие «диаспора», чрезвычайно пестрая палитра дефиниций обусловлена и тем, что исследователи, как правило, ограничиваются тем определением, которое наиболее выгодно в преломлении методологического аппарата их научной дисциплины [Фоканов, 2008: 284] или соответствует идеологическим установкам самого исследователя.

В социолингвистике давно назрела необходимость различения языков внешней и внутренней диаспоры и введения в научный оборот соответствующих терминов применительно к описанию функционирования языков народов Российской Федерации, проживающих вне исконного ареала расселения. Подобное различение может оказаться весьма плодотворным.

В исследовании М.В. Куцаевой [2020] обобщены результаты социолингвистического обследования в языковом сообществе чувашей, проживающих на постоянной основе в Москве и Московской области. В силу исторических причин 43,3 % чувашей расселены за пределами административно-территориальных границ Чувашской Республики как компактными, так и дисперсными группами на территории Российской Федерации. Выделим существенные, на наш взгляд, признаки внутренней диаспоры с точки зрения языка:

1) изучение представителями внутренней диаспоры русского языка в качестве одного из государственных языков в системе школьного образования;

2) использование русского в качестве государственного на территории соответствующего административно-территориального образования;

3) частые контакты с малой родиной, а значит, периодическое употребление этнического языка;

4) вследствие миграции – функциональное перераспределение языков (этнического и русского) по крайней мере в случае тех, для кого на малой родине функционально первым выступал этнический язык [Там же: 25].

Вероятно, разработка и проведение дальнейших case studies по схожей тематике позволит исследователям выделить и другие признаки или уточнить предложенные.

Таким образом, предлагаемая модель различения языков внешней и внутренней диаспоры (ее дальнейшее углубленное изучение и детализация) может оказаться операциональной не только для социолингвистической науки, но и для междисциплинарных изысканий.

Литература

- Арутюнов С.А.* (2000) Диаспора – это процесс // *Этнографическое обозрение*. № 2. С. 74–78.
- Баранова В.В.* (2023) Языковая политика без политиков: Языковой активизм и миноритарные языки в России. М.: ВШЭ. 238 с.
- Биткеева А.Н.* (2018) Языковая адаптация диаспоры: Стратегии и перспективы развития // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 14 (3). С. 57–81.
- Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве (2006) / Отв. ред. К.С. Гаджиев, Э.Г. Соловьев; ИМЭМО РАН. М. 141 с.
- Дятлов В.И.* (1999) Диаспора: Попытка определиться в понятиях // *Диаспоры*. № 1. С. 8–23.
- Зубалов Д.Ю., Шуванникова Е.М.* (2017) Роль семьи и школы в формировании идентичности грузинских школьников в Москве // *Родной язык: Лингвистический журнал*. № 2 (7). С. 99–120.
- Иванов В.П.* (2000) Современная чувашская диаспора: Организационное строение и связь с республикой // *Чувашское население России: Консолидация. Диаспоризация. Интеграция* / Автор-сост. П.М. Алексеев; отв. ред. М.Н. Губогло. М.: ЦИМО. Т. 1. Республика и диаспора. С. 19–36.
- Иванов В.П.* (2005) Этническая география чувашского народа: Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во. 383 с.
- Кондрашкина Е.А.* (2016) Диаспора // *Язык и общество: Энциклопедия*. М.: Азбуковник. С. 134–142.
- Космарская Н.П.* (2022) Постсоветские диаспоры: История, политика, идентичность / Ин-т востоковедения РАН; Центр изучения Центр. Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. М. 280 с.
- Куцаева М.В.* (2020) Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. М.; СПб.: Нестор-История. 312 с.
- Милитарев А.Ю.* О содержании термина "диаспора" (к разработке дефиниции) // *Диаспоры*, 1999. №1. С. 24–33.
- Москвичева С.А., Сафина Л.М.* (2018) Мотивация изучения языка в миноритарной ситуации: Татарский язык в условиях внутренней диаспоры города Москвы // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 14 (3). С. 277–300.

- Омельченко Е.А.* (2017) Технологии адаптации иноязычных и иноэтничных обучающихся в школьном образовании // Родной язык: Лингвистический журнал. № 2 (7). С. 54–73.
- Полоскова Т.В.* (1999) Современные диаспоры: Внутриполитические и международные аспекты. М.: Научная книга. 252 с.
- Семёнов Ю.И.* (2000) Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. № 2. С. 64–74.
- Тишков В.А.* (2021) Теория и политика диаспоры // В.А. Тишков. Избранные труды: В 5 т. М.: Наука. Т. 2. 543 с.
- Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000, № 2. С. 43–63.
- Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* (1996) Диаспора как объект социологического исследования // Социс. № 12. С. 33–42.
- Фоканов Ю.В.* (2008) Диаспора: К вопросу о концептуализации понятия в условиях глобализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 60. С. 284–289.
- Ягафова Е.А.* (2013) Чувашская «диаспора» на постсоветском пространстве. Самара: ПГСГА. 180 с.
- Fishman J.A.* (2001) Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon: Multilingual Matters. 520 p.

Reference

- Arutyunov, S.A.* (2000) Diaspora – jeto process [Diaspora is a process] // Jethnograficheskoe obozrenie. No. 2. Pp. 74–78. (In Russ.)
- Baranova, V.V.* (2023) Jazykovaja politika bez politikov: Jazykovej aktivizm i minoritartnye jazyki v Rossii [Language policy without politicians: Language activism and minority languages in Russia]. M.: Vysshaja shkola ekonomiki. 238 p. (In Russ.)
- Bitkeeva, A.N.* (2018) Jazykovaja adaptacija diaspory: Strategii i perspektivy razvitija [Linguistic adaptation of the diaspora: Strategies and development prospects] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. Vol. 14 (3). Pp. 57–81. (In Russ.)
- Diaspory i razdelennye narody na postsovetskom prostranstve (2006)* [Diasporas and divided peoples in the post-Soviet space] // Otv. red. K.S. Gadzhiev, Je.G. Solov'ev; IMJeMO RAN. M. 141 p. (In Russ.)
- Dyatlov, V.I.* (1999) Diaspora: Popytka opredelit'sja v ponjatijah [Diaspora: An attempt to define concepts] // Diaspory. No. 1. Pp. 8–23. (In Russ.)
- Zubalov, D.Yu., Shuvannikova, E.M.* (2017) Rol' sem'i i shkoly v formirovanii identichnosti gruzinskih shkol'nikov v Moskve [The role of family and school in the formation of the identity of Georgian schoolchildren in Moscow] // Rodnoj jazyk: Lingvisticheskij zhurnal. No. 2 (7). Pp. 99–120. (In Russ.)
- Ivanov, V.P.* (2000) Sovremennaja chuvashskaja diaspora: Organizacionnoe stroenie i svjaz' s respublikoj // Chuvashskoe naselenie Rossii: Konsolidacija. Diasporizacija. Integracija. [Modern Chuvash diaspora: organizational structure and connection with the republic // Chuvash population of Russia: Consolidation. Diasporization. Integration]. M. CIMO. Vol. 1. Respublika i diaspora / Avtor-sost. P.M. Alekseev; otv. red. M.N. Guboglo. Pp. 19–36. (In Russ.)
- Kondrashkina, E.A.* (2016) Diaspora [Diaspora] // Jazyk i obshhestvo. Jenciklopedija. M.: Azbukovnik. Pp. 134–142. (In Russ.)
- Kosmarskaya, N.P.* (2022) Postsovetskie diaspory: Istorija, politika, identichnost' / In-t vostokovedenija RAN; Centr izuchenija Centr. Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ja [Post-Soviet diasporas: History, politics, identity / The Institute of Oriental Studies RAS; The Caucasian, Central Asian and Volga-Ural Studies]. M. 280 p. (In Russ.)

- Kutsaeva, M.V.* (2020) Funkcionirovanie jetnicheskogo jazyka v chuvashskoj diaspore moskovskogo regiona [The functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of the Moscow region]. M.; SPb.: Nestor-Istorija. 312 p. (In Russ.)
- Militarev, A.Yu.* O sodержanii termina "diaspora" (k razrabotke definitsii) [On the content of the term "diaspora" (toward the development of a definition)]. *Diasporas*, 1999. No. 1. Pp. 24 – 33. (In Russ.)
- Moskvicheva, S.A., Safina, L.M.* (2018) Motivacija izuchenija jazyka v minoritarnoj situacii: Tatarskij jazyk v uslovijah vnutrennej diaspory goroda Moskvy [Motivation for learning a language in a minority situation: The Tatar language in the conditions of the internal diaspora of the city of Moscow] // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskikh issledovanij RAN*. Vol. 14 (3). Pp. 277–300. (In Russ.)
- Omelchenko, E.A.* (2017) Tehnologii adaptacii inojazyčnyh i inojetnichnyh obučajushhihsja v shkol'nom obrazovanii [Technologies for adaptation of foreign-language and other-ethnic students in school education] // *Rodnoj jazyk: Lingvističeskij žurnal*. No. 2 (7). Pp. 54–73. (In Russ.)
- Poloskova, T.V.* (1999) Sovremennye diaspory: Vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty [Modern diasporas: Internal political and international aspects]. M.: Nauchnaja kniga, 1999. 252 p.
- Semenov, Ju.I.* (2000) Jetnos, nacija, diaspora // *Jetnografičeskoe obozrenie*. No. 2. Pp. 64–74. (In Russ.)
- Tishkov, V.A.* (2021) Teorija i politika diaspory [Theory and politics of the diaspora] // V.A. Tishkov *Izbrannye trudy: V 5 t.* M.: Nauka. Vol. 2. 543 p. (In Russ.)
- Tishkov, V.A.* Istoričeskij fenomen diaspory [Historical phenomenon of diaspora] // *Etnografičeskoye obozreniye*. 2000. No. 2. Pp. 43 – 63. (In Russ.)
- Toshhenko, Zh.T., Chapykova, T.I.* Diaspora kak objekt sociologičeskogo issledovanija [Diaspora as an object of sociological research] // *Socis*. 1996. No. 12. Pp. 33–42. (In Russ.)
- Fokanov, Ju.V.* (2008) Diaspora: K voprosu o konceptualizacii ponjatija v uslovijah globalizacii [Diaspora: On the issue of conceptualization of the concept in the context of globalization] // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. No. 60. Pp. 284–289. (In Russ.)
- Yagafova, E.A.* (2013) Chuvashskaja "diaspora" na postsovetskom prostranstve [Chuvash "diaspora" in the post-Soviet space]. Samara: PGSGA. 180 p. (In Russ.)
- Fishman, J.A.* (2001) Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon: Multilingual Matters. 520 p.

М.В. Куцаева

Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН.

<https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Kutsaeva Marina Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

<https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.

E-mail address: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Для цитирования: Куцаева М.В. Языки диаспоры // Социоллингвистика. 2024. № 1 (17). С. 115–121. DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-115-121

For citation: *Kutsaeva, M.V. Diaspora languages // Sociolingvistika. 2024. No. 1 (17). Pp115–121. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-17-115-121*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© М.В. Куцаева, 2024

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Marina V. Kutsaeva, 2024

The article was submitted 11.12.2023;
approved after reviewing 26.02.2024;
accepted for publication 15.03.2024.

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛИНГВИСТИКА»

Требования и рекомендации к оформлению статей

1. Материалы предоставляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно предоставление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающих фамилию, имя, отчество полностью, номер orcid, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языке.

2.2. Аспирантам и магистрантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Рекомендуемый объем статьи — 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:
 - Индекс УДК;
 - Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
 - Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
 - Аннотация на русском и английском языках.
 - 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).
 - Текст статьи.
 - Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References.
 - При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.

Требования к заглавиям статей

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- указание фамилии, имени, отчество автора (авторов). Указание orcid.
- указание ученого звания и ученой степени;

- предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора.
- Автор обязан уведомить редакцию о реальном или потенциальном конфликте интересов, включив информацию о конфликте интересов в конце статьи. Если конфликта интересов нет, автор должен также сообщить об этом. Примеры формулировки для одного автора и для авторских коллективов:

Пример формулировки:

Автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов. The author(s) declare(s) no conflicts of interests.

- аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Образец

Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Российская Федерация

ORCID: 0000-0000-0000-0000

Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: socioling@mail.ru

Ivan Ivanovich Ivanov – Doctor of Philology, Professor, Senior researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Russian Federation.

ORCID: 0000-0000-0000-0000

Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/1, 125009 Moscow, Russian Federation.

Email: socioling@mail.ru

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье). Англоязычная аннотация, вследствие ее перевода на английский язык, может быть увеличена до 200 слов.

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Требования к оформлению текста:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;

- Шрифт гарнитуры Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе древнерусских, церковнославянских, греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно прислать в электронном письме вместе с файлом статьи.
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- выравнивание текста по ширине;
- строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).
- использование разрядки как способа выделения слов не допускается.
- сноски проставляются постранично; шрифт Times New Roman, кегль 10, междустрочный интервал сносок – одинарный интервал; выравнивание по ширине;
- переносы не допускаются.
- абзацный отступ 1,25. Табуляция абзацев не допускается.
- имя файла набрано латиницей и содержит фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению библиографических ссылок в тексте статьи

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки..., 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **Литература**, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.1-2003 с

указанием обязательных сведений библиографического описания. Фамилия и инициалы автора выделяются *курсивом*.

Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. В обозначении DOI приводится только сам номер, адрес сайта <http://www.doi.org/> указывать не нужно.

Образец: DOI: 10.37892/2713-2951-5-15-66-98

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем - работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia).

Список литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется *курсивом*);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), указать дату обращения.

Примеры описания

Статья из журнала

Биткеева А.Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии. № 1(61). С. 31–37.

Материалы конференции

Михальченко В.Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО. С. 12–13.

Книга (монография, сборник)

Михальченко В.Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас. 224 с.

Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015). Отв. ред. А.Н. Биткеева. М.: Азбуковник. 471 с.

Интернет-ресурс

Жукоцкая А.В. (2009) Феномен идеологии. Режим доступа: <http://service.ebooksearch.webfactional.com/en>. Дата обращения: 12.11.2019.

Образец оформления References

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **References**, составляется в порядке полностью идентичном списку литературы. References помещается после списка литературы.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

- авторы (имена не транслитерируются), (год издания работы), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация), выходные данные с обозначениями на английском языке.
- Для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.
- В References // и / заменяются на точку.
- Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте www.translit-online.ru
- Выходные данные (место проведения конференции, место издания, обозначение страниц) должны быть представлены на английском языке.
- Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, напр. (In Russ.).

Образец

Author, A.A., Author, B.B., Author, C.C. (2019) Транслитерированное название публикации [Перевод названия на английский язык]. Транслитерированное название журнала, Vol. 7, no. 2, pp. 34–40. (In Russ.)

Примеры описания

Статья из журнала

Bitkeeva, Aysa. N., Wingender, Monika, Mikhalchenko, Vida Yu. (2009) Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Issue 2, Iazykoznanie, pp. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russ.).

Статья из онлайн журнала

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals]. The New Research of Tuva, no. 3. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/138>. Access date: 01.11.2019. (In Russ.).

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobrazia v Rossiiskoi Federatsii [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation]. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korenykh narodov Sibiri". Abakan, pp. 9–12. (In Russ.)

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of the South Siberia]. Abakan, Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.)

Yazykovaya politika v kontekste sovremennykh yazykovykh processov [Language policy in the context of modern language processes]. Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow, 2015. 471 p. (In Russ.)

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources]. Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/>. Access date: 07.02.2024. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGVISTIKA

№ 1 (17)

2024

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов / Vladimir M. Alpatov

(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева / Aysa N. Bitkeeva

(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор | Editor

В.И. Меркулова / V.I. Merculova

(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов **С.В. Кириленко** | Translation into English **S.V. Kirilenko**

Компьютерная верстка | Desktop publishing

О.С. Корявкина / O.S. Koryavkina

(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Дата выхода: 17.04.2024 | Published 17.04.2024

Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 15.0 | Format 60x84/8. Printed sheets 15.0

Учредители, редакция, издатели:

Институт языкознания Российской академии наук, 2020

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020

Founders, editors, publishers:

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020

Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1